

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Электронный сборник материалов
XXIII Республиканской научно-практической конференции

Брест, 29 апреля 2022 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2022

ISBN 978-985-22-0468-2

Об издании – 1, 2

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2022

1 – сведения об издании

УДК 314.114:346.544.4
ББК 67:65.011

Редакционная коллегия:

Т. А. Горупа, Г. И. Зайчук, Н. Н. Маслакова

Рецензенты:

начальник юридического отдела филиала Госэнергогазнадзора
по Брестской области кандидат юридических наук **О. В. Гурина**

доцент кафедры теории и истории государства и права
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат юридических наук, доцент **О. В. Бреский**

Актуальные проблемы права [Электронный ресурс] : электрон.
сб. материалов XXIII Респ. науч.-практ. конф., Брест, 29 апр. 2022 г. /
Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Т. А. Горупа, Г. И. Зайчук,
Н. Н. Маслакова. – Брест : БрГУ, 2022. – 199 с. – Режим доступа:
<http://rep.brsu.by/handle/123456789/7746>.

ISBN 978-985-22-0468-2.

Материалы сборника посвящены актуальным проблемам правового регулирования общественных отношений в Республике Беларусь.

Издание адресуется магистрантам, аспирантам, научно-педагогическим работникам, а также практикующим юристам.

Разработано в PDF-формате.

УДК 314.114:346.544.4
ББК 67:65.011

Текстовое научное электронное издание

Системные требования:

тип браузера и версия любые; скорость подключения
к информационно-телекоммуникационным сетям любая;
дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2022

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 10 Pro, Microsoft Office 2010;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор А. В. Мужейко, компьютерный набор и верстка А. В. Мужейко;
- дата размещения на сайте: 01.12.2022.
- объем издания: 1,50 Мб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.brest.by.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Быско Е. В. Понятие и виды занятости в Республике Беларусь	9
Горупа Т. А. Региональные стандарты в области защиты прав потребителей в актах первичного права ЕАЭС	11
Зайчук Г. И. Вопросы закрепления в законодательстве вод как объекта недвижимости	15
Литвинчук С. В. Практические аспекты оспаривания признания наследственного имущества выморочным	18
Луцевич Ж. А. Подходы к таможенному регулированию на национальном уровне в государствах – членах ЕАЭС	20
Тельпук В. И. Правовые основы деятельности органов прокуратуры в сфере борьбы с коррупцией	23

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

Ананьева В. Р. Содержание нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей как конституционная обязанность детей	26
Антончик Е. В. Сравнительный анализ правового положения суррогатной матери в Республике Беларусь и Российской Федерации	28
Береговцова Д. С., Береговцов И. М. К вопросу о расширении права на ЭКО (опыт Франции)	30
Глаз Е. А. Обязанность совершеннолетних детей по содержанию своих родителей	33
Головачёва М. В. Порядок прохождения государственной гражданской службы в Республике Беларусь	35
Зубрик Д. А. Понятие и значение термина «презумпция» в контексте презумпции знания закона	37
Игнатенко А. С. Конституционные основы защиты Республики Беларусь: соотношение понятий «конституционная обязанность» и «священный долг»	39
Маслакова Н. Н. Статья 65 новой редакции Кодекса Республики Беларусь об образовании: новация или экспансия трудового права?	42
Нанкевич В. В. О некоторых проблемах правового регулирования временной опеки (попечительства) над несовершеннолетними в Республике Беларусь	44

Пашкевич Я. Б. Юрисдикционные механизмы разрешения спорных семейно-правовых отношений.....	46
Пожарная О. В. Проблемы и перспективы реализации конституционного права граждан Республики Беларусь на местное самоуправление в контексте решения ими финансовых вопросов	50
Прудников Е. В. Самозащита как способ защиты беститульного владения вещью.....	52
Фролов И. Н. Акты социального партнерства как источники регулирования труда работников АПК.....	54
Ходько Е. А. Понятие и виды стажа в праве социального обеспечения Республики Беларусь	56
Шахрай И. С., Лизгаро В. Е. О головном акте экологического законодательства Республики Беларусь и его возможной структуре	59
Шурхай Е. В. Реализация права родителей по определению имени ребенка по законодательству Республики Беларусь и Республики Польша	61

СЕКЦИЯ 2. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Барановская А. В. Содержание гражданско-правового регулирования в области рекламы в Европейском союзе.....	64
Борисевич А. А. К вопросу о правовом регулировании искусственного интеллекта	67
Бурсевич М. С. Нотариат в Республике Беларусь как нотариат латинского типа	69
Глеб В. В. Проблематика правовой охраны фотографических произведений	71
Глухова О. В. Предварительное судебное заседание в гражданском процессе Республики Беларусь.....	73
Ластовская А. И. Принцип согласия лица при проведении геномных исследований и его реализация в законодательстве Республики Беларусь....	76
Лёгкая Д. А. Правовое регулирование объектов интеллектуальной собственности	78
Мацукова Д. Н. Заключение договоров в сфере интернет-торговли.....	80
Мостоловица Ю. С. Сделки, изменяющие правовой режим имущества супругов.....	83
Пашкевич И. П. Психологические аспекты медиации.....	85
Прокопук М. М. Вопросы раздела общей совместной собственности супругов	87

Романович И. В. Функции современного белорусского нотариата	89
Савко К. А. Информационные технологии в нотариальной деятельности	91
Скаскевич Е. Ч. Основания освобождения от ответственности владельца беспилотного транспортного средства	94
Тельпук В. И. Астрент: опыт Российской Федерации и перспективы правового закрепления в законодательстве Республики Беларусь.....	96
Тельпук В. И. Медиация в цивилистическом процессе.....	99
Филипцова П. А. О диспозитивности в правовом регулировании отношений участников общества с ограниченной ответственностью	101
Царёва Л. В. Филиалы иностранных организаций в Республике Беларусь: что предлагает проект ГК	103
Цытриков Е. О. К вопросу о правовой охране фотографических произведений	105
Чижик И. А. К вопросу о правовой природе корпоративных соглашений.....	108
Чугунова Т. И. Стандарты СНГ в области защиты прав потребителей как ориентир для стран-участниц.....	110

СЕКЦИЯ 3. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

Андрейчук М. Н. Особенности начала ведения административного процесса по правонарушению, предусмотренного ст. 10.1 Кодекса об административных правонарушениях	113
Бублий Е. Н. Подготовка к проведению допроса как основа его эффективности	115
Бублий Е. Н. Понятие и содержание доказывания в уголовном процессе Республики Беларусь	117
Былинская А. Ю. Назначение наказания при наличии обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность	121
Заранка И. А. Склонение к потреблению наркотических, психотропных веществ или их аналогов как общественно опасное деяние против здоровья населения.....	123
Квятович А. А. Справедливость как принцип административной ответственности.....	126
Митько В. Г. Участие педагога и психолога в уголовном процессе в случае совершения преступлений лицами в возрасте до восемнадцати лет.....	128

Мицкович И. В. Применение административного ареста как меры административного взыскания	130
Мицкович И. В. Убийство как правовое явление	132
Мощук К. Д. Проблемы уголовно-правовой квалификации изнасилования.....	135
Новик А. Н. Административно-правовые аспекты вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение.....	137
Новик А. Н. Уголовно-правовые аспекты умышленной подмены ребенка	139
Прокопук М. М. Специальные субъекты административных правонарушений	142
Рыжанков А. Ю. Основания отграничения служебной халатности от невиновного причинения вреда	144
Сливко О. Я. Теоретические аспекты применения к индивидуальным предпринимателям профилактических мер воздействия.....	146
Солоневич А. В. Виды наказаний, применяемые к юридическим лицам, за совершение административного правонарушения	148
Телятицкая Т. В. Генезис принципов административной ответственности.....	150
Фроликов А. С. Роль следственных версий в организации расследования	152
Шерайзина Л. О. Законодательная модель оценки деяний, посягающих на законный учет и устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	155
Шклёда Н. Ю. Нарушение правил охраны труда: квалификация по признакам субъекта преступления	157
Шостак Д. Т. Запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений: проблемы и способы их решения	159
Шостак Д. Т. Уклонение от уплаты налогов и сборов: практика применения в Республике Беларусь и за рубежом	161

СЕКЦИЯ 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Андреюк П. А. Новеллы законодательства Европейского союза в сфере защиты прав потребителей	164
Былинская А. Ю. Финансовый контроль как элемент экономической безопасности в Республике Беларусь.....	166
Драцевич М. С., Петрукович Д. А. Мотивация персонала малых и микроорганизаций.....	168

Ермакович С. Л. О соотношении понятий «монополистическая деятельность» и «недобросовестная конкуренция» в антимонопольном законодательстве Республики Беларусь	171
Загорнов А. А. Становление экономического правосудия в БССР	174
Кирвель И. Ю. Опыт стран ЕАЭС по организации судебной деятельности в условиях чрезвычайных положений.....	176
Крутько Ю. Н., Петрукович Д. А. Страхование граждан как элемент системы социальной защиты населения.....	179
Кузьмич И. П. Правовое обеспечение создания цифровой информационной среды в сельском хозяйстве	182
Омельянюк М. А. Сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в транспортно-экспедиционной деятельности	185
Петрукович Д. А., Колядич Н. Г. Кластерное развитие региональной экономики как элемент экономической безопасности.....	187
Поздняков, Д. А., Дворонинович Д. А. Экономическая безопасность Союзного государства	189
Шалаева Т. З. Региональные стандарты в области защиты прав потребителей в актах вторичного права ЕАЭС	191
Шахалевич К. В. Преимущественное право лицензиата на регистрацию товарного знака	195
Якимова А. С. Финансовый контроль как правовой институт	197

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е. В. БЫСКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, канд. юрид. наук, доцент

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Занятость является междисциплинарной категорией и в научной литературе рассматривается в качестве элемента области знаний как экономической, так и юридической науки.

По мнению Э. Р. Саруханова, занятость выражает «...общественно-экономические отношения, в которые вступают между собой по поводу участия в общественно полезном труде на том или ином рабочем месте», т. е. «это практическая деятельность людей по производству материальных благ» [4, с. 57]. В. Н. Иванова и Т. И. Безденежных определяют, что занятость «выражает одну из сторон трудовых отношений по поводу непосредственного включения работника в процесс труда» [2, с. 9]. А. Э. Котляр определяет занятость как «...общественные отношения между людьми, прежде всего экономические и правовые, по поводу включения работника в конкретную кооперацию труда на определенном рабочем месте» [3, с. 52]. Таким образом, занятость как социально-экономическая категория выражает производственные отношения между трудоспособными лицами в конкретной кооперации труда в производстве продуктов труда или оказании различных видов общественно полезных трудовых услуг.

В законодательстве Республики Беларусь правовая категория «занятость» закреплена в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15.06.2006 № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь». Под занятостью понимают деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, которым предоставлены статус беженца или убежище в Республике Беларусь, связанную с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащую законодательству и приносящую им заработную плату, вознаграждение за выполненную работу (оказанную услугу, создание объектов интеллектуальной собственности), иной доход.

В науке трудового права не наблюдается единства мнений относительно форм и видов занятости. В литературе представлены классификации, подразделяющие занятость: на направленную и не направленную на получение заработка; полную и неполную; продуктивную (эффективную) и непродуктивную (неэффективную); типичную (стандартную)

и нетипичную (нестандартную); постоянную и временную; легальную и нелегальную; видимую и невидимую; отраслевую, функциональную и региональную и т. д. [1, с. 79]. В зависимости от режима правового регулирования отношений, связанных с применением труда, на сегодняшний день выделяют понятия стандартной и нестандартной (гибкой, нетипичной, атипичной) занятости.

Обобщая подходы в научной литературе, отметим, что стандартная занятость – это занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на одном предприятии или в организации (у одного нанимателя), под непосредственным руководством нанимателя или назначенных им менеджеров, а также нахождение в сфере действия трудового права.

Нестандартная занятость – все формы занятости, в той или иной степени не соответствующие признакам стандартной занятости. Возникновение и распространение данных форм связаны с двумя долгосрочными экономическими тенденциями: цифровизацией и глобализацией. Ключевые признаки нестандартной занятости подразумевают прежде всего нестандартные формы трудовых отношений. Здесь изменяется экономический статус работника и нанимателя: работник может предоставлять собственный капитал для фирмы (к примеру, программист, работающий дистанционно, может использовать свой компьютер). Таким образом, частично или полностью устраняется отчуждение наемного работника от средств производства (нередко работник может быть поставщиком капитала для компании, например водитель такси, работающий в таксопарке на собственном автомобиле) и (или) на сотрудника в определенной мере перераспределяются предпринимательские риски. Основными видами нестандартной занятости являются: е-занятость, телеработа, заемный труд, фриланс (самозанятость), надомный труд, временная, непостоянная, случайная занятость или недо- или сверхзанятость. На данный момент в Республике Беларусь действует единственный акт, в котором прямо указаны легализованные формы нестандартной занятости, – «Рекомендации по применению гибких форм занятости» (2013), утвержденные Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь. В данных рекомендациях к гибким формам занятости относят срочные трудовые договоры, неполное рабочее время, нестандартные режимы рабочего времени, надомный труд. Отметим, что мировой опыт уже свидетельствует о преобладании нестандартных форм занятости над стандартными. Ввиду этого считаем необходимым определение механизмов их регулирования, профилактики неблагоприятных последствий ввиду распространения, а также обеспечение правовой безопасности работников посредством применения принципов концепций достойного труда и гибкости в Республике Беларусь.

Список использованной литературы

1. Дрохова, Н. В. Анализ подходов к классификации форм нестандартной занятости населения / Н. В. Дрохова // Вестн. ВГУИТ. – 2017. – № 1. – С. 79–83.
2. Иванова, В. Н. Управление занятостью населения на местном уровне : учеб. пособие / В. Н. Иванова, Т. И. Безденежных. – М. : Финансы и статистика, 2002. – 192 с. : ил.
3. Котляр, А. Э. Сущность и основные формы занятости при социализме / А. Э. Котляр // Трудовые ресурсы. Проблемы формирования занятости. – М. : ЦНИЛТР при Госкомтруде РСФСР, 1977. – Вып. 1.
4. Саруханов, Э. Р. Проблемы занятости в период перехода к рынку / Э. Р. Саруханов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та экономики и финансов, 1993. – 164 с.

К содержанию

Т. А. ГОРУПА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В АКТАХ ПЕРВИЧНОГО ПРАВА ЕАЭС

Международные стандарты в области защиты прав потребителей представлены Резолюцией 39/248 Генеральной Ассамблеи ООН «Защита интересов потребителей», которая в приложении «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей» определила перечень прав потребителей, гарантий их реализации и защиты, являющихся по своей сути стандартами.

Однако исследование международных стандартов в области защиты прав потребителей будет неполным без исследования особенностей стандартов международных экономических региональных интеграционных образований. На Евразийском континенте одним из ведущих интеграционных образований признается Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз). Учредительным актом ЕАЭС, являющимся по своей сути актом первичного права регионального Союза, является Договор о ЕАЭС, принятый в 2014 г. и вступивший в силу 1 января 2015 г. Как и другие интеграционные экономические образования в мире, ЕАЭС одной из своих целей ставит создание общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы государств-членов.

Так, ст. 1 Договора определяет, что в рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проводится скоординированная, согласованная или единая политика в отраслях экономики, определенных данным Договором и другими международными договорами в рамках Союза.

Создание общего рынка предполагает параллельное создание и специальных механизмов защиты прав потребителей на наднациональном уровне, ведь потребители будут покупать товары и заказывать услуги в рамках общей таможенной границы всего региона вне зависимости от границ проживания в конкретном государстве-члене. Соответственно, человек-потребитель и его права должны быть в центре внимания не только институтов, реализующих наднациональную политику, но и учредительных актов интеграционных образований.

Договор о ЕАЭС упоминает интересы потребителей как приоритет внешнеторговой политики (п. 2 ст. 33), технического регулирования (п. 1 ст. 51), финансовых рынков (п. 1 ст. 70), правил конкуренции (п. 2 ст. 76), естественных монополий (п. 2 ст. 78), также ряд протоколов ссылаются на необходимость учета интересов потребителей в той либо иной политике. Но, пожалуй, особо ценно наличие в Договоре о Союзе во второй части «Таможенный Союз» полноценного раздела XII «Защита прав потребителей» и Протокола «О проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей». Тем самым подчеркивается важность защиты потребителей на самом высоком уровне в ЕАЭС – в акте первичного права.

Используя формально-юридический метод исследования раздела XII Договора, можно констатировать предоставление потребителям ЕАЭС четырех гарантий защиты своих прав:

1) защита потребителями всех государств-членов своих прав гарантируется Договором о ЕАЭС и законодательством государств-членов о защите прав потребителей.

По многим аспектам защиты прав потребителей применяются частноправовые нормы, содержащиеся в гражданских кодексах и специальных законах государств-членов, поэтому гарантии защиты нарушенных прав потребителей государств-членов не могут содержаться только в актах ЕАЭС, обязательно будут применяться и акты национального законодательства;

2) потребители одного государства-члена пользуются на территориях других государств-членов такой же правовой защитой, что и граждане этих других государств-членов.

Данная гарантия базируется на международно-правовом принципе равенства, что подразумевает возможность потребителям любого

государства-члена обращаться за защитой своих прав в другие государства-члены и иметь такие же права, что и потребители данных государств. Любой из законов «О защите прав потребителей государств-членов» знает институты расторжения договора по требованию потребителя, предъявления требований в случае продажи товара ненадлежащего качества, право на подачу претензии к продавцу (изготовителю, исполнителю) и т. д., соответственно, эти права могут быть реализованы любым потребителем независимо от гражданства, проживания на территории ЕАЭС;

3) потребители одного государства-члена имеют право обращаться в государственные органы, в том числе в суды, других государств-членов за защитой своих прав.

Данная гарантия должна предоставлять возможность потребителям государств-членов обращаться в государственные органы власти с обращениями независимо от нахождения на территории данного государства. Представляется, что данная норма Договора о Союзе должна иметь приоритет перед национальным законодательством. К примеру, в Республике Беларусь согласно п. 2 ст. 3 Закона от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» находящиеся на территории Республики Беларусь иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правом на обращение наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией Республики Беларусь, законами и международными договорами Республики Беларусь. В данном случае именно Договор о ЕАЭС должен иметь приоритет перед национальным законом Республики Беларусь, и обращения потребителей государств-членов должны быть рассмотрены. Что касается обращений в суд потребителей государств-членов, это бесспорно возможно реализовать на основе национальных актов в сфере гражданского процессуального права;

4) потребители одного государства-члена имеют право обращаться в общественные потребительские организации других государств-членов за защитой своих прав.

И еще один важный момент, определенный разделом XII Договора, – это определение вида политики ЕАЭС в сфере защиты прав потребителей. Из трех видов политик, проводимых в ЕАЭС (единая, согласованная и скоординированная), в данной сфере, согласно п. 2 ст. 61, проводится согласованная политика, что предполагает гармонизацию правового регулирования в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, в том числе и с помощью решений органов Союза. Предполагается, что актами гармонизации могут быть специальные Договоры между государствами-членами по вопросам защиты прав потребителей, которые бы устанавливали правила регулирования отношений с участием потребителей в ЕАЭС, а государства-члены самостоятельно определяли бы средства

и формы их внедрения в национальное законодательство. До настоящего времени таких актов принято не было, несмотря на актуальность вопросов электронной торговли в ЕАЭС, а также ряда договорных и внедоговорных отношений с участием потребителей.

Кроме Договора о ЕАЭС, к актам первичного права относятся также Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан в г. Минске 10.10.2014), в разделе IX которого, посвященного вопросам, связанным с защитой прав потребителей, лишь определена дефиниция некачественных товаров в Армении как товаров, «не соответствующих принятым стандартам и нормам безопасности»; Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (подписан в г. Москве 23.12.2014), который норм, посвященных защите прав потребителей, не имеет.

Среди международных договоров, заключенных в рамках ЕАЭС, следует отметить Соглашение о принципах и подходах осуществления государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов Евразийского экономического союза в целях гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в указанной сфере от 16 февраля 2021 г. (данный договор определяет перечень принципов осуществления государственного контроля (надзора), в ст. 3 которого закреплён и принцип обеспечения защиты прав потребителей) и Соглашение о гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка от 6 ноября 2018 г., ст. 4 которого определяет, что его участники осуществляют гармонизацию требований по защите прав и интересов потребителей финансовых услуг (банковских, страховых и рынка ценных бумаг).

И ещё один договор – Соглашение о порядке обращения в рамках Евразийского экономического союза продукции, требования к которой не установлены техническими регламентами Евразийского экономического союза, и правилах обеспечения безопасности такой продукции. Важность данного акта переоценить нельзя в силу того, что именно он призван обеспечивать право потребителей на безопасность продукции в рамках ЕАЭС наравне с техническими регламентами через установление обязанностей изготовителей, продавцов, импортеров и их представителей, формирование специальной системы безопасности от возможных рисков, представление информации о безопасных условиях эксплуатации (использования, применения) продукции, в том числе для отдельных категорий потребителей, особенно уязвимых.

Таким образом, акты первичного права ЕАЭС, устанавливающие евразийские стандарты в сфере защиты прав потребителей, имеют

трехуровневый состав. На первом базовом уровне это Договор о ЕАЭС, определяющий гарантии защиты прав потребителей, закрепляющий содержание согласованной политики государств-членов в этой сфере и направления реализации такой политики. Второй уровень представлен Договорами о присоединении Республики Армения и Кыргызской Республики, которые имеют индивидуальные условия вхождения в ЕАЭС, в том числе и относительно вопросов защиты прав потребителей. И третий уровень включает отдельные Соглашения в рамках ЕАЭС, посвященные обеспечению реализации и защите права потребителей на безопасность продукции и защите прав потребителей финансовых услуг.

К содержанию

Г. И. ЗАЙЧУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ВОПРОСЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВОД КАК ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ

Возможность применения к отношениям в области использования земель и других природных ресурсов гражданского законодательства, закрепленная в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (далее – ГК) возвратила воды в гражданский оборот. В соответствии с п. 2 ст. 1 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-3 (далее – ВК) под *водным объектом* понимается сосредоточение вод в искусственных или естественных углублениях земной поверхности либо в недрах, имеющее определенные границы, объем и признаки гидрологического режима или режима подземных вод.

Однако в законодательстве и юридической литературе есть и другие подходы к определению водного объекта.

В классическом и постклассическом римском праве вещами, общими для всех, были воздух, вода, которая течет, море и морской берег до границы наивысшего зимнего прилива [1, с. 137].

По мнению дореволюционного цивилиста профессора Д. И. Мейера, «хозяин поземельного участка, прилегающего к судоходной реке или озеру, на пространстве 10 сажен (21,33 м) обязан допускать проход и проезд людям, занимающимся подъемом речных судов, позволять баркам и другим судам останавливаться у берегов, причаливать к ним и выгружать свои товары без всякой платы, пользоваться подножным кормом на пространстве бечевика, ловцам рыбы иметь пристанище и сушить снасти, вообще не препятствовать употреблению бечевика и не повреждать его. Притом же было бы затруднительно вступать каждый раз в договор

относительно подножного корма и права остановки у берега: прибрежные хозяева могли бы слишком эгоистически воспользоваться нуждой судовщиков» [2, с. 23–27].

В ст. 81 Водно-мелиоративного кодекса БССР от 8 марта 1928 г. (далее – ВМК) было закреплено, что русло водотоков и дно остальных водоемов при нормальном уровне воды, а также береговая полоса общего пользования составляют одно целое и подчиняются действию правил о порядке использования и охраны водоемов. При этом береговая полоса общего пользования определялась шириной на судоходных водоемах – 15 м, сплавных – 5 м, остальных – 1 м от гребня берега (ст. 22 ВМК).

Согласно ст. 1 Модельного водного кодекса для государств – участников СНГ от 16 ноября 2006 г. единый водный объект – это поверхностные воды и земли, покрытые ими и сопряженные с ними (дно и берега водного объекта), а также подземные воды и вмещающие их горные породы.

«Водный объект – юридическая абстракция, которая не совпадает с обыденным либо естественно-научным понятием “водный объект”. Юридически водный объект в пределах водного фонда представляет собой сложное неразрывное единство нескольких составных частей. Поверхностные водные объекты состоят из дна, покрывающих дно вод и прилегающих берегов. Дном признаются водопокрытые земли, постоянно или большую часть времени находящиеся под водой. К берегу относится полоса суши вдоль либо вокруг водного объекта, которая именуется также береговой полосой» [3, с. 261].

Из общего смысла п. 6 ст. 6 Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ следует, что полоса земли вдоль береговой линии водного объекта общего пользования (береговая полоса) предназначена для общего пользования. Ее ширина составляет 20 м, а для каналов, рек и ручьев протяженностью от истока до устья не более 10 км – 5 м.

Согласно ч. 1 ст. 263 ГК граждане имеют право свободно, без каких-либо разрешений находится для незакрытых для общего доступа земельных участках, находящихся в собственности Республики Беларусь, и использовать имеющиеся на этих участках природные объекты.

Статьей 6 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425 (далее – КоЗ) к землям водного фонда отнесены земли, занятые водными объектами, а также земельные участки, предоставленные для ведения водного хозяйства, в том числе для размещения водохозяйственных сооружений и устройств. Таким образом, земли водного фонда подразделяются на два вида: на земли, занятые водными объектами, т. е. земли, непосредственно покрытые водой, и земельные участки, предоставленные для ведения водного хозяйства, которые согласно ст. 13 КоЗ находятся в государственной собственности.

В соответствии со ст. 15 Кодекса внутреннего водного транспорта Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 118-З для выполнения работ, связанных с судоходством, на внутренних водных путях вне населенных пунктов организациям внутреннего водного транспорта предоставляется в постоянное пользование полоса отвода земли (береговая полоса) шириной 20 м от уреза воды или от бровки берега (на крутых берегах) в глубь материка или острова.

Понятия берега и береговой линии закреплены в п. 2 Правил любительского рыболовства, утвержденных указом Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284 «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве» (далее – Указ № 284). В частности, берегом является часть суши, непосредственно примыкающая к водному объекту, а береговая линия представляет собой условную границу, отделяющую водный объект от суши, однако без указания ширины берега и определения его правового положения.

Согласно п. 6 Правил ведения рыболовного хозяйства, утвержденных Указом № 284, рыболовные угодья предоставляются в аренду с земельным участком, необходимым для ведения рыболовного хозяйства, в соответствии с земельным законодательством. Из этого следует, что земли, расположенные за пределами береговой линии и составляющие берег, не относятся к землям водного фонда и не составляют с водами единого целого.

Следовательно, отнесение берега (береговой полосы) в национальном законодательстве к иным категориям земель, а не к землям водного фонда, которые могут находиться и в частной собственности, во-первых, требует при передаче водного объекта в аренду для рыбообследования и рыболовства дополнительного заключения договора аренды земельного участка, необходимого для ведения рыболовного хозяйства, что является излишней бюрократической процедурой, во-вторых, затрудняет осуществление гражданами права общего водопользования, так как п. 1.2 ст. 54 ВК в границах прибрежных полос поверхностных водных объектов установлен только запрет на ограждение земельных участков на расстоянии менее 5 м от береговой линии, да и то за рядом исключений, без отнесения этих неогороженных земель к землям общего пользования.

Сейчас обособленные водные объекты п. 1 ст. 130 ГК отнесены к недвижимости. Однако определение понятия водного объекта как объекта недвижимости и его границ в ВК отсутствует. С учетом опыта правового регулирования БССР, СНГ, современной России и теоретических работ в области земельного права, для преодоления пробелов и коллизий в водном и земельном законодательстве можно дать следующее определение.

Как объект недвижимости **водный объект** представляет собой поверхностные воды и земли, покрытые ими и сопряженные с ними (дно и берега водного объекта), а также подземные воды и вмещающие их горные породы. Поверхностный водный объект состоит из поверхностных вод, дна и берегов. Границей для него является береговая линия, которая устанавливается от среднемноголетнего уреза воды в летний период. Подземный водный объект состоит из подземных вод и вмещающих их горных пород. Границы для него устанавливаются в порядке определения границ для горного отвода.

К землям водного фонда относятся земли, занятые водами, и берега водных объектов, а также земельные участки, предоставленные для ведения водного хозяйства, в том числе для размещения водохозяйственных сооружений и устройств. Береговая полоса – это часть суши, непосредственно примыкающая к водному объекту, шириной для больших и средних рек 20 м, для малых рек 5 м, для водоемов от 20 до 5 м от уреза воды или от бровки берега (на крутых берегах) вглубь материка или острова. Земли береговой полосы водных объектов, находящихся в совместном пользовании, и относятся к землям общего пользования.

Список использованной литературы

1. Пухан, Иво. Римское право : базовый учеб. : пер. с македон. / Иво Пухан, Мирьяна Поленак-Акимовская ; под ред. д-ра юрид. наук проф. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало-М, 2003. – 448 с.

2. Мейер, Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. / Д. И. Мейер. – По испр. и доп. 8-му изд., 1902. – М. : Статут, 1997. – Ч. 2. – 455 с.

3. Краснова, И. О. Земельное право. Элементарный курс / И. О. Краснова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – 270 с.

К содержанию

С. В. ЛИТВИНЧУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. О. Шерайзина, старший преподаватель

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА ВЫМОРОЧНЫМ

В практике рассмотрения судами гражданских дел о признании наследства выморочным встречаются ситуации, когда гражданам необходимо оспаривать признание наследственного имущества выморочным. Также по спорам о выморочном наследственном имуществе нет единого

подхода, как поступить в тех случаях, когда после признания имущества выморочным объявляются наследники и требуют возврата наследственного имущества. Считаем необходимым выделить и описать основные практические аспекты оспаривания признания наследственного имущества выморочным как гарантии защиты прав граждан.

В первую очередь определим состав лиц, который может оспорить решение суда о признании наследства выморочным. В соответствии со ст. 399 Гражданского процессуального кодекса от 11 января 1999 г. № 238-З (далее – ГПК Республики Беларусь) [1], не вступившее в законную силу решение суда первой инстанции может быть обжаловано в апелляционном порядке сторонами и другими юридически заинтересованными в исходе дела лицами, а также иными лицами, если суд вынес решение об их правах и обязанностях. Опираясь на данную статью, можно сделать вывод, что оспаривание по делам о признании наследства выморочным происходит лицами, в отношении прав и обязанностей которых суд вынес решение.

Так, лицом, в отношении прав и обязанностей которого суд вынес решение, может являться:

- наследник по закону;
- наследник по завещанию.

Лицо, отказавшееся от наследства, не относится к ним, поскольку отказ от наследства не может быть впоследствии изменен или отменен, однако он может быть признан недействительным по решению суда. Таким образом, прежде чем оспаривать признание наследственного имущества выморочным, необходимо признание отказа от наследства недействительным.

Недостойный наследник также не является лицом, в отношении прав и обязанностей которого вынесено решение, поскольку он отстранен от наследования по решению суда.

Далее выделим порядок действий при объявлении наследников после признания имущества выморочным и предъявлении ими требований о возврате наследственного имущества.

На данный момент существует два способа оспаривания признания наследственного имущества выморочным. Первый способ заключается в том, что лица, в отношении прав и обязанностей которых суд вынес решение, ставят вопрос об отмене судебного решения. Второй способ заключается в подаче иска к административно-территориальной единице, в собственность которой перешло выморочное имущество.

Решением суда Московского района г. Бреста наследство в виде однокомнатной квартиры, открывшееся после смерти Г., признано выморочным и передано в коммунальную собственность г. Бреста. В удовлетво-

рении жалобы наследницы И. об отмене этого решения суда было отказано. Верховный Суд Республики Беларусь в своем ответе указал, что в соответствии с разъяснениями, содержащимися в ч. 2 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании», И. вправе предъявить к административно-территориальной единице иск о возврате имущества [2, с. 81].

Таким образом, если при рассмотрении дела были допущены нарушения материального либо процессуального права, должен ставиться вопрос об отмене решения суда. В то же время, если будет установлено, например, что наследник пропустил срок принятия наследства, а наследственное имущество как выморочное уже передано по решению суда в собственность административно-территориальной единицы, правильным будет предъявление иска к соответствующей административно-территориальной единице. Это согласуется с положениями ч. 2 ст. 24 ГПК Республики Беларусь, в частности с тем, что вынесенное судом решение о признании имущества выморочным не лишает заинтересованное лицо возможности обратиться в суд за защитой прав и охраняемых законом интересов, спор о которых судом не был рассмотрен и разрешен.

Список использованной литературы

1. Признание имущества выморочным: судебная практика // Право Беларуси. – 2004. – № 34. – С. 81.

К содержанию

Ж. А. ЛУЦЕВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ПОДХОДЫ К ТАМОЖЕННОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС

В свете вступления в силу 25 июля 2022 г. новой редакции Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» считаем целесообразным рассмотреть особенности таможенного регулирования в рамках стран – членов ЕАЭС.

Общая правовая регламентация таможенно-правовой сферы изложена в Таможенном кодексе ЕАЭС от 11.04.2017, вступившем в силу 1 января 2018 г. Необходимо отметить, что все государства – члены ЕАЭС автоматически соглашаются с приоритетом норм, изложенных в указанном

акте, и обязательством привести свое законодательство в соответствие с нормами ЕАЭС. Вместе с тем стоит обратить внимание на достаточно большое количество диспозитивных норм в этом акте, которые предоставляют либо право выбора метода урегулирования сторонами в договоре, либо национальным законодательством государства – члена ЕАЭС. В связи с этим на национальном уровне каждого государства – члена ЕАЭС есть собственный базисный нормативный правовой акт в таможенной сфере. Отметим, что правовые формы актов в странах ЕАЭС отличаются. Например, в Республике Казахстан – это кодекс, а в остальных странах – законы.

Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2017 г. № 123-VI «О таможенном регулировании в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.12.2021). Данный нормативный правовой акт структурно представляет собой интерпретированный на национальном уровне Таможенный кодекс ЕАЭС. Практика подобного заимствования является популярной, в частности, новая редакция Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» представлена в аналогичном виде.

Говоря о Законе Республики Армения от 30 декабря 2014 г. № ЗР-241 «О таможенном регулировании» (в редакции Законов Республики Армения от 07.06.2016 № ЗР-81, 17.10.2016 № ЗР-146, 30.03.2018 № ЗР-264, 03.12.2019 № ЗР-229, 30.04.2020 №ЗР-234), необходимо отметить, что он имеет классическую структуру и направлен на урегулирование отдельных аспектов таможенных правил, изложенных в диспозитивном ключе в Таможенном кодексе ЕАЭС. Причем, кроме классических глав, посвященных таможенной стоимости товаров, стране происхождения товаров, таможенным сборам, таможенному контролю и т. д., внимание тут также посвящено контрабанде, таможенным органам как органам дознания и предварительного следствия и т. д.

Аналогичным образом структурированы Закон Кыргызской Республики от 24 апреля 2019 г. № 52 «О таможенном регулировании» и Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ.

Возвращаясь к теме таможенного регулирования на национальном уровне в Республике Беларусь, необходимо обратить внимание на то, что с 25 июля 2022 г. вступят в силу существенные изменения.

Целью принятия данного нормативно-правового акта является приведение в соответствие национального законодательства Республики Беларусь отдельным положениям Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

Принятый Закон Республики Беларусь от 19.07.2021 № 121-3 «Об изменении Закона Республики Беларусь “О таможенном регулировании в Республике Беларусь”» (далее – Закон о таможенном регулировании), в сущности, вносит кардинальные изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь от 10.01.2014 № 129-3 «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» и является на сегодняшний день одним из основных актов национального таможенного законодательства, а также представляет собой важный элемент общей системы права евразийского экономического пространства, обеспечивающей процессы по дальнейшей модернизации и упрощению таможенных процедур и унификации условий осуществления внешнеэкономической деятельности в Республике Беларусь.

Если рассматривать в структурном и содержательном аспектах новую редакцию Закона, то фактически она представляет собой интерпретированную для Республики Беларусь версию Таможенного кодекса ЕАЭС. Необходимо отметить, что в структурном плане эти два документа идентичны как по разделам, так и по главам. По нашему мнению, новая редакция Закона «О таможенном регулировании» должна была иметь форму кодекса. Это вполне логично, так как она является копией Таможенного кодекса ЕАЭС, переработанного для Республики Беларусь, а также представляет собой базисный документ для правового регулирования таможенных правоотношений. Данный довод также подтверждается изложенными в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах» требованиями, предъявляемыми к кодексам. К примеру, в ст. 14 данного акта указано, что закон может приниматься в виде кодекса, который является системообразующим нормативным правовым актом, закрепляющим принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений и обеспечивающим наиболее полное правовое регулирование определенной сферы общественных отношений. В нашем случае Закон «О таможенном регулировании» является базисным документом, системообразующим для таможенных правоотношений. Закон «О таможенном регулировании» имеет фактически большую юридическую силу и является продолжением Таможенного кодекса ЕАЭС в Республике Беларусь. В соответствии с ч. 3 ст. 23 Закона «О нормативных правовых актах», такие документы также должны иметь форму кодекса. В связи с изложенным выше считаем целесообразным изменение формы выражения базисного документа Республики Беларусь в области правового регулирования таможенных отношений с закона на кодекс, что закрепит данный документ как базисный в данной области и подтвердит его фактический статус.

К содержанию

В. И. ТЕЛЬПУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Л. О. Шерайзина, старший преподаватель

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ**

Особое место в системе противодействия коррупции в Республике Беларусь занимают органы прокуратуры, задачей которых является осуществление надзора за точным и единообразным исполнением нормативно-правовых актов на территории Республики Беларусь.

Прокуратура обладает особым правовым статусом как в системе органов государственной власти, так и в системе правоохранительных органов, что определено ее конституционно-правовым статусом, основанным на ст. 125 Конституции Республики Беларусь. Особенность деятельности органов прокуратуры обуславливается тем, что только прокуратура осуществляет надзор за исполнением нормативно-правовых актов, когда ни органы исполнительной власти, ни законодательные органы такими полномочиями не наделены.

Конституционно-правовой статус органов прокуратуры определил их особую значимость в функционировании государственной системы противодействия коррупции. Прокуратура участвует во всех составляющих противодействия коррупции, поскольку, помимо надзора за исполнением антикоррупционного законодательства, осуществляет надзор за расследованием уголовных дел коррупционной направленности, поддержание государственного обвинения в суде по этим уголовным делам, борьбу с коррупционными правонарушениями и преступлениями, их профилактику и минимизацию негативных последствий, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционной преступностью, проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов на наличие рисков криминогенного характера.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) Генеральная прокуратура Республики Беларусь является ответственным государственным органом за организацию борьбы с коррупцией. Для реализации столь многозначимой задачи Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) наделяет органы прокуратуры определенными полномочиями в данной сфере:

1. Генеральная прокуратура Республики Беларусь аккумулирует информацию о фактах, свидетельствующих о коррупции.

В связи с этим прокуратура осуществляет сбор, анализ и обобщение соответствующей информации посредством ведения единых банков данных о состоянии борьбы с коррупцией, формируемых на основании информации, представляемой специальными подразделениями органов прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности по борьбе с коррупцией.

Активизация прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции вызвала изменение подхода к организации и проведению проверок соблюдения законодательства. В числе приоритетных направлений надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции можно назвать проведение проверок соблюдения законодательства в наиболее значимых сферах экономической деятельности: при осуществлении процедур закупок, распоряжении государственным имуществом, совершении внешнеторговых сделок.

В 2016 г. проведено 864 проверки исполнения требований антикоррупционного законодательства. По результатам проверок должностным лицам государственных органов, иных организаций, субъектам хозяйствования и гражданам внесено 3039 актов прокурорского надзора.

2. Прокуратура координирует правоохранительную деятельность иных государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией.

На доктринальном уровне под координацией следует понимать взаимосогласованную деятельность государственных органов по достижению общей цели. Общность целей в деятельности правоохранительных органов, направленных на борьбу с коррупцией, выражается в выявлении, раскрытии, пресечении и предупреждении коррупционных преступлений (правонарушений), а также принятии необходимых мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению коррупционных преступлений (правонарушений). Согласно ст. 12 Закона о прокуратуре и ст. 7 Закона о борьбе с коррупцией, именно на таких условиях органы прокуратуры осуществляют координацию деятельности государственных органов в сфере борьбы с коррупцией.

Для реализации координирующей функции создается координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией, которое возглавляет прокурор. В состав координационного совещания входят руководители государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией. Правовые основы деятельности координационного совещания закреплены в Положении о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 17.12.2007 № 644.

3. Генеральная прокуратура Республики Беларусь готовит предложения по совершенствованию правового регулирования борьбы с коррупцией.

Исходя из положений, закрепленных в ст. 13 Закона о прокуратуре, следует, что Генеральная прокуратура Республики Беларусь наделена полномочиями, связанными с подготовкой предложений, направленных на совершенствование правового регулирования борьбы с коррупцией.

Так, в 2014 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь был подготовлен проект Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», включающий в себя дополнительные ограничения, связанные с государственной службой, также был расширен перечень сведений о доходах и имуществе, подлежащих декларированию, установлен порядок изъятия имущества, стоимость которого превышает доходы, полученные государственным должностным лицом из законных источников.

Эффективность принимаемых Республикой Беларусь мер по противодействию коррупции, их адекватность складывающейся ситуации признаны международным сообществом. По мнению экспертов некоммерческой деловой ассоциации TRACE International, антикоррупционное законодательство Республики Беларусь является одним из самых хорошо разработанных в мире.

С учетом проведенного анализа полномочий органов прокуратуры в сфере борьбы с коррупцией можно констатировать обширный и разноплановый характер их деятельности. Использование рассмотренных полномочий призвано прежде всего обеспечить органы прокуратуры возможностью влиять на текущее и перспективное состояние коррупционной преступности в государстве.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание установленные законодательством нормы, правоприменительную практику, можно определить, что органы прокуратуры Республики Беларусь являются главенствующим звеном в механизме противодействия коррупции, активно использующим различные методы, подходы, направленные на комплексную и системную борьбу с коррупционными преступлениями (правонарушениями).

К содержанию

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

В. Р. АНАНЬЕВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. И. Чугунова, старший преподаватель

СОДЕРЖАНИЕ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ, НУЖДАЮЩИХСЯ В ПОМОЩИ РОДИТЕЛЕЙ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ДЕТЕЙ

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь содержание нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей является обязанностью их совершеннолетних трудоспособных детей. Так, ст. 32 предусматривает, что дети обязаны заботиться о родителях, а также о лицах, их заменяющих, и оказывать им помощь. Эта конституционная обязанность детей реализуется в соответствующих нормах семейного законодательства (ст. 100–103 Кодекса о браке и семье (далее – КоБС)).

Содержание обязанности детей заботиться о родителях и оказывать им помощь состоит в проявлении внимания и уважения к родителям, заботы об их здоровье, оказании помощи в выполнении работ по ведению домашнего хозяйства, приобретению необходимого имущества и т. д. Причем обязанность детей осуществлять заботу и оказывать помощь родителям не обуславливается наличием достаточно устойчивого материального положения детей или тяжелыми условиями жизни родителей.

Законодательство предусматривает два необходимых условия для возникновения у родителей права на получение содержания от совершеннолетних трудоспособных детей, а именно нетрудоспособность родителей и их нуждаемость в материальной помощи.

Нетрудоспособными признаются граждане, достигшие пенсионного возраста, а также лица, признанные в установленном порядке инвалидами I и II групп. Инвалиды III группы могут быть признаны судом нетрудоспособными, если они не могут получить работу в соответствии с состоянием здоровья и заключением медико-реабилитационной экспертной комиссии.

Нуждающимися в помощи признаются нетрудоспособные, у которых нет достаточных средств к существованию (лицо не в состоянии путем использования назначенных ему пенсий, пособий, а также имеющегося у него имущества и иных доходов удовлетворить жизненно важные потребности человека: в пище, одежде, жилье, лечении). Факт наличия или

отсутствия нуждаемости устанавливается судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела.

Если же дети отказываются предоставлять необходимую материальную помощь нетрудоспособным нуждающимся родителям, последние могут взыскать алименты в судебном порядке. Согласно ст. 102 КоБС размер алиментов устанавливается судом в твердой денежной сумме или в сумме, соответствующей определенному количеству базовых величин, подлежащих выплате каждый месяц, исходя из материального и семейного положения родителей и каждого из детей.

При определении суммы суд принимает во внимание всех совершеннолетних детей данного родителя независимо от того, предъявлено ли требование ко всем детям или только к одному или нескольким из них (ч. 2 ст. 102 КоБС). Это означает, что если родитель предъявляет иск не ко всем своим детям, а только к одному или некоторым, то при определении размера алиментов суд будет принимать во внимание суммы, которые родители могли бы получить при взыскании алиментов со всех совершеннолетних детей. Часть средств, которая приходится на долю детей, с которых родитель не требует взыскания алиментов, не будет распределяться между ответчиками, а будет исключаться из алиментной суммы.

В судебном порядке взыскание алиментов на нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей возможно только с трудоспособных, достигших совершеннолетия детей. Несовершеннолетние, а также нетрудоспособные дети юридически не обязаны материально содержать родителей, поэтому с них не могут быть в судебном порядке взысканы алименты даже в том случае, если они имеют достаточный заработок или доход от принадлежащего им имущества.

Размер алиментов изменяется по требованию заинтересованного лица решением суда, если изменилось материальное или семейное положение нетрудоспособного нуждающегося родителя или совершеннолетних трудоспособных детей.

В соответствии со ст. 101 КоБС дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию родителей и возмещения затрат по уходу за ними лишь в двух случаях: 1) если суд установит, что родители уклонялись от родительских обязанностей; 2) если родители лишены родительских прав.

Согласно ст. 6 ГПК заинтересованное лицо вправе в установленном порядке обращаться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса.

Пожилые люди в силу своего возраста, состояния здоровья и уровня образования не всегда знают свои права и могут обратиться в суд за защитой нарушенного права.

Исходя из вышеизложенного, видится целесообразным внести изменения в КоБС, которые бы защищали права нетрудоспособных нуждающихся родителей, так как эта категория граждан является одной из самых незащищенных в Республике Беларусь. С этой целью необходимо обязать социальные службы выявлять нетрудоспособных пожилых лиц, нуждающихся в содержании со стороны своих совершеннолетних, трудоспособных детей, и разъяснять им нормы законодательства. Считаю необходимым дополнить КоБС статьей, в которой предусмотреть возможность в случае согласия взыскателя от его имени на основании доверенности, оформленной в соответствии с действующим законодательством, органам социальной службы обращаться с исковым заявлением в суд о взыскании с совершеннолетних детей средств на содержание их нетрудоспособных родителей.

К содержанию

Е. В. АНТОНЧИК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Суррогатное материнство – вынашивание и рождение лицом ребенка для другого лица или лиц, которые станут его родителями. Применение вспомогательных репродуктивных технологий уже не вызывает резкого отторжения в национальном менталитете и в некотором роде находит умеренное восприятие. Ранее, например, тему суррогатного материнства невозможно было поднять в широком кругу людей, однако сегодня обсуждение подобных вопросов не вызывает общественного резонанса и не представляет собой новацию. В 2020 г. в Республике Беларусь было заключено 33 договора о суррогатном материнстве [1], а по оценке Европейского центра суррогатного материнства, «в России в год рождается как минимум 22 тыс. детей от суррогатных матерей» [2].

Причины повышенного интереса к вопросам применения вспомогательных репродуктивных технологий коренятся, как правило, в медицинской плоскости – физиологическая невозможность вынашивания и рождения ребенка либо наличие риска для жизни матери и (или) жизни ее ребенка. В этой связи суррогатное материнство является одним из приемлемых способов реализации женщиной своих материнских потребностей.

В Республике Беларусь суррогатное материнство применяется на основе договора о суррогатном материнстве, но данная услуга может быть использована только той женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка противопоказано. Если женщина замужем, то используются сперматозоиды мужа, если же женщина не замужем, то используются донорские сперматозоиды.

К суррогатной матери (к ее возрасту, здоровью, образу жизни) предъявляются достаточно строгие требования. Законодательством Республики Беларусь закреплены права и обязанности суррогатной матери. Так, в соответствии со ст. 23 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон) суррогатная мать имеет право на обеспечение условий, необходимых для проживания и вынашивания ребенка (детей), возмещение расходов на медицинское обслуживание, питание, проживание в период вынашивания, родов и в послеродовой период и др. Наряду с правами у суррогатной матери также есть и обязанности: представить женщине, заключившей с ней договор суррогатного материнства, и ее супругу информацию о результатах медицинского осмотра, а также информацию о состоянии здоровья своего ребенка; проходить медицинский осмотр в сроки, определенные лечащим врачом; передать женщине, заключившей с ней договор суррогатного материнства, ребенка (детей) после его (их) рождения в срок, предусмотренный договором суррогатного материнства, и др.

В Российской Федерации схожие вопросы урегулированы Законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. В Российской Федерации также, как и в Республике Беларусь, возраст суррогатной матери должен быть от 20 до 35 лет и предъявляется аналогичное требование – наличие не менее одного ребенка. Здоровье суррогатной мамы в двух странах тщательно проверяется.

В Российской Федерации одно из обязательных требований к суррогатной маме – наличие письменного согласия ее супруга на участие в данной программе, в то время как в Республике Беларусь данное условие не зафиксировано в нормативных правовых актах.

В области прав и обязанностей суррогатной матери российское законодательство немногословно. Приоритетное право на судьбу ребенка оно дает суррогатной матери: только после ее отказа от ребенка потенциальные родители приобретают законные права материнства и отцовства. Если суррогатная мать не дает согласия на запись супругов родителями и отказывается от записи самой матерью, то органы ЗАГС, тем не менее, обязаны записать ее матерью.

Рассмотрев некоторые нормы законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации о правовом положении суррогатных матерей,

можно сделать вывод о схожих подходах законодателей в урегулировании обозначенных вопросов. При этом законодательством Республики Беларусь правовое положение суррогатной матери более детально очерчено: так, на уровне закона закреплены требования к женщине (физиологического, семейного и иного характера), ее права и обязанности. Полагаем, назрел к осмыслению вопрос о возможности применения суррогатного материнства не только в случаях, вызванных физиологическими вопросами. Например, незамужние женщины могли бы получить легитимную возможность воспользоваться суррогатным материнством для реализации своих материнских потребностей (реализовать право на материнство), даже не имея нарушений здоровья в области фертильности.

Список использованной литературы

1. Суррогатное материнство в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belnotary.by/novosti/publikatsii/surrogatnoe-materinstvo-v-belarusi/>. – Дата доступа: 12.04.2022.

2. Россия – среди мировых лидеров по суррогатному материнству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.eurasianet.org>. – Дата доступа: 12.04.2022.

К содержанию

Д. С. БЕРЕГОВЦОВА¹, И. М. БЕРЕГОВЦОВ²

¹Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

²Минск, Белорусский государственный медицинский университет

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПРАВА НА ЭКО (ОПЫТ ФРАНЦИИ)

Экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО) представляет собой самостоятельную разновидность вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), под которыми в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ) следует понимать методы оказания медицинской помощи, при которых отдельные или все этапы зачатия и (или) раннего развития эмбриона (эмбрионов) до переноса его (их) в матку осуществляются в лабораторных условиях.

Само ЭКО в соответствии с положениями белорусского законодательства представляет собой вид ВРТ, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона и дальнейшем переносе

данного эмбриона в матку (ст. 1 Закона о ВРТ). Полагаем, что данное определение достаточно точно отражает суть технологии.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности» под репродуктивными правами понимается возможность для всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением, времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами. Представляется, что комплексное право свободно принимать решение о количестве своих детей включает в себя право на доступ к качественной медицинской помощи в репродуктивной сфере, составной частью которого является право на доступ к ВРТ, включая методику ЭКО.

Отметим, что данная методика легализована в значительном количестве зарубежных государств, включая РФ, Украину, Казахстан, Польшу, Францию и т. д. Как правило, в соответствующих нормативных правовых актах четко регламентированы условия и порядок проведения ЭКО, определен перечень лиц, в отношении которых может применяться данная технология. Так, в Республике Беларусь применение ВРТ в целом допускается в отношении совершеннолетних дееспособных лиц, имеющих медицинские показания к применению ВРТ (например, бесплодие, не поддающееся лечению другими методами; наличие у одного из супругов носительства генетического заболевания и иные медицинские показания). При этом применение ВРТ не увязывается с состоянием в браке (ст. 19 Закона о ВРТ). Ограничивается лишь возраст пациентки, к которой будут применять процедуру (ЭКО не применяется к пациентке, достигшей возраста 50 лет).

Вместе с тем законодатели отдельных зарубежных государств, например Франции, изначально предоставляли право на ЭКО исключительно супружеским гетеросексуальным парам [1]. Однако легализация однополых браков во Франции со временем поставила на повестку дня вопрос о возможности доступа однополых пар к современным медицинским технологиям. В соответствии с законом «О биоэтике», принятым 30 июня 2021 г., в кодекс общественного здравоохранения Франции были внесены соответствующие изменения, в частности ст. L. 2141-2 изложена в новой редакции, в соответствии с которой любая пара, состоящая из мужчины и женщины или двух женщин, или любая незамужняя женщина имеют доступ к искусственному оплодотворению при соблюдении условий, указанных в законе [2]. При этом процедура ЭКО будет оплачиваться за счет системы обязательного медицинского страхования. Отметим, что, например, в Республике Беларусь, как уже было отмечено выше, никаких ограничений для одиноких женщин не существовало и ранее

вне зависимости от их сексуальной ориентации, так как любая женщина имеет доступ к процедуре ЭКО на основании ее письменного заявления (а если пациентка состоит в браке, то и письменного согласия ее супруга).

Изменения в кодексе общественного здравоохранения Франции явились логичным продолжением реформирования французского законодательства, но вместе с тем породили бурную дискуссию о праве ребенка, зачатого при помощи ВРТ, на жизнь в семье, в которой есть не только мать, но и отец. Кроме того, во Франции находится под запретом технология суррогатного материнства, что исключает для одиноких мужчин и мужчин, состоящих в однополых браках, возможность прибегнуть к данной методике и таким образом реализовать свое право на отцовство, что, по мнению отдельных представителей французской общественности, ставит их в неравное положение по отношению к женщинам. Вместе с тем отметим, что суррогатное материнство во Франции в принципе запрещено и для мужчин, и для женщин, поэтому о дискриминации говорить, по нашему мнению, не совсем корректно.

Полагаем, что новейшие изменения в законодательстве Франции полностью соответствуют положениям ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, в соответствии с которой «все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации». Полагаем, что стремительное развитие современных медицинских технологий связано с возникновением принципиально новых проблем и предполагает неизбежные изменения национальных законодательств с учетом соответствующих национальных и религиозных традиций. Однако избежать данных изменений на данном этапе общественного развития уже не представляется возможным и целесообразным.

Список использованной литературы

1. LOI relatif à la bioéthique, 4 février 2020 [Ressource électronique]. – Mode de l'accès: <https://www.senat.fr/leg/tas19-055.html>. – Date de l'accès: 28.03.2022.

2. LOI relatif à la bioéthique, 31 juillet 2020 [Ressource électronique]. – Mode de l'accès: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/115t0474_texte-adoptee-seance. – Date de l'accès: 28.03.2022.

К содержанию

Е. А. ГЛАЗ

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, канд. юрид. наук, доцент

ОБЯЗАННОСТЬ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

В соответствии со ст. 32 Конституции Республики Беларусь дети обязаны заботиться о родителях, а также о лицах, их заменяющих, и оказывать им помощь. Данная обязанность является не только конституционной, но и морально-нравственной. Жизненные обстоятельства у каждого складываются по-разному. И родители, постарев и утратив бывшее здоровье, а вместе с ним и материальную обеспеченность, нуждаются в особом внимании и заботе, включая и материальную поддержку со стороны детей. По достижении детьми совершеннолетия эта обязанность наряду с моральным императивом облекается в юридическую форму обязанности по предоставлению содержания согласно ст. 100 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС).

В. И. Пенкрат отмечает, что обязанность по предоставлению содержания нетрудоспособным нуждающимся родителям возлагается только на совершеннолетних трудоспособных детей. Приобретение детьми полной дееспособности при вступлении в брак или эмансипации такой обязанности не порождает, если даже у них имеются достаточные доходы от трудовой или предпринимательской деятельности [3, с. 96].

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании», к нетрудоспособным относятся: лица, в соответствии со ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-ХП «О пенсионном обеспечении» имеющие право на получение пенсии по возрасту на общих основаниях; инвалиды I, II и III групп независимо от того, назначена ли им пенсия по возрасту или инвалидности, а также лица, не достигшие 18 лет.

По мнению С. В. Николюкина, исполнение совершеннолетними детьми обязанности по содержанию нетрудоспособных и нуждающихся в помощи родителей возможно:

- в добровольном порядке;
- на основе заключенного между сторонами соглашения;
- в принудительном порядке, т. е. по решению суда [2, с. 121].

Исходя из ст. 102 КоБС, размер алиментов, взыскиваемых с каждого из детей на содержание их нуждающихся в помощи нетрудоспособных родителей, определяется судом в твердой денежной сумме или в сумме, соответствующей определенному количеству базовых величин, подлежа-

щей выплате ежемесячно, исходя из материального и семейного положения родителей и каждого из детей. При этом суд обязан принять во внимание материальное и семейное положение родителей и каждого из их совершеннолетних трудоспособных детей независимо от того, к кому предъявлено соответствующее требование.

Так, например, районным (городским) судом Витебской области было рассмотрено дело о взыскании алиментов с сыновей на их отца. Суд установил, что истец имеет I группу инвалидности, признан нетрудоспособным и его единственным источником доходов является пенсия по инвалидности. Указанных денежных средств ему недостаточно для удовлетворения потребностей в приобретении продуктов питания, одежды, оплате лекарственных средств и медицинских услуг. Истец имеет двух сыновей, которые с ним не общаются в связи с тем, что отец ушел из семьи и не оказывал им необходимой помощи. Судом было установлено, что сыновья не заботятся о своем отце, не оказывают ему помощь. В то же время истец не лишился родительских прав, нуждается в необходимой помощи, дополнительных расходах ввиду нетрудоспособности, в том числе в лекарственных средствах, что подтверждается медицинскими справками поликлиники. Достоверных доказательств, подтверждающих уклонение отца от выполнения родительских обязанностей в отношении сыновей, представлено не было. Проанализировав материальное положение сторон, суд пришел к выводу о наличии оснований для взыскания алиментов на содержание истца в размере одной базовой величины ежемесячно с каждого из сыновей [1].

Таким образом, обязанностью совершеннолетних дееспособных детей является помощь своим родителям. В ст. 99 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) предусмотрено заключение соглашения об уплате алиментов между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя алиментов – между законными представителями этих лиц. Согласно данной норме, родители вправе заключить со своими совершеннолетними детьми соглашение об уплате алиментов в соответствии с требованиями, установленными гл. 16 СК РФ. Полагаем, данная норма должна быть закреплена и в КоБС: это позволит решать вопросы содержания нетрудоспособных родителей не только в судебном порядке.

Список использованной литературы

1. Алиментные обязательства детей по отношению к родителям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vitebsk-region.gov.by/ru/news/view/alimentnye-objazatelstva-detej-po-otnosheniju-k-roditeljam-19496/?is_announ nce=1. – Дата доступа: 19.04.2022.

2. Николюкин, С. В. Семейное право : учеб. пособие / С. В. Николюкин. – М. : Юстиция, 2016. – 168 с.

3. Пенкрат, В. И. Семейное право Беларуси : учеб. пособие / В. И. Пенкрат. – 2-е изд., испр. и пересм. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 235 с.

К содержанию

М. В. ГОЛОВАЧЁВА

Гомель, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
Научный руководитель – Е. И. Усова, старший преподаватель

ПОРЯДОК ПРОХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Государство – это особая организация государственной политической власти, имеющая свои задачи и функции. Государственная служба необходима абсолютно в каждом государстве, поскольку благодаря ей осуществляется государственное управление, а также обеспечивается конституционное право каждого гражданина принимать участие в этом управлении. Государственный служащий занимает соответствующую должность, которая определяет круг его полномочий, подлежащих реализации.

Государственная гражданская служба регулируется совокупностью правовых норм, которые находятся в постоянном изменении и дополнении, о чем свидетельствует проект Закона Республики Беларусь «О государственной службе», который закрепил в себе нормы, регулирующие отдельный вид государственной службы – гражданскую службу. Развитие законодательства позволяет отметить, что Республика Беларусь находится на пути возрождения государственной власти. Этот институт, основываясь на профессионализме, способностях государственных служащих и качественном исполнении служебных обязанностей, обеспечивает стабильное государственное управление и является важнейшим фактором сохранения и развития государственной власти.

Государственная гражданская служба представляет собой упорядоченную систему, которая имеет свою определенную структуру. Регламентирование и детализирование государственной гражданской службы, ее элементов способствует созданию логически построенной нормативной правовой базы, которая регламентирует порядок прохождения государственной гражданской службы, стимулирование граждан к прохождению службы посредством установления различных льгот.

Проект Закона Республики Беларусь закрепил некоторые изменения перечня документов и сведений, представляемых на государственную

службу. В частности, прослеживается отличие между личным листком по учету кадров и анкетой для поступления на гражданскую службу. Необходимо отметить, что два данных документа имеют отличие. Листок по учету кадров составляет основу личного дела. Он выполняет одну и ту же функцию, что и анкета, так как содержит персональные, биографические данные о сотруднике и, как правило, составляется уже после того, как сотрудник принят на работу. Рассматривая анкету, необходимо отметить, что в отличие от листка по учету кадров анкета заполняется лицом, которое еще не принято на службу, и включается в личное дело только в том случае, если лицо принято на работу.

Соответственно, при принятии лица на государственную службу оно будет предоставлять листок по учету кадров, в котором будут отражены персональные, биографические данные. Лицо, которое только поступает на государственную службу, будет предоставлять анкету для поступления на государственную службу.

Таким образом, считаем, что необходимо дополнить ч. 1 п. 1 подп. 1.2 ст. 25 в Законе Республики Беларусь «О государственной службе» в следующей формулировке: «При поступлении на государственную гражданскую службу гражданин предоставляет личный листок по учету кадров для лиц, поступивших на государственную гражданскую службу, и (или) анкету для поступления на гражданскую службу».

В проекте закона «О государственной службе» и в Законе «О государственной службе» устанавливается понятие резерва кадров. Однако, сравнивая проект закона и действующий Закон, необходимо отметить, что Закон не конкретизирует, какую цель выполняет резерв руководящих кадров, не уточняется, что такое резерв руководящих кадров, перспективный кадровый резерв, хотя такое детализирование и уточнение необходимо, поскольку все это присутствует в государственной службе. Таким образом, предлагаем дополнить ст. 17 Закона такими уточнениями, которые содержатся в самом проекте закона в следующем виде: «Резерв руководящих кадров – это группа перспективных работников с соответствующими деловыми и личностными качествами, специально сформированная государственным органом, должностным лицом на основе их индивидуального отбора и комплексной оценки». Предлагаем формулировку перспективного кадрового резерва: «Перспективный кадровый резерв – это специально сформированная группа студентов учреждений высшего образования, аспирантов и работников государственных органов и иных организаций в возрасте до 31 года, имеющих лидерские и организаторские качества, способных к управленческой деятельности в государственных органах». Предлагаем дополнить цель резерва кадров в действующий Закон в следующем виде: «Целью создания резерва руководящих кадров является

подготовка включенных в него лиц к занятию определенных гражданских должностей».

Необходимо совершенствовать существующую систему аттестации госслужащих путем внедрения в нее новых форм и методов аттестации, применяемых в том числе в зарубежных странах, среди которых тестирование, анкетирование и т. д. Следует также отметить, что потенциал Республики Беларусь в сфере информационных технологий позволяет активно применять новые технологии для проведения аттестации госслужащих. Среди них может быть внедрение системы электронного тестирования госслужащих, что позволит быстро принять соответствующее решение, сэкономив время.

К содержанию

Д. А. ЗУБРИК

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – С. Е. Чебуранова, канд. юрид. наук, доцент

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «ПРЕЗУМПЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ ПРЕЗУМПЦИИ ЗНАНИЯ ЗАКОНА

Презумпция знания закона в теории права характеризуется как общеправовая презумпция, в которой определяется, что лицо должно знать законодательство, под действие которого данное лицо попадает. Если говорить о презумпции знания закона как о юридической конструкции, то она состоит из трех терминов: «презумпция», «знание», «закон». В данной статье будет рассмотрено понятие и значение термина «презумпция».

Термин «презумпция» впервые был введен в Древнем Риме и обозначал предположение, основанное на достаточно высокой степени вероятности. В своей работе О. А. Кузнецова отмечает, что в древнеримской юриспруденции были распространены фактические презумпции, которые определялись как не закрепленное в нормах права предположение, влекущее юридические последствия [4, с. 106].

З. М. Черниловский определяет презумпцию как «предположение, подтверждение или опровержение которого должно служить средством для установления искомых обстоятельств, юридических фактов или последствий». Также автор указывает, что презумпция имеет дело с вероятностными категориями, которым придается значение действительных [5, с. 98]. Однако необходимо понимать, что вероятностные категории можно признавать действительными только до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Стоит отметить, что презумпция с философской точки зрения определяется как предположение, основанное на вероятных предпосылках [1, с. 64]. Следует обратить внимание на слово «вероятных», поскольку презумпция является предположением о наличии чего-то, и в случае если факт не будет подтвержден, то презумпцию можно будет опровергнуть.

С правовой точки зрения презумпция определяется как признание юридического факта достоверным, пока не будет доказано обратное [1, с. 65]. Иными словами, доказывать знание закона не требуется, однако свое незнание лицо должно доказать через представление конкретных доказательств.

С точки зрения И. И. Исаева и Н. И. Уздимаева, презумпция характеризуется как особая разновидность индуктивного умозаключения, являющегося одновременно результатом как теоретических размышлений, так и эмпирического анализа правовой жизни. Авторы также утверждают, что лицо, наблюдающее за возникающими одинаковыми ситуациями в разный период времени и приводящими к одинаковым последствиям, предполагает, что в последующих равносильных условиях ситуация будет развиваться приблизительно одинаково. То есть речь идет о правовом предположении, получившем название презумпция [3, с. 4]. Следует указать, что важным аспектом в определении презумпции является признак предположительности. Это объясняется тем, что если презумпцию определить как абсолютную истину, которую нельзя опровергнуть, то лицо лишается возможности доказать свое незнание о существовании конкретных фактов. Соответственно, лицо, которое действительно не знало и не могло знать о наличии фактов, автоматически признается как знающее. Данный аспект не является правомерным, так как нарушает право лица на предоставление доказательств, подтверждающих его неосведомленность.

В своей работе С. В. Гусева рассматривает презумпцию с философской и правовой точек зрения. С философской точки зрения презумпция является фактором, определяющим правосознание общества. Это объясняется тем, что презумпции формируют мировоззрение, отношение к миру, идеологическое предпочтение [2, с. 220], т. е. в данном случае речь идет о познавательном процессе, в результате которого у лица вырабатывается представление о праве. Более того, представление формируется на основе индивидуального субъективного восприятия.

С правовой точки зрения определяется, что презумпция характеризуется как предположение, признающееся достоверным, пока не будет доказано обратное. С. В. Гусева отмечает, что если всякое предположение рассматривать как категориальное выражение, то презумпцию следует рассматривать как категорию, которая выступает в качестве основы в структуре гуманитарного научного знания [2, с. 220]. Необходимо отметить,

что презумпции формируют правовую систему, поскольку именно презумпции позволяют применять конкретные нормы права при рассмотрении обстоятельств в юридическом деле.

Таким образом, можно сделать вывод, что презумпция определяется как предположение о наличии или отсутствии факта. Более того, если говорить непосредственно о презумпции знания закона, то логичная основа презумпции способна повлечь за собой точное и неуклонное соблюдение законов и направлена на соблюдение прав и законных интересов граждан. Также в случае, если существует разногласие между презумпциями, это следует определять не как опровержение истинности факта, а как рассмотрение с различных сторон для установления достоверности возникших обстоятельств.

Список использованной литературы

1. Булаевский, Б. А. К вопросу о понятии презумпций в праве / Б. А. Булаевский // Журн. рос. права. – 2010. – № 3. – С. 63–71.
2. Гусева, С. В. Философское осмысление категории «презумпция» в структуре юриспруденции как гуманитарного научного знания / С. В. Гусева // Вестн. Поволж. ин-та упр. – 2009. – № 1. – С. 217–222.
3. Исаев, И. И. Роль презумпций в праве / И. И. Исаев, Н. И. Уздимаева // Огарёв-Online. – 2015. – № 1. – С. 1–7.
4. Кузнецова, О. А. Презумпции в римском частном праве / О. А. Кузнецова // Перм. ун-т. – 2001. – № 1. – С. 105–120.
5. Черниловский, З. М. Презумпции и фикции в истории права / З. М. Черниловский // Совет. государство и право. – 1984. – № 1. – С. 98.

К содержанию

А. С. ИГНАТЕНКО

Минск, Белорусский государственный университет
 Научный руководитель – Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, профессор

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ» И «СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ»

К конституционным основам защиты Республики Беларусь в той или иной степени проявляли интерес многие правоведы. Многоаспектность данной темы объясняется тем, что отдельным ее вопросам уделялось внимание как в юриспруденции (прежде всего в науке конституционного

и военного права), так и в философии, психологии, социологии. Комплексный характер исследуемой темы предполагает многоплановость проблем и необходимость обращения к литературе, освещающей различные аспекты правового понятия «защита Отечества, Родины, страны».

Общетеоретическую основу исследования составили работы в области теории государства и права, а также теории прав человека и гражданина. Среди них труды С. А. Авакьяна, С. С. Алексеева, М. В. Баглая, М. И. Байтина, Н. С. Бондаря, Г. А. Василевича, Н. В. Витрука, Л. Д. Воеводина, Л. И. Глухаревой, Т. М. Кисилевой, Е. И. Козловой, Г. Н. Комковой, В. И. Крусса, О. Е. Кутафина, Е. А. Лукашевой, В. О. Лучина, А. В. Малько, Н. И. Матузова, А. С. Мордовца, В. С. Нерсисянца, О. Ю. Рыбакова, В. М. Сырых, И. Е. Фарбера, Т. Я. Хабриевой, В. Е. Чиркина, Г. Ф. Шершеневича, Б. С. Эбзеева, Л. С. Явича. Изучению конституционных основ защиты Отечества в советский период были посвящены работы таких авторов, как В. Г. Белявский, Г. И. Бушуев, Ф. Давудов, В. К. Мамаладзе, К. В. Ордин, Г. В. Орлов, П. И. Романов, Ф. В. Саганюк, В. Г. Стрекозов, Ф. А. Хоменок.

Отметим, что присутствует в то же время некоторая пробельность, фрагментарность в научном осмыслении современного понимания конституционных основ защиты Республики Беларусь, недостаточно учитывается комплексный характер данной многоплановой правовой категории. Особого внимания требует выработка единых подходов как в теории, так и на практике к таким взаимосвязанным, но сущностно различным понятиям, как «конституционная обязанность» и «священный долг» по защите Республики Беларусь. Важным представляется конституционное закрепление защиты страны в верховенствующей парадигме исполнения конституционной обязанности и священного долга гражданами Республики Беларусь, причем связывается такое исполнение именно с прохождением воинской службы.

Употребление понятия «защита Республики Беларусь» в основополагающем документе государства позволяет отнести его в иерархии обязанностей, возложенных государством на граждан, на первоочередную ступень безотлагательного исполнения. Под защитой Республики Беларусь понимается прежде всего оборона страны, охрана ее суверенитета и независимости, конституционного строя, обеспечение целостности и неприкосновенности ее территорий. В то же время под обороной в соответствии с Законом Республики Беларусь от 03.11.1992 № 1902-ХІІ (ред. от 17.07.2018) «Об обороне» следует понимать систему правовых, политических, экономических, военных, социальных и иных мер, обеспечивающих военную безопасность Республики Беларусь.

Иначе говоря, защита страны есть конституционное установление для государства и граждан страны, направленное на ее оборону, охрану суверенитета и независимости, конституционного строя и обеспечения целостности и неприкосновенности ее территорий, реализуемое системой правовых, политических, экономических, военных, социальных и иных мер, обеспеченных и гарантированных силой государства.

В преамбуле Закона Республики Беларусь от 05.11.1992 № 1914-ХІІ (ред. от 10.12.2020 № 65-З) «О воинской обязанности и воинской службе» (далее – Закон) установлено тождество понятий «воинская обязанность» и «конституционный долг» по защите Республики Беларусь. «...Закон устанавливает правовые и организационные основы исполнения гражданами Республики Беларусь воинской обязанности».

Исходя из общепризнанных трактовок толковых словарей русского языка Т. Ф. Ефремова и С. И. Ожегова, прилагательное «священный» означает в переносном смысле ‘чрезвычайно почетный и исключительный по важности, неукоснительный, глубоко чтимый’. Существительное «долг» трактуется как ‘обязанность, обязательство (договорное или недоговорное) либо же внутренне принимаемое (добровольное) моральное обязательство’. Следовательно, можно констатировать, что словосочетание «священный долг» представляет собой исключительную по важности и почетную обязанность либо неукоснительное моральное обязательство, в связи с чем фразеологически устойчивое словосочетание «отдать воинский долг Родине» во многих странах считается чрезвычайно почетным и высоко почитаемым воинским делом каждого гражданина. Зачастую его называют «священным долгом» и закрепляют в конституции в качестве добровольного морального обязательства гражданина наряду с обязанностью защиты, исполнение которой гарантируется уже силой государства.

В данном контексте, по мнению автора, конституционный долг по защите Республики Беларусь должен пониматься как закрепленное в Конституции Республики Беларусь нравственное, моральное обязательство, добровольно принимаемое гражданином, социально-политическая сущность которого выражается в неукоснительной защите страны от внешних и внутренних угроз и вызовов, ущемляющих интересы человека, общества и государства.

Таким образом, представляется недостаточно корректным отождествление понятий «воинская обязанность» и «конституционный долг». Предлагается внести соответствующие изменения и дополнения в Закон.

К содержанию

Н. Н. МАСЛАКОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

**СТАТЬЯ 65 НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ ОБ ОБРАЗОВАНИИ: НОВАЦИЯ
ИЛИ ЭКСПАНСИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА?**

Законом Республики Беларусь от 14 января 2022 г. № 154-З (все положения вступят в силу 1 сентября 2022 года) излагается Кодекс Республики Беларусь об образовании (далее – КоО) в новой редакции. Обновлению подверглись в том числе вопросы, касающиеся дополнительного образования взрослых. В частности, ст. 65 КоО (здесь и далее анализируются положения КоО в редакции Закона от 14 января 2022 г. № 154-З) закрепляет новый договор в сфере образования – договор о профессиональной подготовке, переподготовке, повышении квалификации рабочего (служащего) в иной организации, осуществляющей образовательную деятельность, за счет средств иной организации, осуществляющей образовательную деятельность, либо по заявке организации – заказчика кадров за счет средств организации – заказчика кадров.

Законодатель избирает ёмкое, однако вместе с тем и достаточно громоздкое название договора, акцентируя внимание на источник финансирования профессионального обучения. Итак, на основании договора обучение может осуществляться либо за счет средств «иной организации», либо же за счет «организации – заказчика кадров».

Определение «иной организации» дается в подп. 1.6. п. 1 ст. 1 КоО, в соответствии с которым такой организацией является юридическое лицо, одной из целей деятельности которого является осуществление образовательной деятельности в ходе реализации образовательных программ, определяемых КоО. Под «организацией – заказчиком кадров» на основании подп. 1.25. п. 1 ст. 1 КоО понимают организацию, заявившую о своей потребности в кадрах путем заключения договора о взаимодействии или одного из видов договоров в сфере образования, заключаемых при получении образования, либо путем подачи заявки на подготовку специалистов, рабочих, служащих.

Обучаемой стороной договора в соответствии с п. 2 ст. 65 КоО является гражданин. При этом в п. 2 ст. 252 КоО уточняется, что обучение на основании анализируемого договора может осуществляться как работников иной организации, так и иных лиц за счет средств иной организации.

Заметим, сегодня в законодательстве, воздействующем на обозначенные отношения, реализован иной подход, который в общем виде может быть охарактеризован следующими особенностями.

1. Отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников на производстве, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 4 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) включены в предмет его регулирования, однако указанным вопросам посвящены только отдельные статьи кодифицированного закона (ст. 205, 278, 280, 220¹ ТК);

2. Фактически с момента принятия КоО формируется дуальная система правового регулирования отношений профессионального обучения рабочих у нанимателя (на производстве), которая в большей степени представлена нормами административного права, нежели трудового, что в научной литературе справедливо именуется экспансией законодательства об образовании;

3. В связи с отсутствием отраслевого регламентированного индивидуального трудово-правового регулятора отношений профессионального обучения рабочих для нужд нанимателя обозначенную функцию сегодня выполняет трудовой договор. Так, наниматель, руководствуясь положениями ч. 3 ст. 19, ст. 220¹ ТК, гл. 4 методических рекомендаций Министерства образования Республики Беларусь от 24 сентября 2012 г., Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 25 сентября 2012 г. «Организация непрерывного профессионального обучения по профессиям рабочих (служащих) на производстве», п. 29 Инструкции о порядке ведения трудовых книжек, утвержденной постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 40 «О трудовых книжках», направляет работника, не имеющего профессии или квалификации, на обучение в день его приема на работу.

Заметим, в науке трудового права устоялось мнение о том, что источником регулирования отношений профессионального обучения рабочих непосредственно у нанимателя и для его собственных нужд выступает учебно-трудовой (ученический) договор. В частности, такой позиции придерживаются Л. Я. Островский, К. П. Уржинский, В. Н. Артемова, Л. Г. Березовская, В. И. Кривой, К. Л. Томашевский, Е. А. Волк, С. И. Жибартович, Е. В. Мотина и другие белорусские ученые. Укажем и на то, что договоры об ученичестве еще в первой трети прошлого столетия подвергались регламентации национальными актами законодательства о труде.

Как нам видится, договор в сфере образования, предусмотренный ст. 65 КоО и предлагаемый в качестве формы опосредования отношений профессионального обучения по профессиям рабочих для нужд нанимателя (выступающего иной организацией), не решит проблему отсутствия трудово-правового индивидуального регулятора обозначенных отношений.

К сожалению, законодателем не учтена трудово-правовая специфика исследуемых отношений, которая лапидарно может быть выражена в следующем: на обучаемых у нанимателя лиц распространяется законодатель-

ство о труде; производственное обучение может быть организовано непосредственно на рабочем месте; в течение периода обучения наниматель производит обучаемым гарантированные выплаты; обучаемые подчиняются действующему у нанимателя внутреннему трудовому распорядку и др.

Нами разделяется обозначенная научная позиция о том, что формой облечения отношений профессионального обучения рабочих непосредственно у нанимателя и для его собственных нужд должен являться учебно-трудовой договор, который необходимо регламентировать в ТК. По нашему мнению, уже усматривается необходимость внесения корректив в ст. 65 КоО. Полагаем, предусмотренный указанной статьей договор может заключаться в случае организации профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации рабочего (служащего) в иной организации по заявке организации – заказчика кадров за счет средств организации – заказчика кадров. Профессиональное же обучение у нанимателя собственных кадров в силу действия п. 1 ч. 1 ст. 4 ТК не может облекаться правовой формой иной отраслевой принадлежности.

К содержанию

В. В. НАНКЕВИЧ

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – Е. В. Шалова, старший преподаватель,
нотариус

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕННОЙ ОПЕКИ (ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА) НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Опекунская семья – семья, в которой дети-сироты или дети, оставшиеся без попечения родителей, а также дети, не имеющие статуса детей, оставшихся без попечения родителей, при временном отсутствии их родителей воспитываются опекунами и попечителями.

Исходя из официальной статистики, наибольшее количество детей, помещенных на воспитание в опекунские семьи, в Республике Беларусь в течение года было в 2000 г. – 2915, а наименьшее в 2020 г. – 1241 [1].

Стоит отметить, что немаловажным аспектом является помещение несовершеннолетних в опекунские семьи при временном отсутствии родителей по уважительным причинам (командировка, болезнь и т. п.), если ребенок оставлен ими на попечение родственников или других близких лиц.

Согласно ст. 149 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), при отсутствии более шести месяцев родителей (единственного родителя) по уважительной причине над их (его) детьми устанавливаются опека или попечительство, за исключением случая, если несовершеннолетний оставлен родителями (единственным родителем) на попечение родственников на срок до одного года. В этом случае установление опеки или попечительства над несовершеннолетним необязательно.

В случае установления опеки (попечительства) при временном отсутствии родителей в письменном согласии родителей должны быть указаны причины, по которым они не могут исполнять родительские обязанности, срок, на который должен быть назначен опекун (попечитель), а также обязательство содержать ребенка на время его нахождения в семье опекуна. Вместе с тем максимально допустимый срок нахождения несовершеннолетнего под временной опекой не предусмотрен, а перечень уважительных причин отсутствия родителей является открытым, что в ряде случаев способствует сокрытию фактического уклонения родителей от своих обязанностей и возложению функций по воспитанию детей на родственников.

Так, при изучении личных дел подопечных, находящихся на опеке согласно ст. 149 КоБС, установлено, что в ряде случаев временная опека является необоснованной и не имеет какой-либо аргументации, указывающей на наличие уважительных причин невозможности исполнять родителями свои обязанности.

К примеру, над несовершеннолетним Б., 01.12.2008 г. р., установлена опека на основании решения администрации Ленинского района г. Гродно от 18.12.2013 в соответствии со ст. 149 КоБС ввиду того, что мать находилась за пределами Республики Беларусь. Установлено, что в 2013 г. мать несовершеннолетнего обратилась в администрацию Ленинского района с заявлением о согласии на установление временной (на два года) опеки над ее сыном, а в январе 2017 г. – о продлении опеки до достижения несовершеннолетним 18 лет в связи с тем, что она постоянно работает в Санкт-Петербурге. К материалам дела несовершеннолетнего приложены проездные документы, а также сведения о платежных переводах денежных средств матерью, однако степень ее участия в жизни ребенка, выполнение ею своих обязанностей как по содержанию, так и по воспитанию сына, график (режим) ее трудовой деятельности, аргументирующий ее раздельное проживание с ребенком, не анализировался.

Отсутствие необходимой информации, подтверждающей обоснованность невозможности совместного проживания ребенка с родителями, свидетельствует об умышленном переложении своих обязанностей по воспитанию ребенка на опекуна, что является недопустимым, так как согласно

ст. 75 КоБС воспитание детей должны осуществлять родители. В свою очередь, под воспитанием понимается забота о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе. В случае уклонения от воспитания ребенка родители могут быть лишены родительских прав в отношении несовершеннолетнего ребенка в соответствии со ст. 80 КоБС .

Таким образом, факты необоснованного длительного нахождения несовершеннолетних на временной опеке указывают на ненадлежащую защиту прав и законных интересов детей, исключают возможность при наличии фактических оснований установить несовершеннолетним статус ребенка, оставшегося без попечения родителей, и воспользоваться предусмотренными государством социальными гарантиями и льготами, а также правом на государственное обеспечение.

В связи с этим полагаем необходимым установить возможность назначения опеки (попечительства) в соответствии со ст. 149 КоБС только близким родственникам и с указанием максимально допустимого периода (не более года) нахождения в опекунской семье. При этом данное решение принимать на основании мотивированного заключения органа опеки и попечительства о признании уважительной причины отсутствия родителей, вынесенного на основании предоставленных родителями документов, неоспоримо подтверждающих временную невозможность осуществления своих родительских обязанностей по самостоятельному воспитанию несовершеннолетнего.

Список использованной литературы

1. Статистический портал о детях [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://childrenportal.belstat.gov.by/#/page/5>. – Дата доступа: 01.04.2022.

К содержанию

Я. Б. ПАШКЕВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. В. Бреский, канд. юрид. наук, доцент

ЮРИСДИКЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРНЫХ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Во многом эффективность правового регулирования общественных отношений зависит от действенности функционирования процедур по разрешению правовых споров. В правовой системе законодатель старается создать такой порядок процессуальных производств, который бы

оптимально справлялся с правонарушениями и конфликтными правоотношениями в данном обществе. Степень оптимальности определяется не только совершенствованием хозяйственного, административного, гражданского, уголовного производств, но и развитостью и использованием различных внеюрисдикционных, т. е. альтернативных, способов разрешения юридических конфликтов.

Тенденция привлечения внимания законодателя к альтернативным процедурам связана с несколькими факторами, среди которых основное место занимает фактор эффективности правового регулирования общественных отношений. Реализация правом задачи поддержания баланса социальных интересов сегодня становится все более проблематичной без расширения альтернативных начал традиционному процессу. В последнее время в жизни общества произошли изменения, оказывающие существенное влияние на общественное правосознание, интересы и потребности общества и его членов и послужили объективным толчком развития инициатив частнопроводного способа правовой регламентации. Опирались лишь на традиционные способы разрешения юридических конфликтов в настоящее время сложно. Свидетельством этому являются преобразования сферы публичности права на постсоветском пространстве – реформа моделей (фактически советских) публичного права, в особенности уголовного и административного процессов, в Украине, Грузии, Казахстане является, по сути, сменой моделей публичного права. Указанные изменения влекут пересмотр степени участия общества в разрешении юридических конфликтов и расширении частных начал в праве, что объективно задано жизнью. Введение в практику альтернативных процедур объясняется их ситуативной адекватностью, способствующей действенности и эффективности правового регулирования общественных отношений, в том числе разрешения спорных семейно-правовых отношений.

Для национальной правовой системы медиация представляет новое социально-правовое явление и новый опыт разрешения правовых споров, что потребовало проведения соответствующей подготовительной работы. Так, начиная с 2010 г. в судах была организована деятельность примирителей из числа судебных работников, проведен весьма результативный пилотный проект по примирению конфликтующих субъектов права квалифицированными медиаторами, прошедшими подготовку за пределами Республики Беларусь. Состоялись круглые столы, научно-практические семинары и конференции, на которых раскрыты и проанализированы вопросы возникновения медиации, ее виды, сфера применения, описан медиативный опыт зарубежных стран. Прделанная работа способствовала формированию на данном этапе интереса к медиации в праве как у юристов-практиков, ученых-правоведов, так и у граждан, юридических

лиц, вовлеченных в правовые споры, и позволила воспринимать медиацию как досудебный способ разрешения спорных вопросов при помощи третьей, нейтральной стороны.

12 июля 2013 г. принят Закон Республики Беларусь «О медиации», который вступил в законную силу 24.01.2014. Во многих зарубежных странах семейная медиация существует и применяется как особая форма урегулирования споров наряду и во взаимосвязи с судебным разбирательством. Как отмечается в Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 08.07.2013 № Р-841/2013 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О медиации”», «создание правовых условий для применения в Республике Беларусь альтернативной процедуры урегулирования споров с участием медиатора, наряду с судебным порядком, позволит расширить возможности граждан и субъектов хозяйствования в выборе средств урегулирования конфликтов с целью обеспечения своих прав и законных интересов».

Существенным фактором действенности медиации является ее методологическая новизна, связанная с возможностью продуктивного использования психологических знаний для разрешения юридических споров. Традиционные процессуальные производства рассматривают конфликтные отношения как сугубо юридические, в то время как психологическая суть отношений не учитывается. Центральное ядро конфликта – это противоречия, а они находятся за пределами внимания традиционных процедур. Профессиональная направленность на работу с противоречиями (их прояснение, значимость, вариативность) в целях создания благоприятных условий для действенных переговоров и выработки приемлемого решения и является, как мы полагаем, предпосылкой эффективности медиации и важной отличительной чертой рассматриваемого неюрисдикционного способа разрешения конфликта.

В Законе Республики Беларусь «О медиации» установлено, что медиация – это переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения (ст. 1). Область применения закона определена спорами, возникающими из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также спорами, возникающими из трудовых и семейных правоотношений (ст. 2). Полагаем, что это неокончательный перечень областей применения медиации, так как она может быть применима и к юридическим конфликтам, вытекающим из других видов правовых отношений (например, административно-правовые, уголовно-правовые): основания для этого содержатся в ч. 3 ст. 2.

В Республике Беларусь судебное разбирательство и иные юрисдикционные механизмы разрешения спорных семейно-правовых отношений являются основными способами защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов. Но нельзя отрицать, что в современных условиях становления и динамичного развития гражданского общества они зачастую оказываются недостаточно эффективными. Участники спорных семейно-правовых правоотношений становятся все больше заинтересованными в самостоятельном урегулировании возникающих противоречий на взаимовыгодной основе при осуществлении ими контроля над используемой процедурой и ее результатом. Такие потребности не находят полного удовлетворения в рамках судебной процедуры, что обуславливает необходимость исследования и развития иных способов урегулирования правовых споров, в частности семейной медиации.

Современные тенденции разрешения юридических дел и возросшее значение частноправовых механизмов урегулирования семейно-правовых споров обуславливают необходимость внедрения нового механизма разрешения спорных семейно-правовых отношений. К такому механизму следует отнести семейную медиацию как самостоятельный способ урегулирования правовых споров.

Семейную медиацию следует рассматривать как сложную систему, состоящую из определенных стадий, таких как вводная, подготовительная, стадия переговоров и заключительная. Но все они неразрывно связаны между собой, и лишь при достижении целей на каждой из них можно говорить об успешности медиации.

Популяризации медиации и активному использованию ее преимуществ может послужить и закрепление на законодательном уровне права суда обязать стороны пройти процедуру медиации по некоторым категориям дел. Обязательная медиация в международной практике признается результативной в разрешении семейных споров, что позволяет разрешать семейные конфликты и выявляет эффективность применения обязательной семейной медиации. Вместе с тем приведенные законодательные механизмы не бесспорны и могут вступить в противоречие с таким принципом медиации, как добровольность, хотя в ряде стран используется именно такая модель медиации.

К содержанию

О. В. ПОЖАРНАЯ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ НА МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ИМИ ФИНАНСОВЫХ ВОПРОСОВ**

Идея народного суверенитета, закреплённая в ст. 3 Конституции Республики Беларусь, предполагает верховенство воли народа как единственного источника государственной власти. Очевидно, перевод этой, признаваемой во всем мире концепции из теоретической плоскости в практическую гораздо проще и эффективнее может быть осуществлён на местном уровне, где решаются вопросы не самые глобальные с точки зрения их значимости для государства, но представляющие важность для жителей конкретной территории.

Вполне логично, что, реализуя свое право на участие в местном самоуправлении, граждане проявляют особый интерес к финансовой сфере, от состояния которой зависит реальная возможность решать существующие проблемы.

В Республике Беларусь за местными Советами депутатов как выборными органами представительной власти закреплены широкие финансовые полномочия, дающие им исключительное право на утверждение местных бюджетов и отчетов об их исполнении, установление местных налогов и сборов, а также определение порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью.

Что же касается непосредственного участия населения в решении финансовых вопросов, то здесь предусмотренные законодателем варианты достаточно скромны. Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», по сути, содержит лишь единственную норму, которая напрямую затрагивает полномочия такого рода, предоставляя гражданам право на участие в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели.

Выскажем предположение, что такой способ вовлечения населения в процессы развития той или иной территории, скорее всего, не будет востребован. Во-первых, он может быть использован только в городах районного подчинения, поселках городского типа, сельсоветах, т. е. в местностях, где уровень доходов, правовой и экономической грамотности населения вряд ли можно назвать высоким. Во-вторых, ситуацию усугубляет отсутствие в законодательстве четко прописанной процедуры по реализации вышеуказанного права, что всегда вызывает определенные опасения,

когда речь заходит о финансовых вопросах. В-третьих, сомнительно, что граждане, уже заплатившие налоги, будут стремиться к дополнительному возмещению расходов бюджета.

Допускаем, что активизация участия населения в решении финансовых вопросов на местах возможна в результате внедрения в практику таких форм самоуправления, которые бы позволяли обеспечивать желаемый и максимально достижимый уровень общественных благ в обмен на уже внесенные гражданами в бюджет обязательные налоговые отчисления. Наиболее перспективным с этой точки зрения способом нам видится так называемый бюджет гражданского участия, который продемонстрировал свою эффективность в целом ряде стран, в том числе находящихся на постсоветском пространстве (Российская Федерация, Украина и др.).

Обозначенный инструмент гражданской активности предоставляет гражданам право поучаствовать в распределении финансовых ресурсов посредством выделения из местного бюджета небольшой доли, как правило в пределах 1 %, которой население может распоряжаться по собственному усмотрению. Обычно органы территориального самоуправления, общественные организации, инициативные группы граждан разрабатывают проекты, направленные на улучшение социально-экономического состояния административно-территориальной единицы (ее части). Остальные жители рассматривают предложенные варианты и голосуют за те, реализация которых, по их мнению, наиболее важна и целесообразна. Проекты, набравшие большинство голосов, получают финансирование из той самой заранее выделенной части местного бюджета. В результате граждане получают реальную возможность не только обозначить волнующие их проблемы, но и гарантированно направить на их решение хотя бы незначительную часть уплаченных ими налогов и сборов.

Своеобразными подготовительными мероприятиями, которые могут предшествовать введению бюджета гражданского участия и будут направлены на стимулирование активности населения и постепенное вовлечение его в определение приоритетных направлений расходования средств местных бюджетов, нам представляются онлайн-опросы или иные формы консультаций с общественностью по финансовым вопросам.

В отдаленной перспективе действенным инструментом непосредственного участия граждан в решении отдельных финансовых проблем мог бы стать местный референдум. Однако существующий в настоящее время законодательный запрет о вынесении на народное голосование вопросов, связанных с принятием и изменением бюджета, а также установлением, изменением и отменой налогов и сборов, практически сводит на нет права населения в этой сфере. Разумеется, разработка и принятие бюджета даже на местном уровне требуют серьезных знаний, подготовки

и не терпят дилетантства, но абсолютное исключение влияния общественности на этот важный процесс, думается, не до конца обосновано. Полагаем, что посредством местного референдума стоит выявлять мнение населения, когда речь заходит о предстоящих крупных дополнительных расходах местного бюджета, связанных со строительством знаковых объектов, проведением особо масштабных мероприятий и т. д.

Подводя итоги, выскажем предположение, что наличие у граждан права выбора приоритетов развития территории и эффективных механизмов влияния на расходную часть местного бюджета будет не только способствовать налаживанию конструктивного диалога между населением и местными властями, но и послужит фактором устойчивого развития социально-экономической сферы регионов.

К содержанию

Е. В. ПРУДНИКОВ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

САМОЗАЩИТА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ БЕСТИТУЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ ВЕЩЬЮ

Основополагающей частью современного и развитого гражданско-правового регулирования является расширенная и углубленная система вещно-правовой регламентации, включающая в себя в том числе охрану субъектов гражданского оборота от самоуправных и иных произвольных посягательств. Неотъемлемой и органической частью вещно-правового регулирования во многих правовых порядках стал институт владения.

Владение представляет собой фактическое господство над вещью, которое может осуществляться независимо от наличия у владеющего лица права (титула), включающего в себя соответствующее правомочие на такое владение. При этом факт владения сам по себе для права безразличен, но может стать релевантным праву при выполнении того или иного юридического состава.

Выделяются две формы посессорной защиты: неюрисдикционная (самозащита) и юрисдикционная (административная и судебная защита).

В соответствии со ст. 13 Гражданского кодекса Республики Беларусь допускается защита гражданских прав непосредственными действиями лица, права которого нарушаются, если такие действия не сопряжены с нарушением законодательства; не является нарушением законодательства самозащита гражданских прав, осуществленная с причинением вреда в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны, если

действия защищающегося были соразмерны характеру и опасности нарушения и не вышли за пределы его предупреждения или пресечения.

Стоит обратить внимание, что в указанной статье речь идет исключительно о самозащите субъективных гражданских прав, что свидетельствует о том, что в действующей редакции она применима лишь к защите титульного владения, а точнее, права, предусматривающего соответствующее правомочие. В этой связи нередко в литературе, не меняя смысла рассматриваемого института, применительно к беститульному владению используется также термин «самопомощь» [1].

Самозащита в качестве прямого способа защиты владения нашла отражение в гражданском законодательстве некоторых государств. Согласно подп. 164.1 ст. 164 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, лишение или нарушение владения не по воле владельца признается запрещенным самоуправством; каждый владелец вправе применить силу для защиты от запрещенного самоуправства; при этом он должен принять во внимание обстоятельства и уклониться от необоснованных силовых действий.

Д. И. Мейер выделял два вида выражения самозащиты: в виде «самообороны, т. е. самоличного отражения посягательств на право, или в виде самоуправства, т. е. самоличного восстановления уже нарушаемого права» [3].

Сущность самозащиты сводится к самостоятельному осуществлению права на защиту, которое может выражаться в фактических или юридически значимых действиях. При этом полагаем обоснованным отнесение к самозащите так называемых мер оперативного воздействия (например, удержания), применяемых в рамках обязательственных правоотношений. Таким образом, самозащита может осуществляться как путем фактических, так и путем юридических действий.

Полагаем нецелесообразным составление перечня действий, которые бы вошли в понятие самозащиты. Многообразие общественных отношений не позволяет сделать такой перечень исчерпывающим, что лишает его практической значимости. Кроме того, составление такого перечня фактически невозможно по причине отсутствия четкого критерия классификации и терминологических трудностей.

Справедливым является замечание В. Е. Карнушина о том, что предусмотренная законодательством конструкция самозащиты в любом случае выводит за ее пределы действия по непосредственному возврату утраченного беститульного владения [2]. Такие действия юридически будут квалифицированы не иначе, как правонарушение.

Таким образом, самозащита (по действующему законодательству) – общее понятие, включающее в себя весь спектр возможных действий

по защите субъективного гражданского права без обращения в суд или иной орган, осуществляющий защиту. При этом, полагаем, квалификация действий лица в качестве самозащиты, равно как и установление ее пределов, осуществляются в каждом конкретном случае правоприменителем.

Вместе с тем, учитывая фактический характер владения, самозащита нередко характеризуется авторами как «наиболее эффективный способ защиты». Никто не должен терпеть нарушения своего владения, а если делаются попытки к такому нарушению, то владелец может защищать себя против них.

В этой связи полагаем возможным корректировку ст. 13 Гражданского кодекса Республики Беларусь в части обеспечения возможности самозащиты не только прав (правомочий), но и фактических состояний, охрана которых соответствует гражданскому законодательству и его основным началам.

Список использованной литературы

1. Иванов, С. А. Способы защиты владения / С. А. Иванов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
2. Карнушин, В. Е. Беститульное владение и его защита / В. Е. Карнушин // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
3. Мейер, Д. И. Русское гражданское право [Электронный ресурс] / Д. И. Мейер // Классика рос. права. – 2022. – Режим доступа: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_38.html. – Дата доступа: 09.04.2022.

К содержанию

И. Н. ФРОЛОВ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

АКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ИСТОЧНИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ АПК

Одной из специфических черт трудового права является сочетание законодательного, локального и индивидуально-договорного регулирования трудовых и связанных с ними отношений. Указанная специфика находит свое проявление и в регулировании труда работников агропромышленного комплекса (далее – АПК).

Основным актом, регулирующим трудовые отношения работников АПК, является Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК), в котором труду работников данной отрасли посвящена отдельная статья

«Особенности регулирования рабочего времени и времени отдыха работников организаций сельского хозяйства» (ст. 317). Дополнительно некоторые особенности регулирования рабочего времени и времени отдыха работников организаций сельского хозяйства отражены в ст. 140 и др.

Наряду с ТК трудовые отношения в сельском хозяйстве регулируются блоком специального законодательства, преимущественно представленного постановлениями Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. В таком подходе законодателя демонстрируется воплощение одного из принципов трудового права – единство и дифференциация правового регулирования труда.

Немаловажное значение имеют и акты социального партнерства (в рамках тезисов речь идет о соглашениях и коллективных договорах) в качестве регуляторов труда работников. Однако практика отображает имеющиеся проблемы распространения норм соглашений на работников АПК, которые коренятся в отсутствии в ТК четкого механизма определения сферы действия соглашений. В частности, в ч. 4 ст. 365 ТК указывается только на то, что сфера действия соглашения определяется сторонами в пределах их полномочий.

В АПК наблюдается неравномерный охват представительства интересов работников и нанимателей на отраслевом уровне. Например, при положительной тенденции увеличения регистрации первичных ячеек в крестьянских (фермерских) хозяйствах не все из них являются членами Республиканского агропромышленного союза «БелАПС» – на сегодняшний день единственного социального партнера, представляющего интересы нанимателей в данной отрасли. В этой связи неоднозначным видится вопрос о распространении положений отраслевых соглашений на работников фермерских хозяйств. По нашему мнению, отраслевые (тарифные) соглашения должны распространять свое действие на регулирование труда работников – членов профсоюзов АПК независимо от того, представлены ли интересы нанимателя, так как такой подход основан на принципе улучшения правового положения работников.

Обратим внимание на то, что специфика регулирования труда работников АПК наилучшим образом учтена в коллективных договорах. В качестве примера обратимся к коллективному договору ГУ «Гродненская областная государственная инспекция по семеноводству, карантину и защите растений». По итогам 2021 г. нанимателем выполнены все условия режима труда и отдыха работников. Норма продолжительности рабочего времени составила 40 часов в неделю. Графики очередных отпусков были утверждены директором и согласованы с профкомом в установленный срок – до 5 января. Переноса отпуска или его сокращения в связи с совершением прогула не было, так как отсутствовали случаи прогула. Все

категории работников обеспечивались спецодеждой и СИЗ в отчетном году в полной мере. Основными доплатами в организации являлись доплаты за работу во вредных условиях труда, за совмещение профессий, должностей, исполнение обязанностей временно отсутствующих работников, за работу в ночное время и многосменный режим работы. Проверка выполнения условий коллективного договора проводилась один раз в течение полугодия, ежеквартально на расширенных заседаниях профкома с участием нанимателя рассматривался ход выполнения коллективного договора. Коллективных трудовых споров в отчетном году не было.

Со своей стороны позволим отметить в качестве рекомендации необходимость изменения некоторых положений коллективного договора. В п. 5 договора указано, что «разногласия по вопросам заключения, изменения, исполнения или прекращения коллективного договора разрешаются в соответствии с действующим законодательством, оформляются протоколом и являются неотъемлемой частью настоящего Договора». Полагаем, данный пункт можно дополнить следующим содержанием: «Изменения в коллективный договор вносятся на основании решения конференции трудового коллектива и могут быть предварительно разработаны в виде проекта на совместном заседании администрации и профкома, а затем предлагаться на очередной конференции, в случае одобрения коллектива – утверждаться». Указанное предложение вполне согласуется со ст. 372 ТК.

В завершение укажем на важность и значимость актов социального партнерства в качестве регуляторов трудовых отношений с участием работников организаций сельского хозяйства. В указанных актах проявляется в полной мере дифференциация правового регулирования. В этой связи процедурные вопросы, возникающие в связи с заключением, изменением или распространением действия соглашений и коллективных договоров, должны получить более конкретное отражение на уровне ТК.

К содержанию

Е. А. ХОДЬКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СТАЖА В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Законодательством Республики Беларусь не регламентировано понятие стажа. Указанное является первопричиной неправильного правоприменения. Заметим, что на правовое регулирование института стажа

направлен целый комплекс разноуровневых НПА. Объемное количество, сложность, противоречивость НПА не способствуют единообразному применению норм права.

Представителями науки продолжаются дальнейшие исследования в области терминологических уточнений и даже системного совершенствования действующих и введения новых правовых институтов. Изучению общих вопросов стажа посвящены работы следующих ученых: В. М. Андреева, И. В. Гущина, О. В. Ерофеевой, Р. Н. Жаворонкова, А. Д. Зайкина, Х. Т. Мелешко, А. В. Менкенова и др.

Анализ выдвинутых ими дефиниций понятия «стаж» позволяет сделать вывод, что в юридической литературе первоначально трудовой стаж определялся только как трудовая деятельность, т. е. работа по трудовому договору, затем как оплачиваемая общественно полезная деятельность. В более поздних работах по праву социального обеспечения ученые уточняют формулировку, указывая при этом на дополнительные признаки, имеющие юридическое значение, – включение в стаж как оплачиваемой, так и неоплачиваемой общественно полезной деятельности и иных периодов.

В самом общем виде стаж в праве социального обеспечения – это продолжительность предпринимательской, творческой и иной общественно полезной деятельности, установленной законодательством, с которой связываются определенные правовые последствия.

Также можно сказать, что стаж работы – совокупность периодов, включаемых для назначения пенсии. Периоды работы по трудовой книжке исчисляются от даты приема на работу до даты увольнения. День увольнения считается последним рабочим днем.

Стаж работы имеет количественную и качественную характеристику. К количественной особенности относятся продолжительность, т. е. календарный период (годы, месяцы, дни), к качественной – характер и условия, в которых протекает трудовая деятельность (вредность, тяжесть, опасность).

По юридической значимости принято выделять два вида стажа:

– общий трудовой стаж – суммарная продолжительность работы и иной общественно полезной деятельности, других периодов независимо от причин увольнения, продолжительности перерывов и характера работы;

– специальный стаж – суммарная продолжительность определенной трудовой деятельности на соответствующих видах работ, которая дает право на досрочное назначение трудовой пенсии.

Право на пенсию по возрасту (исходя из общего трудового стажа), согласно ст. 11 Закона «О пенсионном обеспечении» от 17.04.1992 № 1596-ХІІ, на общих основаниях имеют мужчины при стаже работы не менее 25 лет, женщины – не менее 20 лет по достижении ими общеустановленного пенсионного возраста.

Наравне с периодами уплаты страховых взносов в стаж работы засчитывают отдельные, предусмотренные законодательством периоды деятельности без уплаты страховых взносов (ч. 2 ст. 51 Закона). Продолжительность общего стажа влияет на размер пенсии. Максимально учитываемая продолжительность общего стажа составляет 45 лет для мужчин и 40 лет для женщин.

Страховой стаж – суммарная продолжительность периодов работы, предпринимательской, творческой и иной деятельности застрахованного лица в течение его жизни, в которые уплачивались взносы на государственное социальное страхование. Наличие страхового стажа дополнительно дает гарантию на получение некоторых видов пособий.

Также к специальному стажу можно отнести так называемый льготный стаж. В соответствии со ст. 12 Закона, к такому стажу относится продолжительность работы с особыми условиями труда, дающей право на трудовую пенсию по возрасту за работу с особыми условиями труда.

Заметим, Законом Республики Беларусь «О профессиональном пенсионном страховании» от 05.01.2008 № 322-З закрепляется понятие профессионального стажа – продолжительность работы с особыми условиями труда застрахованного лица, в течение которой за него уплачивались взносы на профессиональное пенсионное страхование.

Еще одним видом специального стажа является выслуга лет – вид стажа, который сопряжен с более высокой, чем обычный стаж, эмоциональной, интеллектуальной и физической нагрузкой. Пенсии за выслугу лет назначаются отдельным категориям граждан.

Таким образом, наряду с отсутствием определения понятия «стаж» в законодательстве Республики Беларусь закрепляются определения некоторых специальных видов стажа. Специфика деятельности, условия выполнения работы, сам характер труда служат основанием дифференциации стажа в праве социального обеспечения. В частности, к специальному стажу можно отнести страховой, льготный, профессиональный стаж и выслугу лет.

К содержанию

И. С. ШАХРАЙ, В. Е. ЛИЗГАРО

Минск, Белорусский государственный университет

О ГОЛОВНОМ АКТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕГО ВОЗМОЖНОЙ СТРУКТУРЕ

Правовые основы охраны окружающей среды, природопользования, сохранения и восстановления биологического разнообразия, природных ресурсов и объектов установлены в Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» в редакции от 17 июля 2002 г., который, являясь по своему содержанию головным актом в отрасли, не занимает надлежащего места в системе экологического законодательства. Данное противоречие с обоснованием возможных путей его преодоления впервые в белорусской юридической литературе было выявлено Т. И. Макаровой [1, с. 69–74], однако до настоящего момента не устранено законодателем.

Одновременно шесть природоресурсных отраслей, возглавляемых соответствующим кодексом либо законом (кодексы Республики Беларусь о земле, о недрах, водный, лесной, законы «О растительном мире» и «О животном мире») существуют в определенном отрыве от положений Закона «Об охране окружающей среды» и не всегда согласованы между собой [2]. Концептуальная проблема в сфере правового регулирования природоресурсных отношений заключается в отсутствии единого подхода законодателя ко всем природоресурсным отраслям в целом, в связи с чем схожие отношения не урегулированы единообразно даже там, где это возможно с учетом специфики отдельных природных ресурсов. Таким образом, необходимость построения законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов на общих началах позволяет и сегодня говорить о такой форме систематизирующей законодательной деятельности, как кодификация.

Разработанная еще в 2005 г. концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь базируется на включении в данный нормативный правовой акт природоохранных норм, а также общих положений об охране отдельных компонентов природной среды. На схожих подходах основано построение действующих на постсоветском пространстве экологических кодексов Республики Казахстан от 2 января 2021 г., Республики Татарстан от 15 января 2009 г., Республики Башкортостан от 28 октября 1992 г. Полагаем, что в таком варианте анализируемые нормативные правовые акты по своему содержанию не охватывают правовым регулированием всего круга экологических отношений и скорее соответствуют

названию «Кодекс об охране окружающей среды». Кроме того, важно указать на существенный недостаток такого построения основополагающего закона, который проявляется в искусственном «разрыве» правового режима отдельных природных ресурсов в случае, когда их охрана регулируется головным кодифицированным актом, а использование – отраслевым природоресурсным законодательством.

В науке обосновывается и концепция так называемой «широкой кодификации», предполагающей включение в головной акт экологического законодательства как природоохранных (Общая часть), так и природоресурсных норм (Особенная часть) [3]. Такой вариант, на наш взгляд, представляется возможным, но в силу комплексного характера предлагаемого кодекса должен осуществляться поэтапно. При реализации такого подхода Общая часть Экологического кодекса Республики Беларусь, содержательно базируясь на нормах действующего Закона «Об охране окружающей среды» и иных нормативных правовых актах природоохранного содержания, будет закреплять фундаментальные положения и закладывать основы для развития всех эколого-правовых институтов, включая право природопользования. К таким актам, помимо Закона «Об охране окружающей среды», следует отнести законы «Об особо охраняемых природных территориях», «Об охране атмосферного воздуха», «Об охране озонового слоя», «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду», «Об обращении с отходами», постановления Совета Министров Республики Беларусь «О Национальной системе мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь», «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и порядке его исчисления», Положение о порядке деятельности общественных экологов и др.

Основной проблемой, которая возникает при выборе варианта «широкой кодификации» (при его положительных характеристиках, обусловленных обеспечением единства правового регулирования всей совокупности общественных отношений в сфере взаимодействия общества с окружающей средой), является сложность объединения в единый кодифицированный акт норм об охране и использовании отдельных природных ресурсов, которые к настоящему времени сформировались в достаточно системном виде. В связи с этим полагаем целесообразным сохранить природоресурсное законодательство с учетом сложившейся в настоящее время отраслевой структуры до принятия в перспективе Особенной части Экологического кодекса Республики Беларусь

Список использованной литературы

1. Макарова, Т. И. Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь / Т. И. Макарова. – Минск : БГУ, 2004. – 231 с.

2. Шахрай, И. С. Концептуальные проблемы формирования и развития природоресурсного законодательства Республики Беларусь / И. С. Шахрай, Н. А. Шингель // Юрид. наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 88–97.

3. Макарова, Т. И. Теоретико-правовые проблемы кодификации экологического законодательства Республики Беларусь / Т. И. Макарова, Е. В. Лаевская, В. Е. Лизгаро // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2006. – Спец. вып. – С. 3–12.

К содержанию

Е. В. ШУРХАЙ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. З. Шалаева, канд. юрид. наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА РОДИТЕЛЕЙ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИМЕНИ РЕБЕНКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

Одним из основных личных прав человека, гарантированных и подлежащих всесторонней защите в каждом правовом государстве, является право на имя. Основным способом определения имени выступает определение имени ребенка родителями, что является их личным неимущественным правом, и регистрация ребенка под данным именем в установленном порядке.

Отметим, что в современном мире браки между гражданами разных государств, особенно близких по географическому расположению, этническим корням и культурному наследию, весьма распространены. Это нередко влечет не только изменение места жительства, но и смену гражданства одним из супругов, что при рождении детей в данных семьях оказывает непосредственное влияние на реализацию их родительских прав.

Примером подобных союзов являются браки между гражданами Республики Беларусь и Республики Польша. Таким образом, весьма актуальным становится вопрос о способах, порядке и особенностях реализации права по определению имени ребенка, рассмотренный с позиции как белорусского, так и польского законодательства.

Исходя из равенства прав супругов, а также их прав и обязанностей в качестве родителей, закрепленных как Конституцией Республики Польша (ст. 33), так и Конституцией Республики Беларусь (ст. 32), предполагается и равенство их права на определение собственного имени, фамилии (и отчества) ребенка как их личного неимущественного права.

Согласно ст. 69 Кодекса о браке и семье (далее – КоБС) Республики Беларусь, фамилия ребенка определяется фамилией родителей. При разных фамилиях родителей ребенку присваивается фамилия матери или отца с согласия родителей, а при отсутствии согласия – по указанию органа опеки и попечительства. Собственное имя ребенку также дается с согласия родителей. В случае если выяснятся обстоятельства, свидетельствующие о том, что собственное имя ребенка при его регистрации было дано без учета пожелания родителей, оно может быть изменено по их заявлению в течение года после регистрации рождения ребенка. Отчество присваивается по собственному имени отца либо в определенных законом случаях по собственному имени лица, записанного в качестве отца. Присвоение имени ребенку осуществляется одновременно с регистрацией его рождения, которая производится в органах, регистрирующих акты гражданского состояния (далее – орган ЗАГС), по месту рождения детей или по месту жительства родителей либо одного из них на основании заявления и предоставления всех необходимых документов.

Что касается законодательства Польши, то нормы, определяющие права родителей, как отца, так и матери, по определению фамилии их совместного ребенка, закреплены в § 1–4 ст. 88 дивизиона 1 гл. 2 Семейного и опекунского кодекса (далее – СОК) Республики Польша. Так, согласно данным нормам СОК, ребенок, предположительно происходящий от мужа матери, носит фамилию обоих супругов. Если у супругов разные фамилии, ребенок носит фамилию, указанную в их совпадающих заявлениях. Также согласно § 1 ст. 88 супруги могут указать фамилию одного из них или фамилию, образованную путем соединения фамилии матери с фамилией отца ребенка. Следует подчеркнуть, что в соответствии с § 2 заявление о фамилии ребенка супруги делают одновременно с заявлениями о фамилиях супругов, которое делается ими при вступлении в брак. Если супруги не договорились о фамилии ребенка, он носит фамилию, состоящую из фамилии матери и присоединенной к ней фамилии отца. Кодексом предусмотрено, что дети одних и тех же родителей носят одну и ту же фамилию. Отметим, что для изменения фамилии ребенка, родители которого вступили в брак после достижения им 13-летнего возраста, требуется согласие ребенка. Осуществление права родителей на определение личного имени ребенка в Республике Польша происходит в следующем порядке: на основании art. 54 Prawo o aktach stanu cywilnego – Закона о гражданских состояниях (далее – Закон) – в течение трех дней с момента составления karty urodzenia (карты рождения – оформляется больницей, в которой были приняты роды) она передается больницей в urząd stanu cywilnego (далее – ЗАГС) по месту рождения ребенка (ст. 14 Закона). Далее в течение 21 дня со дня составления карты один из дееспособных

родителей или их доверенное лицо обязаны обратиться в тот же ЗАГС для оформления свидетельства о рождении (ст. 55, 57 Закона), где обратившийся родитель также пишет заявление о присвоении имени ребенку. Согласно ст. 59 Закона о гражданских состояниях можно устанавливать два имени, при этом они не могут быть в уменьшительно-ласкательной форме и должны соответствовать полу ребенка.

Таким образом, можно выделить основные различия в отношении способов определения имени и фамилии ребенка в данных государствах.

Во-первых, если в Польше предполагаемая фамилия будущих детей должна быть определена отдельным заявлением еще на момент регистрации брака их родителей, то в Республике Беларусь она в большинстве случаев предполагается исходя из общей фамилии супругов, взятой ими при вступлении в брак. Вопросы могут возникать в случаях, если у супругов фамилии разные. В то же время процедура присвоения собственного имени довольно схожа в обеих странах.

Во-вторых, по законодательству Польши обязательным является учет мнения ребенка, достигшего 13-летнего возраста в случае изменения фамилии при изменении фамилии родителей, в Республике Беларусь данный критерий снижен до 10-летнего возраста.

В-третьих, в настоящее время отчество, являющееся характерным для граждан Республики Беларусь, не является таковым для Республики Польша.

К содержанию

СЕКЦИЯ 2. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. В. БАРАНОВСКАЯ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, канд. юрид. наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ РЕКЛАМЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Ввиду отсутствия в Республике Беларусь богатого опыта правового регулирования и судебной практики в области рекламы представляется необходимым изучение зарубежного законодательства и правоприменительной практики в этом вопросе, актов органов саморегулирования, что позволит, во-первых, избежать проблем, с которыми уже столкнулись эти страны, а во-вторых, максимально приблизить национальное законодательство к требованиям европейского экономического сообщества.

Доктрина коммерческой информации в европейских странах имеет свои особенности. В целом регулирование рекламы в этих странах осуществляется по принципу сбалансированности интересов потребителей и предпринимателей. Европейский суд по правам человека при рассмотрении дел о вмешательстве государства в свободу информации учитывает предписания национального законодательства, преследование легитимных целей ограничения свободы слова, названных в п. 2 ст. 10 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, и третье условие – необходимость в демократическом обществе [1, с. 21].

Рассмотрим более подробно законодательство Европейского союза (далее – ЕС) в области рекламы и его соотношение с национальным законодательством.

До конца 2007 г. основополагающим документом ЕС в области рекламы являлась Директива 84/450/ЕЭС о сравнительной и вводящей в заблуждение рекламе. 12 декабря 2006 г. была принята Директива 2006/114/ЕС о недобросовестной и сравнительной рекламе (далее – Директива 2006/114/ЕС), которой была отменена Директива 84/450/ЕЭС. Причиной принятия новой Директивы стало следующее: Директива 84/450/ЕЭС была несколько раз существенно изменена, поэтому в интересах ясности и рациональности должна быть принята новая Директива; национальное

законодательство государств – членов ЕС относительно сравнительной и вводящей в заблуждение рекламы сильно отличалось.

В ст. 2 Директивы 2006/114/ЕС дано определение основных понятий. Так, реклама определяется как информация, представленная в любой форме в связи с торговлей, бизнесом, ремеслом или профессией, чтобы продвинуть поставку товаров или услуг, включая недвижимое имущество, права и обязательства. Необходимо отметить, что в действующем законодательстве Республики Беларусь определение термина «реклама» является более полным и отражающим все основные юридические признаки рекламы.

Директива 2006/114/ЕС устанавливает определения терминов «вводящая в заблуждение реклама», «сравнительная реклама», средства и методы их установления, а также определяет условия, при которых может использоваться сравнительная реклама. Данные виды рекламы по своей сути являются видами ненадлежащей рекламы. Действующее законодательство Республики Беларусь определяет следующие виды ненадлежащей рекламы: недобросовестная, недостоверная, неэтичная, скрытая и иная реклама, при размещении (распространении) которой допущены нарушения требований действующего законодательства. Все виды ненадлежащей рекламы в Республике Беларусь запрещены законом.

Следовательно, в ЕС предусматривается возможность использования одного из видов ненадлежащей рекламы при определенных условиях. В Республике Беларусь все виды ненадлежащей рекламы запрещены.

Помимо Директивы 2006/114/ЕС, в Евросоюзе были приняты еще несколько директив, относящихся к регулированию рекламы на рынках медиауслуг. Так, Директива 89/552/ЕЭС о телевидении (далее – Директива 89/552/ЕЭС) и последующая Директива 97/36/ЕС распространяют свое действие на телевизионную рекламу. В 2010 г. данные директивы утратили силу, но они сыграли свою роль в становлении внутреннего рынка ЕС.

Статья 10 Директивы 89/552/ЕЭС устанавливала, что телевизионная реклама не должна использовать подсознательные методы, скрытая реклама должна быть запрещена национальным законодательством государств – членов ЕС. Следует отметить, что в действующем законодательстве Республики Беларусь отсутствует подобный запрет, что является, на наш взгляд, существенным упущением.

Законодательство ЕС устанавливает ограничение по перерыву рекламной фильмой и телепередач, если их продолжительность составляет менее 45 минут, не более одного раза. Законодательство Республики Беларусь схожего ограничения не содержит, однако прогрессивными нормами белорусского законодательства являются ограничения по продолжительности каждого перерыва рекламы (не более 4 минут), а также ограничение

по уровню звука рекламы, который не должен превышать уровень звука программы, которая ей прерывается.

Общее количество рекламы в сутки в государствах – членах ЕС не может превышать 15 % эфирного времени, в Республике Беларусь данная норма установлена в размере 20 %. Как в Республике Беларусь, так и в ЕС спортивные программы могут прерываться рекламой только во время перерывов в игре.

Таким образом, действующее законодательство ЕС и Республики Беларусь в области рекламы имеет как схожие, так и отличительные черты. В целом можно отметить, что директивами ЕС урегулированы лишь два аспекта рекламной деятельности: ненадлежащая реклама и реклама на телевидении и радио. Остальные вопросы правового регулирования рекламы предоставлены на усмотрение законодательств государств – членов ЕС.

Полагаем, что в связи с определенной спецификой правовое регулирование рекламных правоотношений должно строиться по примеру законодательства ЕС. Так, правовое регулирование должно затрагивать только наиболее важные и распространяемые виды рекламы (телереклама, которая занимает наибольший объем рынка рекламы), а также в законодательстве должны устанавливаться критерии определения ненадлежащей рекламы, полный запрет на распространение (размещение) ненадлежащей рекламы и меры ответственности за нарушение вышеуказанного требования. В оставшейся части правовое регулирование рекламного рынка должно отводиться органам саморегулирования.

Вышеуказанные меры будут способствовать как развитию рекламного рынка в Республике Беларусь, который станет более привлекательным для иностранных рекламных организаций, так и дальнейшему развитию и совершенствованию системы саморегулирования в Республике Беларусь.

Список использованной литературы

1. Черячукин, Ю. В. Правовое регулирование рекламной деятельности в Российской Федерации и зарубежных странах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Ю. В. Черячукин. – Ростов н/Д, 2002. – 36 с.

К содержанию

А. А. БОРИСЕВИЧ

Минск, БИП – Университет права и социально-информационных технологий

Научный руководитель – Ю. С. Миловзорова, доцент кафедры

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Актуальность темы обусловлена сложившейся практикой повсеместной замены интеллекта человека на искусственный (например, беспилотный автомобиль или системы «предсказанного правосудия», которые не только помогают заранее предсказать результат уголовного и гражданского дела, но и сами могут решать дело по существу, а в КНР некоторые хозяйственные споры рассматривают компьютерные программы, и их решение обязательно, и др.) [2, с. 79–87].

Понимание того, что искусственный интеллект наделен способностью анализировать и составлять свой поведенческий алгоритм вне зависимости от запрограммированных предустановок, породило в среде ученых опасения и мысль о наделении правами субъекта самообучающегося механизма [1–3]. Трактаты правовой философии о «субъекте права» связывали правоспособность с наличием интеллекта. Применительно к исследуемому вопросу особый смысл приобретают слова В. Г. Белинского: «Субъект есть мыслящее существо (человек); объект – мыслимый предмет. Чтобы мышление было верно, надобно, чтобы понятие субъекта об объекте было тождественно с объектом. Истинному познанию предметов нам часто мешает наша субъективность, вследствие которой мы, вместо того чтобы определить то значение, которое именно выражает предмет нашего суждения, придаем ему наше значение и тем из предмета делаем призрак, т. е. совсем не то, что он есть в самом деле, а то, чем он нам кажется» [1].

Действительно, технология искусственного интеллекта, как совокупность программных продуктов и технических средств, способна решать сложные задачи, которые когда-то мог решать только человек. Более того, в нашу жизнь прочно вошли интеллектуальные системы поддержки принятия решений, обеспечивающих выполнение процессов без участия человека. Д. А. Мотовилова отличие искусственного интеллекта от живого видит в том, что «...машина занимается обобщением уже имеющихся в распоряжении людей данных, создавая нечто похожее, подчас интересное для прочтения, но опираясь на уже созданное людьми, тогда как человек способен создавать оригинальное произведение, даже не имея познаний абсолютно всего и вся, т. е. с нуля». При этом утверждает, что необходимо охранять произведения литературы, созданные системами искусственного интеллекта,

обосновывая свою позицию тем, что правовая защита послужит стимулом для совершенствования имеющихся систем и создания новых. И. А. Филипова ссылается на статьи 1970 г. о задействовании искусственного интеллекта в правотворчестве и правоприменении [4, с. 22].

Автор за соотношение угроз и возможностей, создаваемых введением правового регулирования в контексте технологической эволюции. Человек и его деятельность сами породили новый вид угрозы, и теперь наряду с политическими, экономическими, правовыми в законодательстве Беларуси в обновленном перечне банковских рисков встречаем киберриск. Это связано с тем, что искусственный интеллект способен при парном анализе двух и более анонимизированных баз деанонимизировать их, что приведет к утечке персональных данных пользователя, права которого были нарушены.

Так, например, Питер Флейшер, консультант по защите персональных данных компании Alphabet Inc., подчеркнул, что новой проблемой, связанной с развитием методов машинного обучения, является возможность машин находить способы деанонимизации данных.

В Республике Беларусь цифровизация позволяет интегрировать искусственный интеллект и робототехнику в производство, провоцируя отказ от части интеллектуального труда и от значительной доли физического труда людей. Изменяется роль работников, требуются новые навыки, меняется содержание труда, работодатель чаще заменяет людей на системы искусственного интеллекта. Трудовое право должно содержать нормы об ограничении труда, который может выполняться роботами, с перечнем работ, осуществляемых только человеком. По мнению автора, недопустимо вытеснение людей с производства и «встраивание» киберфизических и виртуальных систем на их рабочие места без правовой регламентации такого взаимодействия.

Так, автор предлагает создать юридические условия, описывающие все процедуры по внедрению технических решений, в основе которых лежит искусственный интеллект. Начать с того, что ввести процедуру регистрации таковых в Республике Беларусь. При использовании искусственного интеллекта для принятия решений, при осуществлении полномочий государственными органами предусмотреть солидарную ответственность разработчика и собственника программного продукта. Признать технологии с искусственным интеллектом объектом повышенной опасности и предусмотреть ответственность в случае причинения вреда человеку независимо от вины, предусмотреть страхование ответственности лиц, которые используют технологии с искусственным интеллектом.

Список использованной литературы

1. Белинский, В. Г. Журнальная заметка / В. Г. Белинский // Собр. соч. : в 9 т. – М. : Худож. лит., 1976–1982. – Т. 2 : Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 – январь 1840. – 1977.
2. Бирюков, П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие» : зарубежный опыт / П. Н. Бирюков / LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН) / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 11 (156). – С. 79–87.
3. Войниканис, Е. А. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов / Е. А. Войниканис, Е. А. Семенова, Г. С. Тюляев // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. – 2018. – № 4 (35). – С. 137–148.
4. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие / И. А. Филипова. – Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т, 2020. – 90 с.

К содержанию

М. С. БУРСЕВИЧ

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
 Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, канд. юрид. наук, доцент

НОТАРИАТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ КАК НОТАРИАТ ЛАТИНСКОГО ТИПА

Нотариат Республики Беларусь выполняет важную роль в защите участников гражданского оборота и в правовом просвещении граждан.

Деятельность нотариусов в нашем государстве регламентируется Законом Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» от 18 июля 2004 г. № 305-З (далее – Закон), в котором прописаны задачи нотариальной деятельности. Так, согласно ст. 4 Закона к основной задаче нотариальной деятельности относится нотариальное удостоверение сделок, бесспорных прав и фактов в целях придания им юридической достоверности и обеспечения стабильности гражданского оборота.

Доказательством, подтверждающим относимость нотариата Республики Беларусь к нотариату латинского типа, является то, что вышеуказанная задача является актуальной и для латинского нотариата. Так, латинский нотариат рассматривается как форма организации нотариальной деятельности (тип нотариата), предполагающая передачу полномочий государства по удостоверению бесспорных прав и фактов нотариусам, организующим свою работу в качестве лиц свободной профессии,

выполняющим данную функцию профессионально и под свою ответственность [1, с. 18].

С. Кулак отмечает, что к основным принципам и чертам латинского нотариата, отдельные из которых вытекают из самого понятия латинского нотариата, относятся следующие: нотариус является не государственным служащим, а специалистом свободной юридической профессии; государство наделяет нотариуса специальными полномочиями, и он действует от имени государства; нотариус подчиняется только закону и оказывает беспристрастную квалифицированную юридическую помощь; деятельность нотариуса направлена на предупреждение споров; нотариальные акты имеют доказательную и исполнительную силу; деятельность нотариуса организовывается нотариальной палатой, членство в которой обязательно, и нотариальная деятельность контролируется со стороны государства органами юстиции; деятельность нотариуса страхуется и др. [2, с. 126–127].

Следует отметить, что деятельность латинского нотариата регулируется писанным правом. В свою очередь, правовую основу деятельности белорусского нотариата составляют Конституция Республики Беларусь, Закон и иные акты законодательства, а также международные договоры Республики Беларусь.

Принципы латинского нотариата находят отражение и в современном законодательстве о нотариате Республики Беларусь. Например, нотариусы в Республике Беларусь, что характерно и для латинского нотариата, не являются государственными служащими. Характерной чертой латинского нотариата является то, что нотариусы объединяются в нотариальные палаты. Нотариусы Республики Беларусь также являются членами Белорусской нотариальной палаты.

Деятельность нотариусов Республики Беларусь, как и в других странах с латинским нотариатом, контролируется государством, а именно органами юстиции. Так, согласно ст. 21 Закона Министерство юстиции Республики Беларусь осуществляет регулирование нотариальной деятельности и руководство нотариатом, а также осуществляет контроль за соблюдением нотариусами, Белорусской нотариальной палатой, ее организационными структурами законодательства о нотариате.

Важным признаком является повышенная доказательственная сила нотариального акта, которая характерна для стран латинского нотариата. В ч. 3 ст. 9¹ Закона зафиксировано, что содержание нотариального акта считается истинным, пока не доказано обратное. Однако это правило должно найти отражение и в процессуальном законодательстве Республики Беларусь. О необходимости решения данной задачи уже отмечалось И. Ю. Кирвель [3, с. 202]. Вопрос доказательственной силы нотариального акта также затрагивается в ст. 194 проекта Кодекса гражданского судо-

производства Республики Беларусь, в которой указано, что официальные документы выдают государственные органы, иные органы, организации, должностные лица, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями в пределах их компетенции с соблюдением установленных правил. Так, деятельность нотариуса относится к данной статье в связи с тем, что нотариус обладает публичными полномочиями при осуществлении своей деятельности. Таким образом, регламентация данного вопроса в процессуальном законодательстве Республики Беларусь необходима, так как это закрепит презумпцию истинности нотариального акта, наделит его особой доказательственной силой и положительно повлияет не только на профессиональную деятельность нотариата, но и в целом на сферу защиты прав граждан.

Список использованной литературы

1. Мизинцев, Е. Н. Организационно-правовые основы нотариата в Российской Федерации и зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Е. Н. Мизинцев ; Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – М., 2012. – 34 с.

2. Кулак, С. Латинский нотариат в Республике Беларусь? / С. Кулак // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2013. – № 5. – С. 126–129.

3. Кирвель, И. Ю. Развитие нотариата Республики Беларусь / И. Ю. Кирвель // Российский нотариат: 25 лет на службе государству и обществу : сб. ст. / под ред. Е. А. Борисовой. – М. : Юстицинформ, 2018. – С. 186–206.

К содержанию

В. В. ГЛЕБ

Минск, БИП – Университет права и социально-информационных технологий

Научный руководитель – Ю. С. Миловзорова, доцент кафедры

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Понятие «фотография», впервые употребленное Джоном Гершелем в 1839 г. в отношении технологии Толбота, в цифровую эпоху не теряет своей актуальности. Фотография – это искусство снимать предметы на бумагу посредством света; картина, снятая посредством света. Н. В. Абримова указывает, что «во всем многообразии литературы, посвященной истории фотографии, непросто найти какую-то единую линейную схему,

позволившую бы определить, с чего началось, как развивалось и что является собой сегодня такое явление, как фотография». Изучив точки зрения различных специалистов и теоретиков в сфере фотографического искусства, можно выделить единое мнение о том, что развитие фотографии прошло шесть этапов. Каждый из этапов заключался в усовершенствовании технической составляющей, в период развития возникло понятие самой фотографии, а также начали выделяться разновидности самих фотоаппаратов (аналоговые фотоаппараты с пленкой, а затем и цифровые).

В наши дни абсолютно каждый человек, обладающий камерой и даже телефоном, может фотографировать. Несмотря на отсутствие знаний о принципах композиции и законах создания художественного образа, недостаточную техническую осведомленность, нехватку навыков обработки и редактирования фотографии, любой человек может создать свою картину мира, собственный взгляд на реальность, а зачастую свою виртуальную реальность.

Н. В. Абросимова указывает, что «основными функциями современной фотографии являются социальная и вспомогательная». Социальная функция заключается в том, что опубликование снимка нацелено на привлечение внимания социума. Сущность вспомогательной функции фотографии заключается в упрощении работы над проектами произведений. Это позволяет тратить меньше сил и времени на реализацию своего творческого потенциала.

В последние 40–50 лет творческое использование фотокамеры преобразило обычный снимок в произведение искусства.

С. Н. Балашова указывает, что доступность фотографических произведений и практически бесконтрольное распространение их в глобальной сети – сегодня наиболее распространенная практика. Такая ситуация объясняется простотой использования цифрового изображения, незащищенностью интернета с точки зрения правового регулирования, авторским нигилизмом и нежеланием отстаивать свои права [2].

Сегодня роль фотографии как одного из средств коммуникации все больше возрастает. Уникальная особенность сочетать в себе творчество и документальность придает фотографии особую силу воздействия и значимость.

Таким образом, можно сделать заключение, что фотография – это объект интеллектуальной собственности, права на который достаточно сложно защитить, так как абсолютно каждый человек может выдать свое творчество за свое, ведь это позволяют сделать современные технологии. Чем больше фотографии будут вызывать интерес у посторонних недобросовестных лиц, тем чаще будут нарушаться права авторов. На данный момент законодательством урегулированы вопросы защиты авторского

права на фотографические произведения, но невозможно предусмотреть развитие глобальной сети Интернет. Уже в наши дни сложно отличить действительную реальность и виртуальную реальность, созданную человеком. Отследить принадлежность фотографического произведения конкретному лицу становится невозможным, равно как и предоставить защиту именно автору, а не «похитителю таланта».

Как пленочные, так и цифровые фотографии имеют ряд преимуществ и недостатков. К примеру, преимуществами пленочных фотографий являются осмысленный подход фотографа к каждому кадру, творческий вклад больше, художественная ценность снимков выше. Преимуществами цифровых фотографий являются использование технических возможностей для ускорения процесса создания снимков, хранения на карте памяти большего количества фотографий, возможность редактирования фотографических изображений.

К содержанию

О. В. ГЛУХОВА

Брест, суд Московского района

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Понятие предварительного судебного заседания в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) не содержится. Согласно ст. 263 ГПК оно имеет своей целью процессуальное закрепление распорядительных действий сторон, совершенных при подготовке дела к судебному разбирательству, определение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, определение достаточности доказательств по делу, исследование фактов пропуска срока обращения в суд или срока исковой давности, примирение сторон.

Существуют различные точки зрения на сущность предварительного судебного заседания: 1) оно является определенным этапом подготовки дела и осуществляется для реализации задач, стоящих перед данной стадией процесса; 2) это комплекс действий, реализуемых судом и иными лицами, участвующими в деле, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, связанных, как правило, с разрешением вопросов о препятствиях к дальнейшему движению дела; 3) один из этапов непосредственно судебного разбирательства. Согласимся, что предварительное судебное заседание не связано с рассмотрением и разрешением дела по существу, его можно считать определенным итогом стадии подготовки

дела к судебному разбирательству, показывающим, насколько дело готово к судебному разбирательству, и выступающим в качестве дополнительного средства выполнения задач стадии подготовки дела [1, с. 76, 78].

Предварительное судебное заседание имеет ряд общих черт с основным заседанием: обязательное извещение лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания, фиксирование хода заседания в соответствии со ст. 113 ГПК, возможность совершения некоторых распорядительных действий судьей – приостановление, отложение или прекращение производства по делу, о чем выносятся определения, принятие решения об отказе в иске при установлении факта пропуска без уважительных причин срока обращения в суд или срока исковой давности. Имеются и существенные отличия по целям, составу участников, кругу совершаемых процессуальных действий, принимаемым судебным актом. В предварительном судебном заседании, исходя из его целей, создаются условия для рассмотрения дела по существу в судебном разбирательстве.

Таким образом, предварительное судебное заседание – это судебное заседание, проводимое судьей по правилам судебного разбирательства с извещением сторон и других, юридически заинтересованных в исходе дела лиц на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, направленное на достижение цели, установленной в ст. 263 ГПК.

По данным статистики, в суде Московского района г. Бреста в 2020 г. предварительные судебные заседания проведены по 1043 делам, что составило 30,1 % от общего количества рассмотренных судами гражданских дел (рассмотрено 3466 дел). В 2021 г. из 3490 рассмотренных дел по 1252 делам (или 35,9 %) судьями суда проведено 1300 предварительных судебных заседаний, т. е. 48 предварительных заседаний по делам были повторными.

Процессуальный закон не содержит ограничений по количеству предварительных судебных заседаний в ходе подготовки дела к судебному разбирательству. Как отмечает Е. П. Хотько, исходя из принципа процессуальной экономии и буквального толкования ГПК, предварительное судебное заседание по гражданскому делу должно быть одно [4, с. 26].

Вместе с тем ч. 4 ст. 264 ГПК предусмотрена обязанность приостановки производства по делу в предварительном судебном заседании в определенных случаях, при которой повторного предварительного судебного заседания избежать не удастся. Кроме того, поскольку предварительное судебное заседание проводится по общим правилам судебного разбирательства, судья вправе провести предварительное судебное заседание в отсутствие надлежаще извещенных об этом юридически заинтересованных в исходе дела лиц, если он признает причину их неявки неуважительной. Однако судья вправе и отложить проведение предварительного

судебного заседания [3]. Проведение нескольких предварительных судебных заседаний допустимо также в случаях, когда судьей проведен необходимый объем процессуальных действий, однако изменяется предмет, основание иска, цена иска, привлекаются соистцы, соответчики, третьи лица, правопреемники [2].

С учетом изложенного считаем необходимым дополнить ст. 264 ГПК новой частью следующего содержания: «При приостановлении или отложении производства по делу, изменении основания или предмета иска, увеличении или уменьшении размера исковых требований истцом, представлении возражений против иска ответчиком и в иных необходимых случаях судья разрешает вопрос о проведении повторного предварительного судебного заседания, его времени и месте путем вынесения определения».

Список использованной литературы

1. Гриненко, В. В. К вопросу о значении и цели предварительного судебного заседания в гражданском процессе / В. В. Гриненко // *Цивилистика: право и процесс*. – 2021. – № 4 (16). – С. 74–78.

2. О практике применения судами норм ГПК, регулирующих подготовку гражданских дел к судебному разбирательству (по материалам обзора) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Рагойша, П. В. Предварительное судебное заседание в гражданском судопроизводстве (комментарий к Закону Республики Беларусь от 20 октября 2006 г. № 173-З «О внесении дополнений и изменений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь») [Электронный ресурс] / П. В. Рагойша // *КонсультантПлюс. Беларусь* / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Хотько, Е. П. О некоторых аспектах методики рассмотрения и разрешения гражданских дел судом первой инстанции / Е. П. Хотько // *Суд. весн.* – 2016. – № 4. – С. 24–28.

К содержанию

А. И. ЛАСТОВСКАЯ

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – И. Э. Мартыненко, д-р юрид. наук, профессор

**ПРИНЦИП СОГЛАСИЯ ЛИЦА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Принцип согласия является одним из важнейших принципов, позволяющих обеспечить соблюдение прав лица при проведении геномных исследований. Под принципом согласия следует понимать обязательное получение согласия лица на проведении геномных исследований, а также на обработку данных, полученных в результате исследования. Принцип согласия лица должен стать одним из фундаментальных условий проведения исследований, гарантией соблюдения прав и свобод человека.

В ст. 28 Конституции Республики Беларусь содержится положение, согласно которому государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании, принцип согласия позволяет реализовать данную защиту. Стоит отметить, что государство создает не только правовую систему, но и условия, позволяющие реализовать права лица. Согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных», под согласием понимается свободное, однозначное, информированное выражение его воли, посредством которого он разрешает обработку своих персональных данных. Например, в случае обращения лица в организацию, проводящую геномные исследования, лицо выражает свое согласие на проведение исследование через заключение договора на исследование, предоставляя возможность получать и обрабатывать информацию, содержащуюся в геноме. Так, Институт генетики и цитологии Национальной академии наук предоставляет услугу под названием «генетический паспорт», которая позволяет определить индивидуальные генетические особенности, склонности, способности [1]. Причем исследование можно провести и без посещения учреждения, заполнив заявку на сайте и отослав генетический материал почтовым отправлением, заключая публичный договор через сайт услуги, впоследствии получив результат.

Обращаясь в организацию, проводящую геномные исследования, лицо своим волеизъявлением выражает согласие на проведение исследования, однако существуют исключения, по которым обработка данных осуществляется без согласия лица. Например, согласно ст. 8 Закона «О защите персональных данных», к такому положению относится обработка данных для целей ведения административного и (или) уголовного

процесса, осуществления оперативно-розыскной деятельности. Безусловно, генетическая экспертиза является одним из наиболее точных способов установления личности преступника, но ведь все лица обладают правами и свободами, преступники в том числе, но в данном случае исключение обусловлено обеспечением правопорядка государством, безопасности населения, осуществлением правосудия. Генетическая экспертиза позволяет не только выявить лицо, которое совершило преступление, но и описать внешность человека: определить цвет глаз, волос, возраст и рост, установить этническую принадлежность. Как поясняют специалисты Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по Брестской области, в настоящее время ни одно расследование по таким уголовным делам, как убийства, причинения тяжких телесных повреждений, разбои, грабежи, преступления против половой свободы и неприкосновенности, не проводится без судебно-генетических экспертиз [2].

Безусловно, исключение из принципа согласия лица на проведение исследования для осуществления правосудия, исполнения судебных постановлений, национальной безопасности оправданно и может быть обосновано общественной необходимостью, требованиями законодательства. Но существуют исследования, при проведении которых возникают большие сомнения в области соблюдения принципа согласия. Так, в Республике Беларусь ООО «Центр генетики “Наследие”» проводит даже исследование, называемое «ДНК-тест на измену». На сайте указано следующее: *«Центр генетики “Наследие” готов предложить вам новый ДНК-тест на измену»* [3]. В данном случае нет сомнений, что принцип согласия лица нарушается, исследование проводится не только без согласия лица, но и даже без ведома лица, что нарушает не только конституционное право лица на тайну частной жизни, защиту чести и достоинства, но и фундаментальные права и свободы человека.

Одной из основных задач установления принципов проведения геномных исследований является защита лица от негативных последствий развития науки и медицины, обеспечение и реализация прав и свобод человека. Принцип согласия лица и его реализация позволяет предоставить возможность лицу самостоятельно решить, желает оно участвовать в исследовании или нет, устанавливая разумные исключения, урегулированные законодательством.

Список использованной литературы

1. Сайт Государственного научного учреждения «Институт генетики и цитологии» Национальной академии наук Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://igc.by/ru/category/услуги/>. – Дата доступа: 08.04.2022.

2. Как ДНК-анализ помогает раскрывать преступления [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. – Режим доступа: https://sudexpert.gov.by/ru/brest-news.html?news_id=6426. – Дата доступа: 10.04.2022.

3. Сайт ООО «Центр генетики “Наследие”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gentest.by/services-prices/dnk-test-izmena>. – Дата доступа: 08.04.2022.

К содержанию

Д. А. ЛЁГКАЯ

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, канд. юрид. наук, доцент

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В современных условиях роль интеллектуальной деятельности неизмеримо возросла и претерпевает качественные изменения. Интеллектуальная собственность приобретает всю большую актуальность, что обусловлено ее возрастающим влиянием на развитие как национальной, так и мировой экономических систем.

Законодательство Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности в настоящее время находится в процессе реформирования. За последние годы поправки вносились во все специальные законы. Так, были приняты новые редакции Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах», Закона Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. «О патентах на сорта растений», Закона Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем», Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. «О географических указаниях». Изменения коснулись и остальных специальных законов. Параллельно при принятии практически каждого закона изменения вносились и в Гражданский кодекс Республики Беларусь.

Д. В. Иванова указывает, что «право интеллектуальной собственности к настоящему моменту включает институты и субинституты такой степени развития, которая позволяет выделить внутри названной системы общую и особенную части. Это позволит отразить оптимальным образом систему права интеллектуальной собственности, к которой необходимо стремиться в целях построения наиболее эффективного правового регулирования всего комплекса общественных отношений в рассматриваемой сфере. По мнению автора, в дальнейшем такая структура предполагает

повышение уровня охраны прав и законных интересов участников соответствующих отношений и создание условий для реализации и защиты ими личных неимущественных и имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности» [2, с. 55–56].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что право интеллектуальной собственности Беларуси в своем развитии подошло к тому моменту, когда требуется совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей отношения в сфере интеллектуальной собственности, а также необходимо повысить уровень защиты интеллектуальных прав. Это возможно, на наш взгляд, посредством систематизации законодательства.

По мнению В. А. Дозорцева, «систематизация законодательства призвана решить несколько основных задач. Во-первых, это выделение общих положений для всех видов исключительных прав и их основных групп. Общие положения имеют значение не только с точки зрения законодательной техники, они консолидируют всю систему, четко и полно формулируют общие принципы, подлежащие последовательному проведению во всех отдельных институтах. Более того, они направляют регламентацию вновь создаваемых институтов. Общие положения объективно существуют, но они не выделены и четко не сформулированы. Без общей части, выполняющей эту функцию, нет подлинной кодификации. Во-вторых, и это не менее важно, необходимо определить критерии дифференциации отдельных институтов и тем самым консолидировать законодательство» [1, с. 354].

Проанализировав законодательство в сфере интеллектуальной собственности, можно сделать вывод о том, что его наиболее полная систематизация возможна только при кодификации. Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 10.04.2002 № 205, определила кодификацию в качестве приоритетного способа совершенствования различных отраслей законодательства. Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2018 г. № 9 был утвержден план подготовки законопроектов на 2018 г., в соответствии с которым был разработан проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов». Интерес представляет тот факт, что раздел V «Интеллектуальная собственность» Гражданского кодекса в соответствии с этим проектом единственный получил новую редакцию.

Таким образом, полагаем, что на современном этапе следует принять Кодекс Республики Беларусь об интеллектуальной собственности, который сможет обеспечить эффективность правового регулирования объектов интеллектуальной собственности. Кодификация законодательства об интеллектуальной собственности позволит исключить дублирование в правовом

регулировании, когда аналогичные нормы содержатся в разных законах, и устранить существующие в настоящее время пробелы в правовом регулировании. Кодификация позволит исключить коллизии между отдельными законодательными актами. Кроме того, выделение общей части права интеллектуальной собственности может стать основой для регулирования складывающихся новых правоотношений.

Список использованной литературы

1. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации / В. А. Дозорцев. – М. : Статут, 2003. – 416 с.
2. Иванова, Д. В. Перспективы развития системы права интеллектуальной собственности Республики Беларусь / Д. В. Иванова // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – С. 51–56.

К содержанию

Д. Н. МАЦУКОВА

Минск, Белорусский государственный университет

Научный руководитель – О. М. Куницкая, канд. юрид. наук, доцент

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ

В век развития информационных технологий и глобальной сети Интернет вопрос об особенностях правового регулирования заключения договоров в сфере интернет-торговли является актуальным. Стоит заметить, что в Республике Беларусь не разработан и не принят единый нормативный правовой акт, который регулирует интернет-торговлю.

Правила продажи товаров при дистанционной торговле (далее – Правила) закрепляют понятие дистанционной торговли. Исходя из определения данного термина, можем сделать вывод, что заключается договор розничной купли-продажи. Следовательно, к нему будут применяться соответствующие нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь о розничной купле-продаже, в том числе нормы о публичном договоре. Договор розничной купли-продажи может быть заключен на основании ознакомления покупателя с образцом товара, предложенным продавцом.

Относительно субъектного состава договора розничной купли-продажи выявлен следующий проблемный аспект. Обязанной стороной публичного договора может являться только коммерческая организация, в то время как на практике индивидуальные предприниматели также осуществляют розничную торговлю и заключают соответствующие договоры. В этой связи считаем целесообразным внести изменения в п. 1 ст. 396 ГК и признать индивидуальных предпринимателей возможными обязанными субъектами.

Пунктом 7 Правил устанавливаются требования к информации, которая размещается на главной странице сайта интернет-магазина при осуществлении дистанционной торговли с использованием сети Интернет через интернет-магазин. Необходимо отметить, что предложение товаров при осуществлении дистанционной торговли признается публичной офертой, если оно содержит все существенные условия договора. Согласно пункту 8 Правил, «договор, содержащий все существенные условия, считается заключенным в момент получения продавцом, направившим оферту, ее акцепта от покупателя посредством использования сети Интернет, а также иным способом, не запрещенным законодательством, позволяющим достоверно установить, что акцепт исходит от покупателя».

А. Г. Карапетов утверждает, что «при заключении договора в Интернете на сайте соответствующего интернет-магазина договор должен считаться заключенным в момент, когда пользователь после ознакомления на сайте с условиями публичной оферты соглашается с ним, нажав на соответствующую ссылку или иным подобным электронным образом» [1, с. 726].

Обратившись к законодательству Республики Казахстан, отметим следующее. Согласно ст. 29-1 Закона Республики Казахстан от 12 апреля 2004 г. № 544-ІІ «О регулировании торговой деятельности» (далее – Закон) закрепляется, что «продавец, адресующий от своего имени оферту в электронной форме, при осуществлении электронной торговли обязан включать в оферту существенные условия договора или указать порядок их определения, а также включать иные условия; выписать счет-фактуру, предоставить копии первичных учетных документов». Также стоит отметить, что в Республике Казахстан действуют фулфилмент-центры – «логистические центры, выполняющие весь комплекс операций с момента оформления заказа на товар покупателем и до момента доставки этого заказа покупателю, в том числе выполняющие такие функции, как складское хранение товаров, прием и обработка заказов, комплектация и упаковка заказов, получение оплаты от покупателей, доставка заказов, прием возвратов заказов в сфере электронной торговли».

Свобода договора в некоторой степени ограничивается при заключении договора в сфере интернет-торговли. В рамках принципа свободы

договора субъекты свободны не только в выборе контрагента и заключении либо незаключении договора, но и в выборе условий договора. Пунктом 3 Правил законодатель устанавливает перечень товаров, которые не могут быть предметом договора.

Относительно места заключения договора устанавливается, что, если в договоре не указано место его заключения, договор признается заключенным в месте жительства гражданина или месте нахождения юридического лица, направившего оферту. Следовательно, местом заключения договора в сфере интернет-торговли будет не место нахождения, рабочее место работника юридического лица, который акцептовал оферту, а место нахождения юридического лица (если оферентом является юридическое лицо).

Изучив правовое регулирование заключения договоров в сфере интернет-торговли, устанавливаем, что оно имеет свои особенности. Так, договор розничной купли-продажи может быть заключен на основании ознакомления покупателя с образцом товара, физического присутствия сторон не требуется; применяются нормы о публичном договоре, об обязательном порядке заключения договора; договор, содержащий все существенные условия, считается заключенным в момент получения продавцом, направившим оферту, ее акцепта от покупателя. Ввиду наличия установленной специфики заключения договоров в данной сфере и широкого распространения их заключения предлагаем принять единый нормативный правовой акт об особенностях интернет-торговли, который будет содержать в том числе соответствующие нормы о заключении договоров в сфере интернет-торговли.

Список использованной литературы

1. Карапетов, А. Г. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] / А. Г. Карапетов. – Режим доступа: <https://m-lawbooks.ru/index.php/product/dogovornoe-pravo/>. – Дата доступа: 18.04.2022.

К содержанию

Ю. С. МОСТОЛОВИЦА

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – Н. Е. Бодяк, старший преподаватель

**СДЕЛКИ, ИЗМЕНЯЮЩИЕ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ
ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ**

В современном белорусском обществе с каждым годом растет число заключенных договоров, регулирующих семейные отношения, однако при их применении возникает значительное число вопросов, на которые законодательство не дает четких ответов. Изложенное свидетельствует о необходимости тщательного анализа особенностей договорного режима имущества супругов, а также способов его установления.

В настоящее время в Республике Беларусь правовой режим имущества супругов может быть установлен как законом, так и посредством договора, заключенного между супругами. Если условия договора отличны от установленных в законодательстве, такое супружеское соглашение влечет за собой возникновение договорного режима. Договорный режим имущества супруги могут установить как брачным договором, так и соглашением о разделе имущества. Однако, несмотря на кажущееся сходство, разница между брачным договором и соглашением о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, весьма значительна. Отличия состоят и в субъектах сделки, и в объеме урегулирования правоотношений между сторонами, и в их направленности.

Во-первых, брачный договор может быть заключен как во время брака, так и до его регистрации, но вступает в силу только после регистрации брака, в то время как соглашение о разделе имущества заключается между супругами во время брака, на этапе расторжения брака или между бывшими супругами.

Следующим существенным отличием является сфера действия – для брачного договора она значительно шире. Предметом брачного договора могут быть как имущественные, так и личные неимущественные отношения супругов, а также положения, касающиеся проживания и воспитания детей. В то же время соглашение о разделе имущества призвано регулировать отношения, возникающие исключительно в отношении раздела имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, что может потребовать заключения дополнительных соглашений, например заключения соглашения об уплате алиментов или соглашения о детях.

Кроме этого, при наличии в брачном договоре положений о режиме имущества супругов заключение соглашения о разделе имущества является невозможным. В то же время, если брачным договором не урегулирован

порядок раздела имущества, супруги имеют право дополнительно заключить соглашение о разделе имущества.

Таким образом, договорный режим предполагает заключение договора или соглашения между супругами, где будут прописаны все условия имущественных или личных неимущественных отношений не только во время брака, но и после его расторжения. В этом случае регулирование имеет индивидуальный характер, так как основывается на правилах, выработанных самими сторонами, что позволяет избежать имущественных споров между супругами.

Тем не менее, как показывает судебная практика, брачный договор, равно как и соглашение о разделе имущества, может оспариваться третьими лицами. Так, судом Октябрьского района г. Г. рассматривалось дело по иску С. к Л. и И. об установлении факта ничтожности брачного договора, признании недействительной его государственной регистрации и государственной регистрации перехода права собственности на жилой дом. Брачным договором супруги Л. и И. изменили режим общей совместной собственности супругов и договорились, что приобретенный ими в период брака жилой дом по ул. Б. в г. Г., расположенный на предоставленном в пожизненное наследуемое владение земельном участке, переходит в собственность И. с момента государственной регистрации названного договора и основанного на нем права в РУП «Агентство по государственной регистрации и земельному кадастру». С. обратился в суд с признанием брачного договора недействительным, поскольку считал, что брачный договор был заключен с намерением создать для третьих лиц (в частности, для С.) искаженную видимость возникших правоотношений, что Л. и И. не желали наступления тех юридических последствий, которые порождает брачный договор. Доводы С. о несовпадении волеизъявления сторон договора, направленного, по его мнению, на уклонение от возможного обращения взыскания денежных средств, суд посчитал необоснованными [1].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что соглашение о разделе имущества и брачный договор имеют схожие черты, однако при необходимости заключения сделок между супругами важно учитывать особенности каждого из них. Брачный договор позволяет избежать заключения дополнительных соглашений, поскольку может закреплять как имущественные, так и личные неимущественные отношения супругов, в том числе положения о воспитании детей. Соглашение о разделе имущества, в отличие от брачного договора, может быть заключено после расторжения брака, что позволит урегулировать вопросы раздела имущества без обращения в суд. Также соглашение о разделе имущества может выступать в качестве дополнения к брачному договору, если в брачном договоре не закреплены положения об имуществе супругов.

Список использованной литературы

1. Определение судебной коллегии по гражданским делам Гродненского областного суда от 14.12.2020 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Судебная практика / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

К содержанию

И. П. ПАШКЕВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ

Психология давно тесно связана с юриспруденцией, и тому есть много научно обоснованных данных. Необходимо найти точки соприкосновения юридической психологии в рамках внедрения нового альтернативного способа разрешения конфликтов.

Психологические знания являются необходимыми для успешного внедрения медиации в современное общество. В психологии медиация – это умение помочь разрешению конфликта тогда, когда сами по себе спорящие стороны не в состоянии вести продуктивный диалог. Ошибочно полагать, что медиатор должен дать понять человеку, чего хочет его контрагент. На самом деле медиатор должен помочь понять человеку, чего сам этот человек хочет добиться в данной ситуации. Зачастую в этом и кроется основная сложность, так как многие люди считают, что сами себя они понимают хорошо. Однако чем сложнее личность, тем многообразнее могут быть ее истинные потребности, соответственно, тем труднее понять и принять их адекватно. Работа с помощью медиатора – для умных людей, так как для них важен анализ долгосрочных перспектив, они хотят больше создавать, чем разрушать, в том числе решая тот или иной конфликт. В научной литературе под правовым конфликтом понимают противоборство субъектов права с противоположными пониманием и действиями по отношению к принципам и нормам права с целью изменения своего статуса и юридического состояния. Из определения правового конфликта можно сделать вывод о том, что основу конфликтных ситуаций между людьми составляет столкновение между противоположно направленными интересами, мнениями, целями, различными представлениями о способе их достижения. Поэтому немаловажным является выбор оптимального способа его разрешения.

Часто медиацию приравнивают к тренингам или консультированию, но человек, который обратился к медиатору, должен понимать, что сама

по себе процедура медиации направлена не на разрешение его психологических проблем, а на урегулирование проблем взаимодействия, в котором ущемлены реально или предполагаемо его интересы.

Психологический аспект медиации следует рассматривать с той точки зрения, согласно которой присутствие медиатора помогает избежать укоренения конфликта, его ухода вглубь личности, несмотря на соблюдение всех внешних правил и процедур разрешения спорного вопроса. С позиций психологических особенностей медиация – это социально-психологический процесс, в котором основное значение придается медиатору с целью достижения успеха в ситуации, определяемой как спор или конфликт. Она помогает наладить конструктивную коммуникацию между участниками конфликта.

В результате медиативного общения снижается не только эмоциональное и когнитивное напряжение конфликтантов, но участники получают удовлетворение потребностей, не только духовных, психологических, но и материальных. В этом состоит основной социально-психологический феномен медиации: ситуация взаимодействия конфликтующих сторон из, казалось бы, неразрешимой и тяжелой превращается в конструктивную, зачастую даже восстанавливаются нормальные человеческие отношения между сторонами.

Задача медиатора заключается в том, чтобы снять негативные эмоции, и это позволит перейти на конструктивное обсуждение возможных вариантов решения конфликта участниками самостоятельно, а медиатор лишь включается в переговоры, если стороны испытывают какие-либо затруднения. При этом вся ответственность за реально полученный результат, за соглашение лежит на самих сторонах.

Безусловно, медиация не способна решить любую ситуацию противостояния конфликтантов быстро. Медиация – это последовательное и целенаправленное развитие ситуации, при котором меняется ментальность и поведение человека. Именно это определяет особый тип психологического поведения участников в медиации, отличный от поведения людей в других процессах.

На данном этапе мы наблюдаем, что вокруг медиативного метода работы сложились устойчивые заблуждения, зачастую мешающие эффективному применению медиативного подхода. Так, часто медиатора воспринимают исключительно как рычаг давления на контрагента. Но надо понимать, что принуждение помимо воли и желания – это уже не медиация. Также считают, что у медиатора есть стандартные универсальные технологии, и, овладев ими, можно самому их использовать. Типовых решений и стратегий тут нет и быть не может. Конкретные решения всегда уникальны и нестандартны, так же как уникальна личность любого чело-

века, индивидуальны его потребности, ценности, установки. Сложилось мнение, что медиатор должен предлагать только приятные шаги по урегулированию того или иного конфликта. Однако работа медиатора оценивается по итогам, а промежуточные шаги могут быть и жесткими, но они для некоторых могут быть необходимы, чтобы получить результат. Должен быть так организован диалог, чтобы оппоненты акцентировали свое внимание именно на решении проблемы, забыв, по крайней мере, на время старые обиды, и пришли к консенсусу.

Медиация – это длительная работа, которая заключается в помощи каждому из спорящих понять, для чего именно ему нужен этот спор и участие в нем, т. е. готов ли он к нахождению тех или иных компромиссов в этом споре. Таким образом, психология, особенно аналитическая, – значимая составляющая медиативного процесса.

К содержанию

М. М. ПРОКОПУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Маслакова, старший преподаватель

ВОПРОСЫ РАЗДЕЛА ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Институт брака и семьи существует в Беларуси достаточно давно. Несмотря на то что государство всячески содействует укреплению, поддержке и развитию данного института, случается, что браки все-таки расторгаются. При расторжении брака остро встает вопрос о разделе общей совместной собственности, или так называемого совместно нажитого имущества.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает два режима имущества супругов:

– законный, предполагающий регулирование имущественных правоотношений Кодексом Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС);

– договорный, позволяющий регулирование имущественных правоотношений между супругами посредством соглашений, в частности брачным договором.

В соответствии со ст. 23 КоБС имущество, приобретаемое супругами в период брака, является их общей совместной собственностью. В состав общей совместной собственности супругов входит любое имущество, которое было нажито супругами во время брака, независимо от того,

на кого из супругов оно приобретено или на кого либо кем из супругов внесены денежные средства. Также к общей совместной собственности относятся драгоценности и другие предметы роскоши, которые были приобретены в период брака за счет общих средств супругов. Кроме этого, вещи профессиональных занятий каждого из супругов, например музыкальные инструменты, приобретенные в период брака, составляют общую совместную собственность супругов.

При этом при разделе имущества каждый из супругов имеет равные права в отношении имущества независимо от вклада каждого из них в приобретение данного имущества [2].

Не подлежит разделу имущество, составляющее собственность супругов. Собственностью супругов в соответствии с ч. 1, 2 ст. 26 КоБС является имущество, которое принадлежит супругам до вступления в брак, получено ими в период брака в дар либо в порядке наследования; вещи индивидуального пользования, например одежда, за исключением предметов роскоши.

При наличии необходимости раздела общей совместной собственности супругов возможно два варианта:

1. Отсутствие разногласий между супругами. В таком случае правовой статус собственности супругов установлен брачным договором или право на долю имущества определено свидетельством о праве собственности, которое по заявлению обоих супругов выдается нотариусом как в период брака, так и после его расторжения.

2. Наличие разногласий между супругами. В данном случае раздел общей совместной собственности супругов происходит исключительно в судебном порядке [1].

Рассмотрим судебный порядок раздела общей совместной собственности супругов. Для раздела общего имущества необходимо подать исковое заявление в суд, при этом уплачивается государственная пошлина в размере 5 % от общей стоимости имущества, указанного в иске.

Согласно ч. 1 ст. 24 КоБС, при разделе общей совместной собственности супругов доли признаются равными, если иное не предусмотрено брачным договором. Однако суд вправе отступить от данного правила, учитывая интересы несовершеннолетних и нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей или другие интересы супругов, которые заслуживают особого внимания. Также доля одного из супругов может быть увеличена, если второй супруг уклонялся от трудовой деятельности либо использовал имущество в ущерб интересам семьи.

Исходя из вышеперечисленных особенностей, суд выносит решение о разделе общей совместной собственности супругов. При этом может возникнуть следующая ситуация: одному из супругов передаются предметы,

стоимость которых превышает причитающуюся долю. В таком случае другому супругу присуждается соответствующая компенсация.

В случае судебного разбирательства при наличии брачного договора суд исходит из его условий и определяет, какое имущество подлежит передаче каждому из них.

Для восстановления нарушенных прав при разделе общей совместной собственности супругов устанавливается 3-летний срок исковой давности.

Таким образом, спор между супругами или же бывшими супругами по разделу общей совместной собственности может быть разрешен как в добровольном, так и в судебном порядке. При этом при разделе общей совместной собственности в судебном порядке суд исходит из принципов равноправия супругов по отношению к имуществу, учитывает интересы нуждающихся лиц, а также иные обстоятельства дела.

Список использованной литературы

1. Раздел совместного имущества супругов [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://www.rka.by/blogs/razdel-sovmestnogo-imushchestva-suprugov/>. – Дата доступа: 06.04.2022.

2. Семейное право [Электронный ресурс] : курс лекций / сост. О. П. Михайлова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. – 57 с. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/344807871_Semejnoe_pravo_kurs_lekcij_sost_O_P_Mihajlova_-_VitebskVGU_imeni_P_M_Masherova_2019_-_57_1_s. – Дата доступа: 05.04.2022.

К содержанию

И. В. РОМАНОВИЧ

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, канд. юрид. наук, доцент

ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО НОТАРИАТА

Исследование функций нотариата позволяет выявить специфику, а также обозначить существенные характеристики данного института гражданского общества.

Анализ норм Закона Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее – Закон о нотариате и нотариальной деятельности) показал, что в данном нормативном правовом акте отсутствует определение функций нотариата и их видов.

По мнению А. В. Герасимова и П. В. Надтачаева, функции нотариата представляют собой направления его деятельности, отражающие особенности нотариата как правового института, задачей которого является

защита субъективных прав граждан и юридических лиц в частноправовой сфере и который осуществляет деятельность на принципе публичности [1].

В научных трудах функции нотариата классифицируют по различным основаниям. Одни авторы выделяют их исходя из публично-правового и частноправового содержания нотариальной деятельности. На этой основе все функции нотариата делят на две группы:

1) функции нотариата, которые вытекают из публично-правового характера нотариальной деятельности;

2) функции нотариата, которые вытекают из частноправового содержания нотариальной деятельности [4, с. 33].

Согласно указанной позиции, в каждую из названных групп входит разное количество функций. Так, в первую группу входят:

– правоохранительная функция, которая выражается в обеспечении законности в сфере гражданского оборота;

– правоприменительная функция, которая означает разрешение юридических дел в отношении конкретных фактических ситуаций (например, совершение исполнительных надписей);

– предупредительно-профилактическая функция, которая может осуществляться по нескольким направлениям, включающим обеспечение доказывания в суде и разрешение гражданско-правовых дел бесспорного характера [4, с. 17–27].

Представляется наиболее обоснованным изложение нотариальных функций по видам, предложенное В. В. Ярковым. Ученый подразделил функции нотариата на социальные, содержательные и доказательственные.

По мнению автора, социальные функции характеризуют место нотариата в системе органов гражданской юрисдикции и правовой системе государства. Среди социальных функций В. В. Ярков выделяет предупредительно-профилактическую, правореализационную, правоохранительную и фискальную функции [2, с. 55–62].

Предупредительно-профилактическая функция нотариуса способствует тому, что нотариат предупреждает возникновение споров на стадии согласования условий сделки и ее заключения, тем самым профилактически снижая количество гражданско-правовых споров.

Правореализационная функция нотариата определяется тем, что нормы права реализуются не сами по себе, а с помощью действий уполномоченных субъектов, одним из которых выступает нотариус. По мнению Т. Н. Радько, правореализационная функция способствует снижению уровня преступности, обеспечивает юридическую безопасность граждан и организаций.

Правоохранительная функция нотариата тесно взаимосвязана с охранительной функцией права, которая представляет собой обусловленное

его социальной ролью направление правового воздействия, нацеленное на охрану общезначимых и наиболее важных общественных отношений, их неприкосновенность [3, с. 277].

Следует отметить, что фискальная функция нотариата связана с одной из основных функций государства, а именно сбором налогов. Согласно п. 3 ст. 85 Налогового кодекса Республики Беларусь, нотариусы информируют налоговые органы об удостоверении договоров отчуждения (дарения, мены, купли-продажи, ренты) имущества, за исключением недвижимого имущества. Это способствует взиманию налогов на переходящее имущество.

С учетом проведенного анализа предлагаем закрепить в Законе о нотариате и нотариальной деятельности правореализационную и фискальную функции нотариата для более точного определения направлений деятельности нотариата в системе правоохранительных органов и определения принципиальных отличий нотариата от других правовых институтов.

Список использованной литературы

1. Герасимов, А. В. Роль нотариата в гражданском процессе [Электронный ресурс] / А. В. Герасимов, П. В. Надтачаев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-notariata-v-sovremennom-grazhdanskom-prave/viewer>. – Дата доступа: 11.04.2022.

2. Нотариальное право России : учебник / под ред. В. В. Яркова. – М. : Волтерс Клувер, 2003. – 408 с.

3. Радько, Т. Н. Функции права : курс лекций / Т. Н. Радько. – Н. Новгород, 1993. – 234 с.

4. Черемных, Г. Г. Нотариальное право РФ : учебник / Г. Г. Черемных, И. Г. Черемных. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2006. – 714 с.

К содержанию

К. А. САВКО

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, канд. юрид. наук, доцент

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современные информационные технологии способствуют развитию всех видов деятельности человека. В условиях интенсивного развития и совершенствования социально-экономических отношений существенно возрастает нагрузка на нотариусов, что влияет на качество осуществления нотариальной деятельности. В связи с этим целью современного нотариата

является оказание нотариальных услуг с использованием новых информационных технологий для повышения качества услуг и удобства лиц, обращающихся к нотариусам.

Внедрение информационных технологий в деятельность белорусского нотариата началось с принятия Указа Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. № 523 «Об организации нотариальной деятельности в Республике Беларусь», согласно которому предусматривалось введение в эксплуатацию с 1 января 2017 г. единой электронной системы учета нотариальных действий и наследственных дел. С 2014-го по 2017 г. был полностью обновлен парк компьютерной техники во всех нотариальных конторах и нотариальных архивах страны, а также создана корпоративная компьютерная сеть (VPN), объединяющая все нотариальные конторы и нотариальные бюро [3, с. 662].

Республика Беларусь является участницей Евразийского экономического союза, соответственно, развитие белорусского законодательства, в том числе в нотариальной сфере, должно учитывать передовой опыт других стран – участниц данного интеграционного образования. Так, с нашей точки зрения, заслуживает внимания опыт Республики Казахстан по внедрению информационных технологий в нотариальную деятельность.

В Республике Казахстан внедрена Единая нотариальная информационная система (ЕНИС), которая представляет собой программно-аппаратный комплекс, созданный для обеспечения эффективной работы нотариусов и их взаимодействия с республиканской и территориальными нотариальными палатами, с Министерством юстиции Республики Казахстан, а также обеспечения населения качественными правовыми нотариальными услугами [1]. Благодаря ЕНИС казахские нотариусы могут получить достоверную и актуальную информацию в режиме онлайн о физических и юридических лицах, об их движимом и недвижимом имуществе, о земельных участках, также могут проверить действительность доверенностей, сведений о владельце имущества и иные документы. Нотариусам предоставляется доступ к государственным информационным системам, таким как «Регистр недвижимости», «Юридические лица», «Физические лица», «ЗАГС». Это позволяет экономить время, а также защищает от подделки документов и незаконного отчуждения движимого и недвижимого имущества [4]. Интеграция ЕНИС с автоматизированной информационной системой «Органы исполнительного производства» привела к переходу на электронное взаимодействие нотариусов и органов исполнительного производства, что позволило совершать исполнительные надписи в электронном формате посредством портала «Е-нотариат» [2].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что внедрение в нотариальную деятельность единой системы учета нотариальных действий и наследственных дел дало возможность белорусским нотариусам автоматически формировать шаблоны нотариальных документов, вести в электронном виде ряд журналов и книг, а также осуществлять взаимодействие нотариусов между собой. Но для удобства, полагаем (пример Республики Казахстан), необходимо дополнение данной системы функциями, посредством которых нотариусы могли бы без особых усилий взаимодействовать со всеми необходимыми государственными органами и организациями. Это позволило бы обеспечить защиту прав и законных интересов граждан, свести к минимуму бумажную волокиту и повысить эффективность осуществления нотариальных действий в самые оптимальные сроки.

Список использованной литературы

1. Единая нотариальная информационная система [Электронный ресурс] // e.notary. – Режим доступа: <https://enis.kz/?lang=ru>. – Дата доступа: 12.04.2022.

2. Жанабилова, А. Б. Информатизация нотариата Республики Казахстан как основа совершенствования его деятельности в условиях формирования электронного государства / А. Б. Жанабилова // Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2021 : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 окт. 2021 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. – Минск : НЦПИ, 2021. – С. 651–665.

3. Лисок, Т. А. Информатизация нотариальной деятельности: баланс удобства и надежной защиты прав граждан и бизнеса / Т. А. Лисок // Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2021 : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 окт. 2021 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. – Минск : НЦПИ, 2021. – С. 662–671.

4. Максимихина, Т. ЕНИС: преимущества очевидны. Надо научиться их использовать [Электронный ресурс] / Т. Максимихина // Прикаспийская коммуна. – Режим доступа: <https://pricom.kz/gorod/enis-preimushhestva-ochividny-nado-nauchitsya-ix-ispolzovat.html>. – Дата доступа: 19.04.2022.

К содержанию

Е. Ч. СКАСКЕВИЧ

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
Научный руководитель – И. Ю. Кирвель, канд. юрид. наук, доцент

**ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВЛАДЕЛЬЦА БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТНОГО
СРЕДСТВА**

Появление беспилотных транспортных средств создало новые вопросы в сфере гражданско-правовых отношений.

М. Слиммен и У. Х. Ван Бум отмечают двойственность беспилотных транспортных средств. С одной стороны, позитивным аспектом является безопасность их использования, которая заключается в отсутствии таких факторов, как отвлечение от дороги, алкогольное и другие виды опьянения. С другой стороны, негативный аспект заключается в том, что техническая система испытывает недостаток в способности отличить безопасные объекты от опасных объектов, интерпретировать знаки или реагировать на непредсказуемое поведение других водителей [2, с. 108].

Исходя из содержания ч. 1 ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, возлагается на владельца данного источника либо на лицо, под управлением которого находился транспорт.

Вместе с этим владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, которые предусмотрены пп. 2 и 3 ст. 952 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Также ч. 3 ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь регламентирует, что владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный этим источником, если докажет, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц, например в результате угона. Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в таких случаях несут лица, противоправно им завладевшие. При наличии вины владельца в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее этим источником повышенной опасности.

Помимо угона транспортных средств, хакерские атаки на беспилотные транспортные средства также являются актуальной проблемой в современном мире. Владелец при такой атаке не в состоянии контролировать процесс управления. Таким образом, при причинении вреда является

справедливым накладывать обязательство по возмещению вреда на лицо, взломавшее систему искусственного интеллекта.

Самой частой жертвой подобного рода атак является воздушный вид беспилотных транспортных средств, а именно дроны. В конце 2013 г. известный хакер Сэми Камкара представил собственную программу для похищения малых беспилотных транспортных средств. Принцип действия программы заключается в том, что дрон под действием этой хакерской системы способен за несколько секунд перепрограммировать «жертву» прямо в воздухе, после чего управление над ней полностью переходит в руки хакера [1].

В настоящее время разрабатываются системы защиты искусственного интеллекта от подобных атак. Одними из первых разработчиков защиты систем беспилотного транспортного средства являются ученые из университета Вирджинии и Технологического института Джорджии, которые создали уникальную систему обнаружения атаки на дрон System-Aware Secure Sentinel, проверяющую каждый алгоритм действия летательного аппарата и при возникновении нелогичного поведения дрона заставляющую его следовать первичному приказу.

В момент взлома системы беспилотного транспортного средства управление передается лицу, которое непосредственно осуществило данный взлом. Сложность в решении данного вопроса создает то обстоятельство, что не всегда возможно найти взломщика системы и, более того, доказать факт взлома данной системы.

Также взлом искусственного интеллекта можно отнести и к недостаткам заводской системы, из-за чего ученые в данной области считают справедливым накладывать определенную часть ответственности на производителя беспилотного транспортного средства.

Таким образом, ключевым основанием для освобождения от ответственности владельца беспилотного транспортного средства будет являться то обстоятельство, что беспилотное транспортное средства выбыло из обладания владельца в результате противоправных действий других лиц. В результате хакерской атаки ответственность следует накладывать на лицо, взломавшее систему. При невозможности найти данное лицо следует наложить часть ответственности на производителя беспилотного транспортного средства, так как взлом можно отнести к недостаткам заводской системы.

Список использованной литературы

1. Американские беспилотники защитили от кибератак [Электронный ресурс] // Рос. газ. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/03/bespilotnik-site-anons.html>. – Дата доступа: 14.04.2022.

2. Лазарев, А. И. Деликтная ответственность владельцев беспилотных транспортных средств в ДТП / А. И. Лазарев // Формирование и реализация стратегии устойчивого экономического развития Российской Федерации : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 24 дек. 2018 г. – Пенза : Пензен. гос. аграр. ун-т, 2018. – С. 106–110.

К содержанию

В. И. ТЕЛЬПУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, канд. юрид. наук, доцент

АСТРЕНТ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Своевременное и реальное исполнение судебных постановлений является проблемным вопросом современного правосудия. В мировой практике в качестве меры косвенного воздействия на должника в целях понуждения его к исполнению судебных актов используется институт астрента (от фр. *l'astreinte* – штраф). Астрент можно определить как «возложение на должника обязанности денежного возмещения причиненного вреда, провозглашаемое судом, имеющее целью преодолеть сопротивление недобросовестного должника и привести в исполнение решение суда» [1].

В настоящее время данный институт нашел свое применение не только в законодательстве зарубежных стран (Франция, Италия, Португалия), но и в гражданском законодательстве Российской Федерации.

В современном российском праве институт астрента впервые был сформулирован в постановлении Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта», которое наделило арбитражные суды правом присудить денежные средства на случай неисполнения судебного акта. Однако в законодательстве подобное право за судом не было закреплено.

В дальнейшем в результате реформы гражданского законодательства Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» была введена норма ст. 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Так, ст. 308.3 ГК РФ предусмотрено, что в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения

обязательства в натуре, если иное не предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (п. 1 ст. 330 ГК РФ) на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. Уплата судебной неустойки не влечет прекращения основного обязательства, не освобождает должника от исполнения его в натуре, а также от применения мер ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Порядок применения вышеуказанной нормы ГК РФ достаточно подробно рассмотрен в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Так, применение судебной неустойки (астрента) допускается только в случаях неисполнения обязательства в натуре, неисполнения обязательства о воздержании должника от совершения определенных действий и неисполнения судебного акта, который предусматривает устранение права собственности, не связанного с лишением владения, т. е. в случаях неисполнения неденежных требований.

Кроме этого, астрент не устанавливается по спорам административного характера, при разрешении трудовых, пенсионных и семейных неимущественных споров, а также споров о социальной поддержке.

Соответственно, можно выделить основные характерные черты астрента:

1) является особой разновидностью неустойки – судебной, т. е. носит характер дополнительного обязательства за неисполнение обязательства в натуре;

2) присуждается только по заявлению кредитора как одновременно с вынесением судом решения о принуждении к исполнению обязательства в натуре, так и в последующем при его исполнении в рамках исполнительного производства;

3) не освобождает от исполнения основного обязательства;

4) применяется только к неденежным требованиям в рамках гражданско-правовых отношений имущественного характера;

5) преследует цель побуждения должника к своевременному исполнению обязательства в натуре, а не судебного акта.

В гражданском законодательстве Республики Беларусь применение института астрента в настоящее время не нашло своего правового закрепления. При этом меры по обеспечению исполнения исполнительного

документа предусмотрены ст. 60 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве». В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 25.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за неисполнение должником в установленный судом, иным органом или судебным исполнителем срок исполнительного документа, не связанного с передачей денежных сумм, а также за неисполнение должником в установленный законодательными актами или судом либо судебным исполнителем срок судебного постановления или иного акта, обязывающего должника совершить определенные действия или воздержаться от их совершения.

Исследовав институт астрента в российском праве, полагаем необходимым включение его в гражданское законодательство Республики Беларусь. Астрент, по нашему мнению, с учетом существующих прецедентов будет способствовать стимулированию должника к исполнению судебного решения.

Таким образом, считаем необходимым дополнить Гражданский кодекс Республики Беларусь ст. 301-1 и изложить ее следующим образом:

«1. В случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законодательными актами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (пункт 1 статьи 311) на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

2. Защита кредитором своих прав в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи не освобождает должника от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства (Глава 25)».

Список использованной литературы

1. Кузнецов, Е. Н. Астрент (*astreinte*) как способ принуждения должника в исполнительном производстве Франции / Е. Н. Кузнецов // Рос. ежегодник гражд. и арбитраж. процесса. – 2003. – № 2. – С. 430–445.

К содержанию

В. И. ТЕЛЬПУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. И. Чугунова, старший преподаватель

МЕДИАЦИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В современной научной доктрине активно проводится идея «правосудия компромисса и социального мира», в рамках которой обосновывается необходимость переосмысления функций судопроизводства и выдвижения на первое место задачи примирения сторон, а не разрешения дела. Данная идея нашла широкую поддержку и реализацию прежде всего в сфере цивилистического процесса, где традиционно в рамках развития принципа диспозитивности уделяется внимание стимулированию сторон к самостоятельному разрешению их конфликта путем заключения мирового соглашения либо с использованием альтернативных путей урегулирования споров (в частности, третейского суда, медиации).

Особо значимым событием для нашей страны в части развития института медиации стало принятие Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «О медиации» (далее – Закон о медиации). Закон о медиации прямо закрепил основы правового регулирования процедуры медиации на территории нашего государства.

Институт медиации закреплен как в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь), так и в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь), тем не менее существуют некоторые различия в его правовой регламентации в этих процессах.

В настоящее время в гражданском судопроизводстве у сторон есть возможность прибегнуть только к внесудебной медиации, суд только разъясняет сторонам право на обращение к данной процедуре и определяет срок для ее проведения. Отсюда следует, что процедура медиации в гражданском процессе может быть инициирована исключительно сторонами и проходить вне судебного разбирательства.

Вместе с тем в хозяйственном процессе стороны управомочены использовать как внесудебную медиацию, так и «судебную медиацию». «Судебная медиация» (примирительная процедура) в хозяйственном процессе регламентирована гл. 17 ХПК Республики Беларусь.

Считаем, что введение внутрисудебной медиации в гражданский процесс будет содействовать развитию данного института, а также позволит существенно снизить нагрузку на судей и сократить расходы сторон.

Так, в соответствии со ст. 40-1 ХПК Республики Беларусь, по письменному соглашению сторон хозяйственный (экономический) спор,

возникающий из гражданских правоотношений и подведомственный экономическому суду, до начала рассмотрения дела по существу может быть передан для урегулирования сторонами с участием медиатора (медиаторов). В случае передачи спора для урегулирования сторонами с участием медиатора (медиаторов) экономический суд выносит определение об оставлении искового заявления (заявления, жалобы) без рассмотрения согласно правилам, установленным абз. 17 ч. 1 ст. 151 ХПК Республики Беларусь.

В гражданском процессе медиация может быть проведена на любой стадии судебного разбирательства (п. 3 ч. 1 ст. 262 ГПК Республики Беларусь). В этом случае суд обязан приостановить производство по делу (п. 4-1 ч. 1 ст. 160 ГПК Республики Беларусь). В случае заключения сторонами соглашения о применении медиации суд устанавливает срок проведения медиации (ч. 3 ст. 285 ГПК Республики Беларусь). Полагаем, что применение медиации на любой стадии судебного разбирательства в большей мере соответствует интересам участников процесса, позволяя сторонам эффективно разрешить спор на основе взаимной выгоды и компромисса, а также сохранить доброжелательные личные и деловые отношения в будущем.

Стоит также отметить, что концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь в качестве одной из актуальных государственных задач предусмотрена унификация норм ГПК Республики Беларусь и ХПК Республики Беларусь, регулирующих сходные процессуальные отношения, в том числе и процедуру медиацию.

В настоящее время Верховным Судом Республики Беларусь вынесен на обсуждение проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, где среди основных задач выделено создание качественного, понятного как для правоприменителя, так и для участников гражданского процесса единого процессуального регламента, в том числе объединение в один сводный документ схожих процессуальных правоотношений, складывающихся в гражданском и экономическом судопроизводствах.

Полагаем, что институт медиации не должен стать исключением. С учетом имеющегося правового закрепления «судебной медиации» в ХПК Республики Беларусь и положительной правоприменительной практики приведение норм института медиации к единообразию в новом Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь будет в первую очередь способствовать упрощению реализации прав участников гражданского судопроизводства в процедуре медиации.

Таким образом, с целью обеспечения единого подхода в правовом регулировании института медиации в условиях унификации процессуального законодательства, реализации принципа процессуальной экономии

и снижения нагрузки на судебную систему в целом считаем необходимым ввести внутрисудебную медиацию в Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь, что четко определит судьбу института медиации и определенно будет содействовать развитию данного института в дальнейшем.

К содержанию

П. А. ФИЛИПЦОВА

Минск, Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Л. В. Царева, канд. юрид. наук, доцент

О ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Следует согласиться с тем, что проблема соотношения диспозитивности и императивности правового регулирования отношений участников хозяйственных обществ является одной из наиболее сложных, фундаментальных и в то же время «сквозных» для всего корпоративного права [1, с. 50].

В Республике Беларусь наиболее востребованной организационно-правовой формой коммерческой организации является общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО). Среди многочисленных преимуществ, делающих его столь привлекательным для ведения бизнеса, часто упоминается такой аспект, как высокая степень диспозитивного правового регулирования, предоставляющая значительные свободы участникам общества в организации его внутренней жизни [2, с. 91].

Одним из маркеров диспозитивности является формулировка нормы права. Так, показательным примером диспозитивного регулирования деятельности ООО служит норма ст. 96 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о ХО), которая закрепляет, что часть прибыли ООО может быть распределена между его участниками пропорционально размерам их долей в уставном фонде общества, если иное не установлено его уставом. Иными словами, при регламентации порядка распределения прибыли ООО его устав может допускать отклонение от пропорции долей в уставном фонде.

Императивной нормой в ст. 103 Закона о ХО установлено право участника ООО на выход из этого общества в любое время независимо от согласия других его участников.

Вместе с тем в законодательстве имеются нормы, которые явно не обозначены законодателем как диспозитивные или императивные, что

вызывает вопросы в правоприменении. Статья 64 Закона о ХО дает участникам ООО право устанавливать правила предоставления и раскрытия информации об обществе в уставе. Это позволяет закреплять там следующие ограничения: предоставление доступа к определенной информации ООО только для участников, обладающих определенным процентом голосов; обязательное подписание соглашения о неразглашении при получении информации; взимание платы за предоставление информации и т. д. Эти условия могут нарушать законное право участника хозяйственного общества получать информацию о деятельности данного общества и знакомиться с его документацией (абз. 3 ч. 8 ст. 13 Закона о ХО) [3, с. 24].

Отметим, что устав не единственный документ, посредством которого участники могут оформлять регулирование отношений в рамках ООО по своему усмотрению. В 2015 г. в Закон о ХО была включена статья о договоре об осуществлении прав участников ООО, который является по своей сути разновидностью корпоративного соглашения [4, с. 160]. При заключении договора участники ООО могут взять на себя обязательства голосовать определенным образом на общем собрании участников, продавать долю (часть доли) по определенной данным договором цене и т. д. (ст. 111¹ Закона о ХО). С изменениями, внесенными в Закон о ХО в 2021 г., стало возможным заключать договор об осуществлении прав участников ООО между всеми его участниками.

Действующее законодательство не дает ответа о квалификации норм корпоративного права, которые не содержат четких маркеров диспозитивности. Правоприменительная практика тяготеет к восприятию таких норм в качестве императивных. В этом контексте мы выходим на вопрос о месте корпоративных отношений в системе частного права. Не вызывает сомнений, что это отношения особого рода, которые характеризуются большей степенью императивности, чем договорные. Проект Гражданского кодекса Республики Беларусь предлагает закрепить в ст. 1 Гражданского кодекса относимость отношений, связанных с участием в юридических лицах или с управлением ими (иначе говоря, корпоративных отношений), к предмету своего регулирования, что безусловно заслуживает положительной оценки. Тем не менее этот шаг не решит проблему соотношения диспозитивности и императивности норм в законодательстве о хозяйственных обществах.

Список использованной литературы

1. Гутников, О. В. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. В. Гутников, О. А. Беляева, С. А. Бурлаков ; отв. ред. О. В. Гутников ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М. : Статут, 2021. – 528 с.

2. Корпоративное право : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Е. Г. Афанасьева [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 648 с.

3. Мурашко, Е. В. Пределы допустимого при формулировании условий устава ООО / Е. В. Мурашко // Пром.-торговое право. – 2015. – № 12. – С. 21–24.

4. Салей, Е. А. Корпоративные соглашения: опыт Беларуси [Электронный ресурс] / Е. А. Салей, Л. В. Царева // Десяті юридичні диспути з актуальних проблем приватного права, присвячені пам'яті Є. В. Васильковського : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., Одеса, 28 травня 2021 р. / відповід. ред. В. І. Труба ; упор. А. Л. Святошнюк ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова ; Екон.-прав. фак. – Одеса : Фенікс, 2021. – С. 159–165.

К содержанию

Л. В. ЦАРЁВА

Минск, Белорусский государственный университет

ФИЛИАЛЫ ИНОСТРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ ПРОЕКТ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА

Вопрос о возможности открытия филиалов иностранными организациями в Беларуси неоднократно поднимался в ходе совершенствования гражданского законодательства о юридических лицах и обсуждался в специальной литературе, в том числе в контексте реализации норм Договора о Евразийском экономическом союзе о свободе учреждения [1, с. 124].

Статья 51-1 «Представительства иностранных организаций и филиалы иностранных юридических лиц» Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) в редакции проекта Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – проект ГК) существенным образом меняет содержание действующей редакции, в том числе дополняя ее нормами об осуществлении деятельности на территории Республики Беларусь посредством открытия филиала иностранного юридического лица.

Несмотря на наличие определенной логики в размещении норм о структурных подразделениях иностранных организаций после ст. 51 ГК, регламентирующей представительства и филиалы [национальных организаций], представляется, что нормы о правовом режиме присутствия иностранных организаций на территории Беларуси, пусть даже в форме структурных подразделений, являются инородными в главе, посвященной регулированию юридических лиц Республики Беларусь.

Обращает на себя внимание различие используемой в статье терминологии, характеризующей субъектов, открывающих структурные подразделения. Если право на открытие представительства предоставлено иностранной организации (что учитывает присутствие во многих иностранных юрисдикциях организационных форм, не обладающих статусом юридического лица, но выступающих в гражданском обороте), то право открытия филиала будет иметь только иностранный субъект, имеющий статус юридического лица.

В соответствии с проектом ГК под филиалом иностранного юридического лица понимается его обособленное подразделение, открытое и расположенное на территории Республики Беларусь, осуществляющее все или часть его функций, в том числе функции представительства. Нельзя исключать, что с учетом присутствия иностранного субъекта вопросы может вызвать толкование понятия «функции юридического лица». Определенно филиал не выполняет традиционно выделяемые в доктрине функции юридического лица по аккумуляции капитала, представлению коллективного интереса, распределению ответственности и т. д. В контексте определения структурного подразделения под функциями юридического лица вероятно подразумевается осуществление той деятельности, которую осуществляет само юридическое лицо, и только в той мере, в какой оно вправе это делать.

При этом не любая деятельность, реализуемая иностранным юридическим лицом за границей, может автоматически осуществляться его филиалом в Беларуси. Законодательными актами могут устанавливаться ограничения на осуществление иностранным юридическим лицом предпринимательской и иной деятельности посредством открытия филиала. Примером таких ограничений выступают нормы о видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства. Кроме того, осуществление отдельных видов деятельности в Беларуси может потребовать получения соответствующей лицензии.

Филиал иностранного юридического лица будет считаться открытым на территории Республики Беларусь с даты внесения записи об этом в реестр представительств иностранных организаций и филиалов иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено законодательством. По общему правилу, его наименование должно будет содержать указание на иностранное юридическое лицо, открывшее его. Думается, что правоприменительной практике потребуется разъяснение данного положения. Кроме того, для придания правовой определенности логично было бы закрепить требование о включении в наименование слова «филиал».

Регламентация открытия и осуществления деятельности на территории Республики Беларусь корреспондентских пунктов иностранных

средств массовой информации, являющихся филиалами иностранных юридических лиц, на которые возложены функции редакции средств массовой информации, должна будет осуществляться законодательством о средствах массовой информации. Кроме того, проект ГК содержит оговорку о возможности установления и иных специальных правил открытия филиалов иностранных юридических лиц, не конкретизируя такие случаи, а указывая лишь, что они подлежат регулированию на уровне законодательных актов.

Все иные вопросы порядка открытия филиалов иностранных юридических лиц, порядок ведения реестра представительств иностранных организаций и филиалов иностранных юридических лиц, а также основания и порядок прекращения их деятельности в соответствии с проектом ГК будут регулироваться Правительством Республики Беларусь. Стоит отметить, что регламентация на уровне подзаконных нормативных правовых актов не только процедурных и организационных вопросов, но и оснований прекращения деятельности филиалов может способствовать ощущению нестабильности и отсутствия правовой определенности со стороны иностранных субъектов.

Список использованной литературы

1. Салей, Е. А. Евразийское корпоративное право: to be or not to be / Е. А. Салей, Л. В. Царёва // Актуальные проблемы частного права. Академику М. К. Сулейменову *Liber amicorum* // Научные труды НИИ частного права Каспийс. ун-та. Вып. 1. – Алматы : Казахст. Междунар. арбитраж, 2021. – С. 110–132.

К содержанию

Е. О. ЦЫТРИКОВ

Минск, БИП – Университет права и социально-информационных технологий

Научный руководитель – Ю. С. Миловзорова, доцент кафедры

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Доступность и простота копирования изображений не означает, что их можно использовать любым удобным способом. Фотографии обладают определенным правовым статусом и подлежат охране, ведь такие изображения являются объектами, охраняющимися в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Фотография с правовой точки зрения квалифицируется как интеллектуальная собственность гражданина, которую можно использовать только при соблюдении определенных условий.

Хоть договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву уравнил фотографические произведения в правовом статусе, однако законодательство Республики Беларусь в этой сфере нуждается в доработке.

С какой бы стороны ни анализировалось авторское право, цель его – охрана интересов создателя произведений и интересов общества. Законодательство Республики Беларусь об авторском праве на современном этапе регулирует отношения возникновения, трансформации, прекращения и защиты авторского права. В отличие от прочего законодательства, авторское право обеспечивает охрану форме итогов творческой деятельности, а не их содержанию, причем в установленной области, а именно науки, литературы и искусства.

Одна из проблем авторского права в законодательстве – отсутствие конкретизации критериев охраноспособности произведений, на основании которых сотворенное автором произведение признается объектом авторского права и приобретает надлежащую правовую охрану.

В теории гражданского права в качестве критериев охраноспособности произведений приводятся такие, как новизна и творческая самостоятельность произведений, но необходимо также иметь в виду, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности не может доказывать то, что подобный результат создан не творческим трудом и, стало быть, не является объектом авторского права.

Также Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) не раскрывает понятия творческого труда (творческой деятельности). Оно также недостаточно изучено и в теории права. Как отмечают ученые, исследующие категорию «творчество» в гражданском праве, оно является субъективным критерием.

Универсальный признак творческой деятельности выражается в том, что являющиеся ее результатом произведения отличаются от своих предшественников, не являются копией или подражанием другому произведению. При этом можно согласиться с мнением о том, что имеет место своеобразная презумпция творческого характера как самой умственной деятельности, так и любого из ее результатов.

Таким образом, по умолчанию фотографическое произведение – объект авторского права, как бы та или иная фотография кому-либо ни нравилась по определенным причинам. В конце концов, авторское право на фотопроизведение должно возникать независимо от достоинств и назначения произведения.

Отсутствие конкретизации в этих аспектах является существенной проблемой при постановке вопроса о том, все ли фотографические произведения являются объектом авторского права и подлежат охране при нарушении права автора, также это является причиной нарушения права автора на неприкосновенность произведения. Ведь на практике возникает множество спорных ситуаций, при которых автору приходится доказывать, что созданное им произведение – итог его творческого труда и на него распространяется авторско-правовая охрана.

Таким образом, для решения данных задач следует придерживаться взгляда на понятие произведения как мысли (идеи, чувства и т. п.) в определенном самостоятельном (индивидуальном) изложении автором в той или иной объективной форме, выраженной вовне. Нет сомнений, что лишь тогда, когда фотограф, как и иной творец, создает объективную форму, которой индивидуально выражается его чувство (мысль) с фиксацией образа в пленке, фотография является объектом авторского права.

Исходя из этого, ученые предлагают внести на рассмотрение то, что далеко не все снимки должны признаваться произведениями по смыслу требований ГК: необходимо различать понятия «фотография» (снимок) и «фотографическое произведение».

В Кодексе Республики Беларусь о культуре (п. 1.14 ст. 1) законодатель дает представление о творческой деятельности. Так, «творчая дзейнасць – напрамак культурнай дзейнасці, які ўключае мастацкую творчасць і іншую інтэлектуальную дзейнасць, што завяршаецца з’яўленнем новага, які раней не існаваў, выніку інтэлектуальнай дзейнасці ў сферы культуры».

Таким образом, возникает вопрос: творческий вклад автора в создание объекта – это единственный критерий для признания фотографического произведения охраняемым? Тем более что по законодательству о культуре, если появляется новый объект, не существовавший ранее, он однозначно является результатом интеллектуальной деятельности. Практика демонстрирует нам наличие пробелов в законодательстве в отношении указания на то, что признавать творческим вкладом создателя, а также отсутствие критериев фотоснимков для признания их охраняемыми и др.

К содержанию

И. А. ЧИЖИК

Минск, Белорусский государственный университет
Научный руководитель – Л. В. Царёва, канд. юрид. наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОРПОРАТИВНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Правовое регулирование корпоративных соглашений в Беларуси основано на двух статьях Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 г. (далее – Закон о ХО): ст. 90-1 «Акционерное соглашение» и ст. 111-1 «Договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью».

В юридической науке существует два основных подхода к определению места корпоративного соглашения в системе институтов гражданского права – обязательственный и корпоративный. Сторонники первого подхода считают, что корпоративный договор, хоть и заключается в целях определения порядка осуществления корпоративных прав, в конечном итоге приводит к установлению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, что позволяет рассматривать его в качестве разновидности договора [3; 4]. Авторы приводят следующие аргументы в свою пользу: соглашение заключается между участниками общества, является обязательным только для его сторон и полностью соответствует правовой природе сделки.

Другие авторы придерживаются позиции о том, что корпоративный договор – это корпоративный акт договорной формы, который имеет организационную направленность и выступает в качестве инструмента управления в хозяйственном обществе. Стороны корпоративного договора наделяются правами и обязанностями не в отношении друг друга, а в отношении корпорации [1].

Разрешение данной дискуссии имеет принципиальное значение для определения пределов свободы договора, которая, как известно, в области корпоративного права имеет свои особенности.

Законодательство Республики Беларусь не позволяет дать четкий ответ на поставленный вопрос, поскольку не закрепляет такие понятия, как «корпоративное соглашение», «корпоративные отношения», «корпоративное право», позволяющие обособить корпоративные отношения от иных гражданско-правовых отношений. Как следствие, разграничение корпоративного договора и иного гражданско-правового договора представляется проблематичным.

Не помогает прийти к однозначному выводу и используемая терминология: между акционерами заключается «соглашение», а между

участниками ООО – «договор». В законодательстве термины «договор» и «соглашение» являются синонимичными. Исходя из этого, законодатель допускает ошибку логики, при которой в доказательство вводится доказываемое положение – «idem per idem» [2]. Например, в п. 1 ст. 390 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК): «Договором признается соглашение...», ч. 1 ст. 90-1 Закона о ХО: «Акционерным соглашением признается договор...» и т. д. При этом если понятие «договор» выступает ключевым в рамках договорного права, то понятие «соглашение» встречается также в нормах, выходящих за пределы положений о договоре: «По соглашению выходящего (исключаемого) участника...» (п. 4 ст. 103 Закона о ХО), «По соглашению между продавцом и покупателем...» (п. 4 ст. 439 ГК).

В связи с тем что термин «соглашение» более распространен за рамками договорного права и воспринимается более широко, чем понятие «договор», целесообразно использовать именно его в качестве родового понятия для акционерного соглашения и договора об осуществлении прав участников ООО. В таком случае термин «корпоративное соглашение» подчеркивал бы наличие специфики у данного рода гражданско-правового договора.

При построении сущностной конструкции корпоративного соглашения в Республике Беларусь воспринят обязательно-правовой подход, в основу которого положены идеи континентального права.

В отличие от Беларуси, в Российской Федерации институт корпоративного договора основан на смешанном подходе, объединяющем положения как континентального, так и англо-американского права. В связи с этим корпоративный договор является основанием возникновения корпоративных прав и обязанностей сторон договора, а также оказывает правовое влияние на саму корпорацию. Данное утверждение подтверждают нормы ч. 2 п. 1 ст. 66, п. 4 ст. 66.3, п. 6 ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые, в частности, устанавливают право участников непубличного хозяйственного общества, заключивших корпоративный договор, изменять объем и содержание корпоративной правоспособности его сторон.

По нашему мнению, корпоративный договор следует выделять в ряду гражданско-правовых договоров в связи с наличием специфической «корпоративной» составляющей, рассматривать как особую договорную конструкцию корпоративного права, что предопределяет применение к нему общих норм гражданского законодательства о договоре и норм специального (корпоративного) законодательства.

Список использованной литературы

1. Варюшин, М. С. Проблематика предмета и сторон корпоративных договоров в современной науке и практике: системный подход / М. С. Варюшин // Адвокат. – 2013. – № 11. – С. 29–35.
2. Долинская, В. В. Корпоративный договор / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 2. – С. 10–19.
3. Макарова, О. А. Договорное регулирование корпоративных отношений / О. А. Макарова // Ленингр. юрид. журнал. – 2010. – № 1 (19). – С. 102–113.
4. Суханов, Е. А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве / Е. А. Суханов // Вестн. гражд. права. – 2012. – № 2. – С. 4–35.

К содержанию

Т. И. ЧУГУНОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

СТАНДАРТЫ СНГ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ СТРАН-УЧАСТНИЦ

Стандарты прав человека закрепляют перечень прав и свобод, а также устанавливают их объем и минимальный уровень требований к реализации и защите. Определение понятия и сущности стандартов в области прав человека – один из актуальных вопросов в науке прав человека. Данной проблематике посвящены труды многих белорусских (А. И. Зыбайло, Л. В. Уляшина, Л. В. Павлова, В. Л. Фёдорова) и зарубежных (Р. Г. Вагизов, С. А. Голубок, С. М. Оганесян) авторов. При отсутствии единого понимания правовой природы стандартов, в юридической литературе все же сложился определенный консенсус: они адресованы государствам и определяют ту планку (уровень) прав и свобод человека, которые должны быть реализованы в рамках национальной политики и законодательства.

В течение долгого времени в юридической литературе преобладала точка зрения, согласно которой все правовое регулирование делится на два уровня – международный и национальный. В последние годы ряд ученых-юристов (А. И. Чучаева, К. Л. Томашевский и др.) обоснованно стали выделять также наднациональный (региональный) уровень правового регулирования, который связан с нормотворческой деятельностью надгосударственных органов интеграционных образований.

Международные стандарты прав человека являются составной частью международной системы защиты прав человека, соответственно

региональные стандарты – составными частями систем защиты прав человека соответствующих интеграционных образований.

Согласно Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 г., утвержденной решением Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2020 г., важнейшим направлением сотрудничества государств – участников СНГ является сфера защиты прав потребителей. Документ декларирует продолжение взаимодействия в выработке общих подходов к противодействию злоупотреблениям и недобросовестным практикам на рынке товаров и услуг (в том числе на цифровом пространстве), которые ущемляют права потребителей, и совершенствование нормативных правовых актов на основе лучших международных норм и правил.

Необходимым условием решения названной задачи служит унификация соответствующих правовых норм и гармонизация национальных законодательств в сфере защиты прав потребителей, которая обеспечивается в странах СНГ координацией законопроектной работы, принятием согласованных, соответствующих нормам международного права и документам СНГ актов внутригосударственного законодательства. Важную роль в этом процессе играет Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ (далее – МПА), разрабатывающая модельные законодательные акты для государств – участников СНГ. Модельные (типовые) законы и рекомендации выступают эффективным инструментом интеграции, обеспечивающим гармонизацию законодательств государств СНГ. Использование модельных законодательных актов в целом или отдельных их положений может осуществляться в формах разработки и принятия внутригосударственных нормативных правовых актов.

Первым источником положений о защите прав потребителей в СНГ стал рекомендательный законодательный акт «Об общих принципах регулирования защиты прав потребителей в государствах – участниках Межправительственной Ассамблеи», принятый МПА 13 мая 1995 г. (далее – Рекомендательный акт). В основу документа положены стандарты защиты прав потребителей, закрепленные в Руководящих принципах для защиты интересов потребителей, одобренных Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г. (далее – Руководящие принципы).

В развитие Рекомендательного акта 25 марта 2000 г. в г. Москве было принято Соглашение об основных направлениях сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в области защиты прав потребителей (с изменениями на 19 мая 2011 г.) (далее – Соглашение).

Рекомендательный акт и Соглашение приняты в целях содействия в гармонизации законодательства о защите прав потребителей государств –

участниц СНГ. Закрепленные в них стандарты легли в основу национальных законов о защите прав потребителей, предусматривающих национальные механизмы защиты прав потребителей.

Вместе с тем современное общество отличается стремительным развитием, особенно финансовых и туристических услуг, компьютерных информационных технологий. На сегодняшний день интернет – это начало эпохи, которая привела к развитию электронной коммерции, имеющей особенности по сравнению с продажей товаров в стационарных местах торговли. Значительное влияние на развитие экономических отношений оказало широкое распространение транснациональных корпораций. В связи с этим в 2013 г. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД, United Nations Conference on Trade and Development) пересмотрела и дополнила Руководящие принципы положениями об электронной торговле и финансовых услугах.

В этих обстоятельствах для того, чтобы положения модельных актов СНГ также имели развитие и продолжали сохранять актуальность, необходимо их совершенствование. Перспективным планом модельного законодательства в СНГ на 2020–2022 гг. предусмотрена разработка проекта Модельного закона «О защите прав потребителей» (новой редакции).

По нашему мнению, принятие данного модельного рекомендательного акта является актуальным. Именно в нем должны быть определены обновленные с учетом положений Руководящих принципов в редакции 2013 г. об электронной торговле и финансовых услугах региональные стандарты защиты прав потребителей.

К содержанию

СЕКЦИЯ 3. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

М. Н. АНДРЕЙЧУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Я. Сливко, старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛА ВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА ПО ПРАВОНАРУШЕНИЮ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 10.1 КОДЕКСА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) в п. 2 ч. 1 ст. 1.4 определяет, что административный процесс – определенный ПИКоАП порядок деятельности его участников по делу об административном правонарушении.

Начало (возбуждение) дела об административном правонарушении является началом административного процесса. Подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению – первая стадия административного процесса.

При непосредственном обнаружении признаков административного правонарушения судом, органом, ведущим административный процесс, компетентное должностное лицо в устной форме принимает решение о придании имеющимся сведениям названного характера.

Согласно ст. 9.5 ПИКоАП, при наличии поводов и оснований для начала административного процесса административный процесс считается начатым с момента составления протокола об административном правонарушении; составления протокола о процессуальном действии; вынесения постановления о мерах обеспечения административного процесса; вынесения постановления по делу об административном правонарушении в случаях, когда применяется ускоренный порядок ведения административного процесса; фактического административного задержания физического лица.

Особенностью начала административного процесса по правонарушению, предусмотренного ст. 10.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), является начало административного процесса только по требованию потерпевшего либо его законного представителя (ст. 9.4 ПИКоАП). Требование привлечь лицо, совершившее административное правонарушение, к административной

ответственности, должно быть выражено в форме заявления. ПИКoАП предусматривает возможность подачи письменного заявления, а также устного заявления о совершенном правонарушении. При этом составляется протокол устного заявления, в котором уполномоченное должностное лицо (как правило, сотрудник органов внутренних дел) фиксирует все обстоятельства совершения административного правонарушения.

Другой особенностью начала административного процесса по этой статье является возможность участия прокурора. Статья 9.4 ПИКoАП допускает, что, помимо потерпевшего или его законных представителей, процесс может быть начат прокурором либо по его письменному поручению органом, ведущим административный процесс, и подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего либо его законного представителя с лицом, в отношении которого ведется административный процесс.

Однако в случае совершения деяний, предусмотренных ст. 10.1 КоАП, административный процесс, начатый прокурором, не подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего либо его законного представителя с лицом, в отношении которого ведется административный процесс. Эта норма не случайно появилась в ПИКoАП. Часть 2 ст. 10.1 устанавливает специального субъекта правонарушения – близкие родственники, члены семьи и бывшие члены семьи. Как правило, эти лица совместно проживают, и конфликты могут возникать между ними по любым вопросам. Но эти же лица могут также и быстро помириться. Сама ситуация, когда семья находится в уязвимом положении, происходят постоянные бытовые конфликты и скандалы, имеет последствия не только для этой семьи, но и для окружающих. Побои, причинение боли, физических или психических страданий нарушают главный объект правонарушения – здоровье человека.

Основаниями для начала административного процесса являются достаточные данные, указывающие на признаки административного правонарушения, предусмотренного Особенной частью КоАП, если при этом отсутствуют обстоятельства, исключающие административный процесс (ч. 2 ст. 9.1 ПИКoАП).

Достаточным основанием является указание на объективные признаки, и в первую очередь на объективную сторону правонарушения. Если имеются сведения о лицах, виновных в совершении деяния, то этого также достаточно для начала административного процесса.

В ст. 9.6 ПИКoАП содержится исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих административный процесс.

Таким образом, согласно ст. 10.1 КоАП особенностью начала административного процесса является только требование потерпевшего либо его законного представителя. Начало ведения административного процесса связано с деятельностью компетентных органов. Возбуждение дела об

административном правонарушении представляет собой совокупность определенных процессуальных действий компетентных должностных лиц и органов, которые направлены на установление наличия признаков состава административного правонарушения.

Возбудить дело об административном правонарушении – это всегда действие, поскольку оно направлено на предоставление возможности компетентному должностному лицу соответствующего органа действовать, а именно придать значимый характер сведениям о совершенном правонарушении.

К содержанию

Е. Н. БУБЛИЙ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. В. Романюк, старший преподаватель

ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ ДОПРОСА КАК ОСНОВА ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Проблема эффективности предварительного расследования в целом – это прежде всего проблема эффективности следственных действий как процессуального способа собирания, проверки, оценки и использования доказательственной информации. Расследуемое уголовное дело может не включать проведения некоторых следственных действий, что зависит от характера расследуемого преступления. Единственное процессуальное действие, без которого не может быть проведено расследование, – это допрос. Изложенное свидетельствует об актуальности темы настоящего исследования.

Залогом успешного проведения допроса является четкая постановка цели, которую следователь должен достичь к моменту его завершения. Достижению поставленной цели предшествует изучение следующих важных вопросов: о каком преступлении идет речь, с какой информацией нужно ознакомиться более подробно, какие обстоятельства нужно обязательно выяснить с учетом требований ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК).

Допросу предшествует подробное изучение допрашиваемого лица: возраст, семейное положение, с кем лицо общается, какие у него интересы, какой у него психологический тип и т. д. Это поможет следователю выбрать тактику допроса, сформулировать тактические приемы и комбинации.

Решение важных вопросов на этапе подготовки к допросу и последующем его проведении во многом обусловлено качеством профессио-

нальной подготовки следователя. С. Д. Долгинов отмечает, что в практике существует актуальная проблема, которая появляется из-за отсутствия у следователей опыта в общении с допрашиваемыми по уголовному делу. Начинающие следователи испытывают большой стресс при подготовке к допросу и во время его проведения. В результате появляются иные проблемы, которые отражаются на решении поставленных задач [1]. На наш взгляд, такую проблему можно решить через социальное взаимодействие начинающих следователей и следователей, которые имеют значительный багаж знаний и практики в допросе подозреваемых, обвиняемых и других лиц. В решении такой проблемы можно использовать опыт англосаксонских стран, а именно проводить для следователей курсы или тренинги, направленные на изучение тактики производства допроса, и «ролевые игры», которые будут создавать ощущение реального допроса.

Важным и неотъемлемым этапом в подготовке к проведению допроса является изучение и определение круга участников. В юридической литературе выделяется минимальное количество участников: допрашивающий и лицо, которое подвергается допросу. Но число участников может меняться: например, в соответствии со ст. 436 УПК обязательно участие законного представителя несовершеннолетнего лица. Таким образом, круг лиц, участвующих в допросе, зависит от процессуального статуса допрашиваемого и требований действующего законодательства.

Важной составляющей эффективности проведения допроса является его тактическое обеспечение. В процессе подготовки к допросу следователю предстоит выбрать тактику его проведения. Тактическое обеспечение допроса предполагает не только определение приемов и последовательности их применения, но и обеспечение своевременности и оперативности их применения [1]. Важным элементом в подготовке допроса является изучение места проведения допроса. В соответствии со ст. 215 УПК с допрос проводится по месту производства предварительного расследования, но следователь также может провести допрос там, где находится или проживает допрашиваемый. Например, для более четкого воспроизводства того, что было в момент преступления, допрашиваемому нужно находиться на месте происшествия; если допрашиваемый является малолетним, будет психологически спокойнее провести допрос в комфортной для него обстановке, например дома, и т. д.

Завершающим этапом подготовки является составление плана допроса. Этот план является как бы «напоминающей заметкой» для следователя. План подготовки и проведения допроса включает следующие основные элементы: определение времени и места допроса; формулирование основных вопросов, подлежащих выяснению, определение последовательности их постановки; выбор тактических приемов получения

правдивых и полных показаний; выбор вещественных доказательств, документов, которые могут быть использованы на допросе; определение состава участников допроса. Подготовка к допросу может включать изучение следователем специальной литературы, консультации с соответствующими специалистами, знакомство с производственными процессами на предприятии, если на допросе пойдет речь о доказательствах, полученных с использованием специальных познаний (например, в области бухгалтерского учета, медицины, психологии, строительного дела).

Таким образом, допрос – это процессуально сложный процесс, состоящий в получении и закреплении информации об обстоятельствах преступления. Залогом успешного проведения допроса является четкая постановка цели, подробное изучение допрашиваемого лица, тактическое обеспечение и составление плана допроса. Также существенно важна профессиональная подготовка следователя, поэтому необходимо обеспечить качественную подготовку следователей, которая будет выражаться в виде курсов и тренингов.

Список использованной литературы

1. Долгинов, С. Д. Криминалистика: актуальные методы в следственной деятельности : учеб. пособие / С. Д. Долгинов С. В. Томилина, В. И. Шмыков ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь : ПГНИУ, 2014. – 180 с.

К содержанию

Е. Н. БУБЛИЙ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. В. Романюк, старший преподаватель

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Понятие «доказывание» тесно связано с понятием «уголовно-процессуальное познание», что приводит к возникновению различных подходов к определению данного понятия. Ряд авторов (А. С. Барабаш, С. А. Шейфер, К. В. Скоблик) считают данные понятия тождественными, а доказывание – единственной формой уголовно-процессуального познания. Немного иного взгляда придерживается А. А. Кухта, утверждая, что доказывание является лишь формой уголовно-процессуального познания, приравнивая доказывание к другим формам познания, таким как адвокатское познание и оперативно-розыскное познание. Другая группа авторов

придерживается противоположного мнения, считая, что приведенные выше категории не только не тождественны, но и являются разными формами деятельности субъектов в уголовном процессе. Данной позиции придерживается В. С. Джатиев, выделяя конкретные периоды производства по уголовному делу, в рамках которых осуществляется либо доказывание, либо познание [1].

На наш взгляд, наиболее обоснованной и значимой является точка зрения К. В. Скоблика, согласно которой доказывание тождественно познанию. Ведь по своей сущности доказывание является познанием в действии и проявляется в деятельности его субъектов по достижению целей, стоящих перед уголовным процессом.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) доказательствам и доказыванию посвящен целый раздел с одноименным названием. В соответствии со ст. 102 УПК доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела. Исходя из данного положения, УПК закрепляет и цель доказывания. Но, как точно отметил В. Н. Бибило, данная цель больше напоминает требования к приговору, которые закреплены в ст. 350 УПК. Так как не во всех случаях в результате судебного разбирательства выносится приговор, цель, установленная УПК, представляется расплывчатой и неточной. Более точную формулировку предложил вышеупомянутый автор: «Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, предусмотренных статьей 89 УПК».

Также УПК устанавливает перечень лиц, на которых лежит обязанность доказывания. Традиционно субъекты доказывания подразделяются на две группы: должностные лица и государственные органы, для которых доказывание является обязанностью, и участники процесса, для которых доказывание является лишь правом. К первой группе субъектов относятся следователь, прокурор, лицо, производящее дознание, начальник следственного подразделения, ко второй – защитник, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители [1]. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать защитника полнофункциональным субъектом доказывания? Ведь он, представляя сторону защиты, может лишь собирать доказательства, в двух других стадиях доказывания адвокат не участвует. Прокурор же, как главный представитель стороны обвинения, получил возможность участия во всех стадиях доказывания, что противоречит принципу равенства сторон, закрепленному в ст. 24 УПК.

Элементами доказывания, как указывалось выше, являются соби- рание, проверка и оценка доказательств.

Под собиранием доказательств принято понимать деятельность уполномоченных лиц по обнаружению и установлению источников дока- зательств, выделению из них доказательственной информации и ее фикса- ции в установленном УПК порядке. Собираание доказательств осуществляют- ся на всех стадиях уголовного процесса путем, например, совершения разнообразных следственных и судебных действий, требования производ- ства ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц. Здесь ярко выражается роль органа, ведущего уголовный процесс, ведь он имеет исключительные полномочия для собирания доказательств и фиксации их в установленном порядке. Иные участники уголовного процесса таких полномочий не имеют.

Проверка доказательств заключается во всесторонней, полной и объ- ективной проверке собранных доказательств. Проверка осуществляется путем анализа доказательств, сопоставления с другими доказательствами, установления источников доказательств и др. УПК указывает на субъектов данной стадии доказывания. Ими являются органы уголовного преследо- вания, а именно орган дознания, следователь, прокурор и суд [1, с. 243]. Из этого вытекает, что проверка осуществляется не только на стадии пред- варительного расследования, но и на стадии судебного разбирательства, что свидетельствует о ее сложности и многоэтапности.

Проверка на стадии предварительного расследования тесно связана с собиранием доказательств. На данную связь указывал Р. С. Белкин, рассматривая обнаружение доказательств как первоначальную стадию их собирания и утверждая, что обнаружение уже предполагает оценку выяв- ленных фактических данных как доказательств, а также их проверку. Именно при собирании доказательств отсеиваются сведения, не представ- ляющие интерес для следствия. Также при проведении допроса, очной ставки следователь уточняет, детализирует, сопоставляет получаемую ин- формацию с уже известной ему. Вдобавок следователь в случае несоответ- ствия может проверить информацию иными способами, перечисленными в ст. 104 УПК. Таким образом, прослеживается прямая связь собирания и проверки доказательств на стадии предварительного расследования.

Оценка доказательств заключается в мыслительной деятельности должностных лиц, участвующих в уголовном процессе, которая имеет своей целью определение относимости, допустимости, достоверности и достаточности всех собранных доказательств в их совокупности для окон- чания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве. Оценка доказательств производится по внут- реннему убеждению субъекта. Это означает прежде всего, что те, кто ее

производит, не связаны заранее установленными правилами о силе, значении тех или иных доказательств и о том, каким из них отдавать предпочтение в случае противоречий в доказательствах. Свобода оценки доказательств является одним из принципов уголовного процесса. Статья 105 УПК закрепляет требования, предъявляемые к доказательствам. Оценке подвергаются как вся совокупность доказательств, так и каждое по отдельности вне зависимости, подтверждает ли доказательство выводы следователя, суда или противоречит им. В приговоре выводы суда должны подкрепляться всесторонним анализом доказательств и должны получить оценку все доказательства, как подтверждающие виновность подсудимого, так и оправдывающие его.

Таким образом, доказывание, находя свое отражение в деятельности всех его субъектов, является тождественным уголовно-процессуальному познанию. Доказывание, будучи сложным, многоэтапным процессом, имеет свои структурные элементы: собирание, проверка и оценка доказательств, которые не только протекают один за другим, но и пересекаются между собой (выше приводился пример проверки, проводимой следователем, на этапе собирания доказательств). Доказывание имеет свою цель, недостаточно конкретизированную в УПК, что говорит о потребности в изменении. На наш взгляд, ч. 1 ст. 102 УПК следует изложить в следующем виде: «Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, предусмотренных ст. 89 УПК». Субъекты доказывания также имеют свои особенности, подразделяясь на две группы. Наиболее значимыми представляются субъекты, для которых доказывание является обязанностью, а не правом. Обязанность доказывания каждого субъекта предопределяется, с одной стороны, назначением уголовного судопроизводства, с другой стороны, особенностями функциональной роли субъектов обязанности доказывания. Все субъекты обязанности доказывания стремятся к достижению истины, используя различные пути и средства, и не просто зависят, а именно определяются функциями, выполняемыми ими.

Список использованной литературы

1. Борико, С. В. Уголовный процесс : учебник / С. В. Борико. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2020. – 407 с.

К содержанию

А. Ю. БЫЛИНСКАЯ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. А. Заранка, старший преподаватель

**НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТЯГЧАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

Так сложилось в правоприменительной практике, что при назначении наказания виновному лицу необходимо учитывать обстоятельства, отягчающие ответственность. Перечень обстоятельств, отягчающих ответственность, содержится в ст. 64 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь. Многие из них характеризуют само деяние и личность лица, совершившего преступление. Следовательно, наличие хотя бы одного из соответствующих обстоятельств является основанием для назначения более строго наказания в установленном законом порядке.

Опираясь на анализ судебной практики первых лет действия УК Республики Беларусь, можно прийти к выводу, что отягчающие обстоятельства в процессе выбора вида наказания носили формальный характер. Оценка данных обстоятельств со стороны их влияния на усиление меры санкции не дается, что нарушает принцип индивидуализации наказания, который предполагает не только фиксирование, но и учет его составляющих.

В настоящее время правовая основа отягчающих уголовную ответственность обстоятельств различна. Квалифицирующие признаки предусмотрены в определенных статьях УК Республики Беларусь и учтены законодателем в санкциях. Перечисленные в ст. 64 обстоятельства учитываются судами в пределах санкции при назначении наказания независимо от вида совершения преступления [2].

Большое значение в приговоре суда имеет обоснование выбора вида и размера наказания, которое не должно носить общий или формальный характер, а быть конкретным. Такой вид наказания, т. е. без конкретизации указанных в общей форме отягчающих уголовную ответственность обстоятельств, не дает полных ответов на вопросы, возникающие в судебной практике, какие из вышеуказанных обстоятельств и в какой степени учитываются судами в процессе назначения наказания [1].

Обязательным считается обоснование выводов в приговоре, отражающихся судом, которые касаются квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, его части, пункту. Когда подсудимого признают виновным в совершении преступления по признакам, которые относятся к оценочным категориям, то в таком случае суд не обязан ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а должен привести

в описательной части приговора суда обстоятельства, которые служат основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака.

При самом объяснении избрания необходимого размера и вида наказания при наличии отягчающих обстоятельств в приговоре должны приводиться законодательные формулировки, которые предусмотрены в соответствующих пунктах ч. 1 ст. 64 УК Республики Беларусь, причем в обязательном порядке с нужной их конкретизацией применительно к рассматриваемому делу. Это имеет определенную важность, так как ряд обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность, описывается в уголовном законе в общем виде (например, совершение преступления, повлекшего тяжкие последствия). Также суд вправе сослаться в приговоре в качестве мотива избрания им конкретной меры наказания только на те отягчающие обстоятельства, которые были рассмотрены и подтверждены в судебном заседании [3].

Чтобы ни у одной из сторон судебного разбирательства не возникало сомнений по поводу точности и правильности признания определенного обстоятельства отягчающим уголовную ответственность, которое предусмотрено ч. 1 ст. 64 УК Республики Беларусь, суд должен правильно описать данное отягчающее обстоятельство в формулировке, которая изложена в соответствующей статье, назвать также пункт, часть и по итогу сослаться на лист уголовного дела, содержащий определенные данные, которые подтверждают наличие обстоятельства, играющего большую роль при назначении наказания судом. Перечень отягчающих уголовную ответственность обстоятельств, указанных в ст. 64 УК Республики Беларусь, является исчерпывающим. Это служит целью предотвращения более широкого толкования круга этих обстоятельств, и в соответствии с этим законодатель посчитал целесообразным закрепить их в соответствующей статье УК Республики Беларусь, т. е. ни при каких других обстоятельствах суд не имеет права сослаться в приговоре на иные факты и признаки, которые не предусмотрены в ч. 1 ст. 64 УК Республики Беларусь.

Однако уголовное право в области обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность, имеет определенные недостатки в действующем белорусском законодательстве, так как законодатель не всегда определяет критерии влияния вышеуказанных обстоятельств на процесс назначения наказания. К примеру, ст. 61 Уголовного кодекса Италии предусматривает общие отягчающие обстоятельства, перечень которых является исчерпывающим. Наличие одного отягчающего уголовную ответственность обстоятельства влечет обязательное увеличение срока наказания на одну треть, но при этом срок лишения свободы не может превышать 30 лет.

Внесение в белорусское уголовное законодательство норм, которые содержат критерии и условия влияния отягчающих обстоятельств на

назначение наказания виновному лицу, уравнивает правила учета некоторых обстоятельств и способствует справедливости, правильности наказания. Следовательно, путем применения точного в соответствии с уголовно-правовой нормой наказания достигаются цели уголовной ответственности и осуществляются ее принципы.

Список использованной литературы

1. Капский, Д. В. Уголовное право : учеб. пособие / Д. В. Капский, Д. П. Ходоскин, О. А. Ходоскина ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель : БелГУТ, 2013. – 299 с.

2. Русак, А. Н. Уголовное право (Общая часть) : учеб.-метод. комплекс для специальности 1-24 01 02 «Правоведение» / А. Н. Русак. – Барановичи : Изд-во БрГУ, 2019. – 437 с.

3. Шидловский, А. В. Влияние обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, на меру наказания / А. В. Шидловский // Проблеми державотворення и захисту прав людини в Україні : матеріали X регіон. наук.-практ. конф., 5–6 лют. 2004 р. / Юрид. фак. Львів. нац. ун-ту ім. Івана Франка. – Львів, 2004. – С. 376–378.

К содержанию

И. А. ЗАРАНКА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ КАК ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Главным и неотъемлемым условием жизни всего общественного механизма является охрана и укрепление здоровья граждан. В настоящее время преступность, связанная с посягательством на здоровье населения Республики Беларусь, проникла во все социальные слои, категории и возрастные группы граждан. Общественная опасность преступлений против здоровья населения характеризуется тем, что негативно влияет на процесс формирования и развития личности, на регулирование общественных связей в семье и в коллективах, чем представляет реальную угрозу социально-экономическому развитию Республики Беларусь.

Наиболее опасными преступными посягательствами против здоровья населения являются преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов,

склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Как правило, первую пробу наркотического средства человек делает под влиянием окружающих. В основном в роли агитаторов выступают друзья либо знакомые, которые сами уже имели такой опыт, порой не скупясь на краски, весьма изобретательно описывая ощущения, которые ждут новичков, разжигают интерес к наркотикам, оказывая тем самым мощное психологическое давление.

Склонение к потреблению наркотических, психотропных веществ или их аналогов обуславливается опасностью развития у лица не только наркотической зависимости, но и иных тяжелых последствий (самоубийство или покушения на него, приобретение тяжелых заболеваний, связанных с потреблением наркотиков, заражение ВИЧ-инфекцией и т. п.).

Непосредственным объектом в данном преступном деянии выступают общественные отношения в области охраны здоровья населения, по ч. 2 ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь дополнительным объектом будет здоровье человека, а также нормальное физическое развитие и нравственное воспитание малолетних и несовершеннолетних. Предметом преступления выступают наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги. Объективная сторона преступления выражена в склонении к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Отличительная особенность склонения состоит в активных действиях виновного, подразумевающих психическое или физическое воздействие на склоняемое лицо. При склонении умысел виновного направлен на возбуждение у склоняемого лица желания употребить наркотики путем обмана, уговора, дачи советов, что может иметь место не только сразу после совершения объективной стороны действий анализируемого преступления, но и спустя какое-то время после факта склонения. Факт потребления склоняемым лицом соответствующего наркотика не влияет на квалификацию [1, с. 21].

Объективная сторона по ч. 2 ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь характеризуется действиями, которые возбуждают у другого лица желание к незаконному потреблению предмета преступления, совершенными: в отношении двух и более лиц, в данном случае подлежит обязательному установлению факт наличия у виновного лица единого умысла на склонение как минимум двух лиц, сами же действия по склонению могут быть совершены в отношении двух и более лиц одновременно либо в разное время; в отношении несовершеннолетнего, при склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов несовершеннолетнего необходимо выяснить факт осознания виновным несовершеннолетнего возраста склоняемого лица; с применением насилия, выражаться такие действия могут в виде нанесения потерпевшему побоев,

причинения телесных повреждений, а равно введения в организм потерпевшего вопреки его воле одурманивающих или иных веществ, в виде угрозы применения физического насилия; лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное ст. 327–329 Уголовного кодекса Республики Беларусь; склонение к потреблению особо опасных наркотических средств или психотропных веществ. Таким образом, при оценке деяний, предусмотренных ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь, следует внимательно исследовать конкретные обстоятельства дела. Информация об ощущениях, возникающих от потребления наркотиков, о мнимых полезных последствиях их потребления для здоровья признается склонением только в случае установления умышленного намерения лица таким образом вовлечь в потребление наркотика, в то же время приобретение, изготовление, потребление в присутствии других лиц, когда совершение этих действий непосредственно не направлено на возбуждение у них желания потребить такие вещества, как склонение к употреблению наркотиков квалифицироваться не может. Также не будет признаваться склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов распространение сведений о наркотиках, местах их приобретения, способах их употребления, вызываемом эффекте, адресованное неопределенному кругу лиц. Преступное деяние признается оконченным с момента совершения вышеуказанных в объективной стороне действий независимо от того, были потреблены наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется умышленной виной и наличием прямого умысла. Возраст субъекта описываемого преступного деяния по ч. 1 ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь – 16 лет, а по ч. 2 ст. 331 – 18 лет. Действие лица в возрасте от 16 до 18 лет по склонению к потреблению наркотиков в отношении другого несовершеннолетнего лица квалифицируется по ч. 1 ст. 331 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что данные преступления представляют собой высокую степень общественной опасности, создают угрозу безопасности общества и здоровью его населения.

Список использованной литературы

1. Марчук, В. Уголовно-правовая оценка склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / В. Марчук, А. Андреюшков // Законность и правопорядок. – 2017. – № 3. – С. 19–23.

К содержанию

А. А. КВЯТОВИЧ

Минск, БИП – Университет права и социально-информационных технологий

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Принципы права – это основополагающие идеи и положения, зафиксированные в нормах права. В принципах права отражены сущность и социальное назначение права. Принципы права являются обязательными и важнейшими элементами такого правового института, как административная ответственность.

Принцип справедливости административной ответственности – это один из первостепенных принципов, так как он является ключевым аспектом в рамках современной системы принципов административной ответственности. Принцип справедливости административной ответственности внутренне и системно связывает и объединяет все другие принципы данного вида ответственности.

В научном мире нет единства относительно содержания принципа справедливости ответственности и его соотношения с другими основополагающими идеями юридической ответственности. Разумеется, это связано прежде всего с невозможностью раз и навсегда описать, перечислить исчерпывающим образом признаки такой сложной идеи, как справедливость [1, с. 184].

Разработкой проблемы реализации справедливости в праве занимались многие ученые-правоведы: Г. В. Мальцев, М. В. Немытина, В. С. Нерсисянц, Ю. В. Романец и др. Однако следует отметить, что вопросы о содержании принципа справедливости и о способах его реализации в системе права все еще недостаточно исследованы. Названные авторы исследовали категорию справедливости с различных позиций как нравственное, социальное и юридическое явление. Соответственно, можно утверждать, что справедливость имеет комплексный, универсальный характер, так как сочетает в себе социальные, духовно-нравственные и юридические свойства.

Следует отметить, что ученые едины во мнении, что в данной категории доминируют нравственные аспекты справедливости. Однако, получив закрепление в законодательстве, принцип справедливости обретает нравственно-правовой характер.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) включает в себя гл. 1 под названием «Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Его задачи и принципы». Принцип справедливости закреплен в ст. 1.4. действующего КоАП.

КоАП определяет условия, при соблюдении которых административное взыскание, назначаемое за совершение административного правонарушения, будет считаться справедливым. В частности, административные взыскания, профилактические меры воздействия должны устанавливаться и применяться с учетом характера и вредных последствий совершенного административного правонарушения, а также обстоятельств его совершения. Никто не может быть дважды привлечен к административной ответственности за одно и то же административное правонарушение. Административное взыскание может налагаться при отсутствии достаточных оснований применения профилактических мер воздействия и должно быть соразмерным тяжести совершенного административного правонарушения и соответствовать цели его наложения.

Справедливость и право находятся в диалектической взаимосвязи: закрепленная в праве справедливость получает свойство нормативности, а право тем самым становится справедливым и нравственно обоснованным. Правовое регулирование общественных отношений посредством справедливого законодательства позволяет добиться социальной справедливости, а закрепление нравственного принципа справедливости в праве модифицирует его в нравственно-правовой императив [3, с. 101].

Мы разделяем точку зрения о том, что принцип справедливости административной ответственности также имеет два аспекта – уравнивающий и распределяющий. Уравнивающий аспект находит (должен находить) выражение в равных (единых) основаниях и пределах ответственности за правонарушения, а распределяющий – в индивидуализации правовых рамок конкретных форм административной ответственности в зависимости от характера административного правонарушения, личности субъекта правонарушения и других обстоятельств дела [2, с. 193].

Таким образом, согласно принципу справедливости уполномоченный государственный орган, должностное лицо должны применять административное взыскание к правонарушителю за административное правонарушение на основе учета степени общественной опасности, вредных последствий совершенного правонарушения и обстоятельств его совершения.

В связи с вышеизложенным полагаем, что принцип справедливости имеет ключевое значение для эффективного правового регулирования и является важнейшим принципом, в соответствии с которым строится вся система административной ответственности.

Список использованной литературы

1. Русских, В. В. Справедливость как принцип юридической ответственности / В. В. Русских // Философия права. – 2019. – № 2 (89). – С. 183–187.

2. Хорев, А. А. Принципы применения мер ответственности за административные правонарушения / А. А. Хорев // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2009. – № 6. – С. 191–193.

3. Чечельницкий, И. В. Принцип справедливости в российском праве / И. В. Чечельницкий // Соц.-экон. явления и процессы. – 2014. – Т. 9, № 7. – С. 100–104.

К содержанию

В. Г. МИТЬКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. В. Романюк, старший преподаватель

УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В СЛУЧАЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦАМИ В ВОЗРАСТЕ ДО 18 ЛЕТ

Участие педагога (психолога) в уголовном процессе с участием несовершеннолетних позволяет обеспечить всесторонность, полноту и объективность рассмотрения уголовного дела. Участие указанных субъектов в уголовном процессе призвано способствовать преодолению психологических барьеров и адаптации несовершеннолетнего к сложившейся ситуации, оказать помощь в установлении психологического контакта с несовершеннолетним, а также оказать благоприятное воздействие на его эмоциональное состояние.

Правовой статус педагога (психолога), участвующего в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе, приравнен к правому статусу специалиста (ст. 62 УПК). Вместе с тем следует учитывать, что педагог (психолог) в уголовном процессе является самостоятельной процессуальной фигурой, выполняющей функции, связанные с обеспечением суда необходимыми педагогическими или психологическими знаниями, в большей степени связанными не с исследованием личности конкретного несовершеннолетнего, а с налаживанием взаимодействия и взаимопонимания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и лица, осуществляющего допрос. Закон наделяет педагога (психолога) правом задавать вопросы допрашиваемому с разрешения лица, ведущего допрос, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать по нему замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Это свидетельствует о большей профессиональной свободе действий данного участника уголовного процесса по сравнению со специалистом [1].

Вызываемый для участия в допросе педагог (психолог) должен иметь удостоверение для участия в производстве процессуальных действий (абз. 4 п. 5 Положения о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.10.2001 № 1533 (далее – постановление № 1533)).

Перед началом допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого следователь, прокурор разъясняют педагогу (психологу) права и обязанности, определенные в ст. 62 и 435 УПК, о чем делается отметка в протоколе допроса и удостоверяется подписями педагога (психолога) и лица, производящего допрос. В судебном заседании педагогу (психологу) в соответствии со ст. 320 УПК также разъясняются его права и обязанности.

Закон устанавливает требование об обязательности участия педагога (психолога) при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, т. е. лиц, не достигших 18 лет. Соответственно, в случае если лицо, совершившее преступление, в день допроса на предварительном следствии или в судебном заседании достигло совершеннолетия, то участие педагога (психолога) в его допросе не требуется. Вместе с тем при достижении обвиняемым 18-летнего возраста во время судебного следствия прекращение участия педагога или психолога не допускается.

Порядок привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе определен в постановлении № 1533.

Участие педагога (психолога) в допросе несовершеннолетнего в судебном разбирательстве также обязательно. Бывают случаи несоблюдения данной нормы, однако судебная практика всегда шла по пути пресечения подобных случаев. Приведем пример. Приговором суда Мозырского района несовершеннолетний Б. осужден по ч. 3 ст. 205 УК с применением ст. 78 УК к двум годам лишения свободы без конфискации имущества с условным неприменением наказания в течение года. Прокурор Гомельской области в надзорном протесте поставил вопрос об отмене приговора, поскольку судебное разбирательство проведено без участия педагога или психолога. Президиум Гомельского областного суда протест удовлетворил, указав, что согласно ч. 1 ст. 435 УПК при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого участие педагога или психолога обязательно. В соответствии с ч. 1 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.06.2002 № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», показания несовершеннолетнего обвиняемого, данные в отсутствие педагога или психолога, не имеют юридической силы, в соответствии с ч. 5 ст. 105 УПК признаются недопустимыми и не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания обстоятельств, указанных в ст. 89 УПК.

Однако это требование закона судом не выполнено. В связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона президиум Гомельского областного суда приговор отменил и дело направил на новое судебное рассмотрение [2].

Подводя итог изложенному выше, отметим, что участие педагога и психолога в уголовном процессе с участием несовершеннолетних является важной дополнительной гарантией прав и интересов последних, которая обусловлена необходимостью учета психологических особенностей несовершеннолетних при проведении следственных действий.

Список использованной литературы

1. Петрова, О. В. Некоторые аспекты производства по делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет [Электронный ресурс] / О. В. Петрова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

2. Решение президиума Гомельского областного суда от 28 июня 2012 года [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

К содержанию

И. В. МИЦКОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Я. Сливко, старший преподаватель

ПРИМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО АРЕСТА КАК МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Институт административной ответственности представляет собой совокупность действительных методов регулирования правового поведения субъектов административных правоотношений. Административное наказание в качестве установленной государственной меры ответственности за совершенное административное правонарушение направлено на реализацию определенных целей: воспитание физического лица, совершившего правонарушение; предупреждение совершения новых правонарушений; восстановление социальной справедливости; возмещение причиненного правонарушением вреда. Среди различных видов административных наказаний наиболее суровым для физических лиц является административный арест [1, с. 40].

В соответствии с ч. 1 ст. 6.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), административный арест

представляет собой содержание физического лица в условиях изоляции в местах, определенных в соответствии с законодательными актами, и устанавливается на срок до 15 суток, а за совершение правонарушений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 24.23 (Нарушение порядка организации и проведения массовых мероприятий), – на срок от 15 до 30 суток.

КоАП в ч. 2 ст. 6.6 закрепляет круг субъектов права, к которым не может быть применен данный вид административного взыскания. К ним относятся:

- лица в возрасте от 14 до 18 лет;
- беременные женщины;
- инвалиды I и II группы;
- женщины и одинокие мужчины, имеющие на иждивении несовершеннолетних детей;
- лица, имеющие на иждивении инвалидов I группы или осуществляющие уход за престарелыми лицами, достигшими возраста в 80 лет;
- лица, указанные в ст. 4.5 КоАП, а также в ч. 7 ст. 8.2 ПИККоАП.

В том случае, если лицо во время отбывания меры административного взыскания в виде ареста приобрело одно из вышеперечисленных обстоятельств, оно по представлению руководителя администрации места отбывания взыскания освобождается от дальнейшей его реализации.

Административный арест, согласно ч. 3 ст. 6.2 КоАП, налагается только судом, за исключением совершения правонарушения, предусмотренного ст. 10.20 (Уклонение родителей от трудоустройства по судебному постановлению либо работы). В таком случае соответствующую меру административного взыскания налагают органы внутренних дел.

В вышеуказанной норме прослеживается императив суда, т. е. коллегиального органа, в назначении данного вида взысканий. Однако в ст. 3.2 ПИККоАП можно заметить, что дела об административных правонарушениях могут рассматривать единолично судьей районного (городского) суда. Таким образом, получается, что налагать взыскание в виде административного ареста может не только суд как коллегиальный орган, но и единолично судья.

Однако в данной норме законодателем предусмотрен единичный случай, когда административный арест может налагаться не судом, а органами внутренних дел. На органы внутренних дел возлагаются полномочия применять административный арест в случае неисполнения родителями судебного постановления по их трудоустройству или работе. Другими словами, органу государственного управления (а таковым является орган внутренних дел) вменяется в обязанность реализовывать судебные постановления, что предусмотрено ст. 20.1 ПИККоАП.

В приведенной ситуации органы внутренних дел реализуют свои полномочия по наложению меры административного взыскания в виде ареста за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 10.20 КоАП, и они же занимаются приведением в исполнение постановления об административном аресте. Получается, что один и тот же орган – орган внутренних дел – в случае совершения административного правонарушения, закрепленного в вышеуказанной статье, уполномочен как назначать, так и приводить в исполнение постановление об административном аресте [2, с. 30].

Таким образом, административный арест является достаточно жесткой мерой административного взыскания. Его реализации регламентируется сразу двумя законодательными актами: КоАП и ПИКоАП. В КоАП представлен четко очерченный круг лиц, к которым не может быть применена данная мера административного взыскания, а также временной период, на который это взыскание налагается. Также законодателем устанавливаются органы, в полномочия которых входит компетенция применения административного ареста. В большей степени данная компетенция принадлежит судам, а в исключительном единичном случае органам внутренних дел.

Список использованной литературы

1. Кармацких, В. В. Административный арест как вид наказания по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: сравнительно-правовой анализ / В. В. Кармацких // Вестн. Тюмен. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2017. – № 2 (9). – С. 40–43.

2. Хорьков, В. Н. Актуальные вопросы законодательного регулирования административного ареста в Республике Беларусь / В. Н. Хорьков // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы. – 2013. – № 4 (157). – С. 29–35.

К содержанию

И. В. МИЦКОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. А. Заранка, старший преподаватель

УБИЙСТВО КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Охрана права на жизнь представляет одну из самых важных задач не только государства, но и уголовного законодательства. Непосредственно нормы об ответственности за убийство открывают раздел преступлений против человечества Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, чем подчеркивается приоритетность данной задачи. Жизнь

человека представляет собой бесценный дар, который относится к непреходящим общечеловеческим ценностям. Утрата жизни необратима и невозможна. Убийство является одним из самых серьезных преступлений, за которое предусмотрено самое строгое наказание, и относится к группе преступлений против жизни и здоровья человека.

Уголовный закон в равной мере охраняет жизнь и здоровье любого человека, без привязки к каким бы то ни было его социальным характеристикам: полу, возрасту, расе, национальности, социальному положению, состоянию здоровья и т. п. [2, с. 65].

Убийство является наиболее выраженным, тяжким и, к сожалению, одним из самых распространенных преступлений против жизни человека. Данные преступления представляют собой общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 139–204 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ), которые причиняют или могут причинить существенный вред жизни, здоровью, половой неприкосновенности или половой свободе человека, укладу семейных отношений и интересам несовершеннолетних, личной свободе, чести и достоинству, а также конституционным правам и свободам человек и гражданина [1, с. 56].

Будучи социальным по своей сущности, человек, тем не менее, является материальным объектом, который обладает телесной оболочкой. Именно эта его биологическая составляющая и охраняется законом.

В соответствии с ч. 1 ст. 139 УК РБ, убийство – это умышленное противоправное лишение жизни другого человека. Такое же трактование убийства дается в постановлении Пленума Верховного суда, в соответствии с ч. 1 которого умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство) является особо тяжким преступлением, за совершение которого возможно назначение наиболее строгого наказания из предусмотренных ст. 48 УК РБ.

Причинение смерти другому человеку является наивысшей степенью проявления преступности, которая не поддается пониманию. Бесспорно, в жизни может произойти всякое, и смерть может наступить вследствие неосторожных действий человека. Тем не менее только умышленное (сознательное) лишение жизни другого человека считается убийством. Хотя, казалось бы, при подтверждении умысла проблем в реализации уголовных норм возникать не может – на первый взгляд все очевидно и понятно. Однако практически все уголовные дела, которые касаются причинения смерти, являются наиболее сложными в процессе разграничения их с другими деяниями, определения сопровождающих признаков и т. д.

На практике при ведении уголовного расследования понятие убийства намного труднее выделить, чем в повседневной жизни. На первый взгляд, нет никаких проблем в осознании того, что непосредственно эти

действия определенного лица являются убийством. Однако привычная нам точка зрения не раскрывает и не может раскрыть юридические характеристики данного преступления.

В уголовно-правовом смысле понятие «убийство» тесно связано с такими понятиями, как жизнь и смерть человека. Для того чтобы уголовное законодательство могло действительно защитить человеческую жизнь, необходимо определить временные границы жизни.

Начало уголовно-правовой охраны жизни человека совпадает с моментом появления родовых схваток при беременности сроком свыше 22 недель, когда плод уже способен к внеутробной жизни. Убийством считается умерщвление ребенка в процессе родов. Однако умерщвление плода в утробе матери в независимости от срока беременности до начала родовых схваток может рассматриваться как незаконное производство аборта (ст. 156 УК РБ).

Прекращение уголовно-правовой охраны жизни совпадает с моментом смерти человека. Под смертью принято понимать состояние гибели человеческого организма как целого с полным необратимым прекращением функций головного мозга. Для констатации смерти необходимо сочетание таких фактов, как прекращение функций головного мозга и доказательство необратимости этого прекращения [2, с. 67].

Таким образом, убийство представляет собой умышленное лишение жизни другого человека. Тем самым лицо, совершая данное преступление, лишает человека не только жизни, но и реализации его конституционного права на саму жизнь. Убийство относится к особо тяжким преступлениям, за совершение которых законодательством предусматривается наложение наиболее жестких санкций вплоть до самой высшей меры наказания – смертной казни.

Список использованной литературы

1. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / А. И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Тесей, 2001. – 808 с.

2. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабия и И. О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.

К содержанию

К. Д. МОЩУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. А. Заранка, старший преподаватель

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Изнасилование относится к числу наиболее опасных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Его опасность определяется тем, что оно влечет за собой серьезные тяжкие последствия, которые зачастую сказываются на психике и здоровье потерпевшей, отрицательно влияют на потомство, нередко также приводят к расторжению браков, способствуют распространению разврата и снижают культурный уровень социума [2].

Правильная квалификация изнасилований представляет обширные трудности для судебной и следственной практики. Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе действующего законодательства Республики Беларусь и практики его применения выделить имеющиеся проблемы правовой квалификации изнасилований и найти пути их разрешения [2].

Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь в ч. 1 ст. 166 регламентирует правовое понятие изнасилования. Изнасилованием является половое сношение вопреки потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Изнасилование принято классифицировать на: 1) простое изнасилование, т. е. без отягчающих обстоятельств, – ч. 1 ст. 166; 2) квалифицированное изнасилование, т. е. совершенное при отягчающих обстоятельствах, – ч. 2 и 3 ст. 166.

Квалифицированный состав изнасилования предполагает совершение преступления: 1) повторно; 2) группой лиц, 3) лицом, совершившим действия, предусмотренные ст. 167 УК Республики Беларусь; 3) изнасилование заведомо несовершеннолетней. Особо квалифицированный состав имеет место в случае: 1) заведомо малолетней; 2) изнасилования, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей, либо причинение тяжких телесных повреждений, а равно заражение ВИЧ-инфекцией, либо иные тяжкие последствия [1].

В случае совершения изнасилования по признаку повторности следует руководствоваться п. 14¹ ст. 1 УК Республики Беларусь. Тем не менее следует учитывать тот факт, что содеянное будет подлежать квалификации по ч. 2 ст. 166 УК независимо от того, был ли осужден обвиняемый за ранее совершенное такое преступление, какую роль выполнял он при изна-

силования и было ли предыдущее преступление оконченным. Изнасилование не будет признано преступлением, совершенным по повторности, если лицо имеет снятую судимость или освобождено от уголовной ответственности за такие преступления, или если на момент совершения нового преступления истек срок давности привлечения обвиняемого к уголовной ответственности за ранее совершенное изнасилование [2].

Квалификация преступления, предусмотренного ст. 166 УК, по признаку его совершения группой лиц может иметь место в случаях, когда: 1) лица, принимавшие участие в изнасиловании, действовали в отношении потерпевшей согласованно как соисполнители указанного преступления; 2) несколько обвиняемых осуществляют такие действия в отношении одной потерпевшей; 3) обвиняемые, действуя согласованно и применяя насилие или его угрозу в отношении нескольких лиц женского пола, совершают насильственный половой акт каждый с одной из потерпевших [2].

Лица, оказавшие обвиняемому в изнасиловании содействие, не связанное с насилием над потерпевшей, несут ответственность за соучастие в совершении преступления. Действия таких лиц в зависимости от выполняемой роли квалифицируются по соответствующим частям ст. 16 и 166 УК. Действия лица женского пола, оказавшего содействие в изнасиловании, выразившееся в применении или угрозе применения насилия, следует квалифицировать по п. 6 ст. 16 УК и соответствующей части ст. 166 УК [2].

При изнасиловании, совершенном в отношении заведомо несовершеннолетней или заведомо малолетней, уголовная ответственность наступает в том случае, если обвиняемый заранее знал о таком возрасте потерпевшей. При этом необходимо учитывать следующие признаки: внешний вид, поведение потерпевшей, наличие у обвиняемого необходимой информации о возрасте, а также другие обстоятельства, имеющие значение для правильной квалификации преступления. Установление более строгой ответственности за изнасилование несовершеннолетней или малолетней изъясняется тем, что девочка в силу физической слабости не может охранять себя в такой же степени, как взрослая девушка или женщина. Кроме того, изнасилование несовершеннолетней или малолетней опасно для ее физического и психического здоровья [1].

Чтобы в дальнейшем не возникало проблем при квалификации не только данных видов преступлений, но и других, следует тщательно и углубленно разбирать сам состав преступления, опровергнуть или доказать, что в данном деянии присутствуют квалифицирующие признаки, выяснить, виновно ли данное лицо в совершении текущего преступления. Ведь правильная квалификация преступления – залог успешного решения и получения правильного результата.

Список использованной литературы

1. Изнасилование [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/49298>. – Дата доступа: 08.04.2022.

2. Проблемные вопросы правовой квалификации изнасилования [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30765489>. – Дата доступа: 08.04.2022.

К содержанию

А. Н. НОВИК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. И. Дудчик, преподаватель

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Одной из причин, оказывающей негативное влияние на состояние подростковой преступности, является вовлечение взрослыми лицами несовершеннолетних в антиобщественное поведение, поэтому ст. 19.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение путем покупки для него алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, а также иное вовлечение лицом, достигшим возраста 18 лет, заведомо несовершеннолетнего в употребление алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива либо в немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, а равно вовлечение несовершеннолетнего в участие в собрании, митинге, уличном шествии, демонстрации, пикетировании, ином массовом мероприятии, проводимых с нарушением установленного порядка.

Антиобщественное поведение понимается как действия физического лица, которое нарушает общепринятые нормы поведения и морали, а также права и законные интересы других лиц, следовательно, общественная вредность данных деяний заключается в формировании у несовершеннолетнего антисоциального поведения, которое негативно влияет как на его физическое, так и психологическое здоровье и развитие.

Основным объектом посягательства будут являться нормальное нравственное формирование и развитие несовершеннолетних, а также может быть и дополнительный объект – здоровье.

Объективную сторону данного правонарушения представляет вовлечение заведомо несовершеннолетнего в следующие действия:

- 1) покупку для него алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива;
- 2) употребление алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива;
- 3) немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ;
- 4) участие в собрании, митинге, уличном шествии, демонстрации, пикетировании, ином массовом мероприятии, проводимых с нарушением установленного порядка.

Алкогольными (слабоалкогольными) напитками признаются любые спиртосодержащие продукты, которые изготовлены промышленным или домашним способом, полученные путем естественного брожения, а также перегонки или иным возможным способом. Также к спиртным напиткам относятся спиртосодержащие жидкости, например: одеколон, лекарственные настойки и др. [1].

К сильнодействующим и одурманивающим веществам относятся лекарственные и другие средства, которые не являются наркотическими средствами и психотропными веществами или спиртными напитками, например смеси клофелина, димедрола и др. [1].

Понятия «собрание», «митинг», «уличное шествие», «демонстрация», «пикетирование» и «иные массовые мероприятия» закрепляются в ст. 2 Закона Республики Беларусь «О массовых мероприятиях».

Собрание – совместное присутствие граждан в заранее определенном месте под открытым небом либо в помещении в установленное время, собравшихся для коллективного обсуждения и решения вопросов, затрагивающих их интересы.

Митинг – массовое присутствие граждан в определенном месте под открытым небом, собравшихся для публичного обсуждения и выражения своего отношения к событиям общественно-политической жизни, а также для решения вопросов, затрагивающих их интересы.

Уличное шествие – организованное массовое движение группы граждан по пешеходной или проезжей части улицы (дороги), бульвара, проспекта, площади в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам или публичного выражения своих общественно-политических настроений либо протеста.

Демонстрация – организованное массовое движение группы граждан по пешеходной или проезжей части улицы (дороги), бульвара, проспекта, площади в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам или публичного выражения своих общественно-политических настроений либо протеста с использованием плакатов, транспарантов и иных средств.

Пикетирование – публичное выражение гражданином или группой граждан общественно-политических, групповых, личных и иных интересов либо протеста (без шествия), в том числе путем голодовки, по каким-либо проблемам с использованием или без использования плакатов, транспарантов и иных средств.

Субъектом таких правонарушений является лицо, достигшее возраста 18 лет. Субъективной стороной является совершение данных деяний в форме умысла.

Таким образом, необходимо отметить, что данный вопрос сегодня очень актуален, так как достаточное количество несовершеннолетних вовлекаются в антиобщественное поведение, что в последующем приводит к отрицательным последствиям, предполагает не только административную, но и уголовную ответственность.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

К содержанию

А. Н. НОВИК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. А. Заранка, старший преподаватель

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УМЫШЛЕННОЙ ПОДМЕНЫ РЕБЕНКА

Конституция Республики Беларусь, согласно ст. 32, развивая принятые международные стандарты о защите интересов несовершеннолетних и семьи в целом, гарантирует защиту государством брака, семьи, материнства, отцовства и детства. Естественной средой для ребенка является семья, поэтому Конституция нашей республики закрепляет право каждого ребенка жить в семье, знать обоих родителей, право на их заботу, и, конечно, право родителей знать своего ребенка, совместно с ним проживать и воспитывать его. В обязанности родителей входит создание условий для проживания ребенка в семье.

Конституционные права ребенка жить в семье, знать обоих родителей, право на их заботу, на совместное с ними проживание, а также права родителей (лиц, их заменяющих) воспитывать своих детей, проживать с ними охраняются уголовным законом, который устанавливает ответ-

ственность за умышленную подмену ребенка, которая регулируется ст. 180 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Проанализировав данный состав преступления, можно выделить его объективные и субъективные признаки.

Итак, объектом посягательства являются общественные отношения, которые обеспечивают охрану прав ребенка на имя, сохранение своей индивидуальности, а также семейных связей, равно как и интересов родителей в этом [2].

Потерпевшими являются новорожденный ребенок и родители этого ребенка. Под ребенком, согласно ст. 1 Закона «О правах ребенка», понимается физическое лицо до достижения им возраста 18 лет, т. е. совершеннолетия, если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объеме. Понятие «родители» юридически закрепляется в ст. 73 Кодекса о браке и семье: родители являются законными представителями своих несовершеннолетних детей и выступают в защиту их прав и законных интересов в отношениях с любыми лицами и организациями, в том числе в судах, без специального полномочия.

Объективную сторону образуют деяния, указанные в ч. 1 данной статьи, – подмена ребенка. Понятие «подмена» предполагает замену одного новорожденного на другого в тайне от родителей ребенка [1]. В диспозиции статьи говорится о «ребенке», т. е. лице, которое не достигло возраста 18 лет, однако при подмене речь обычно идет о новорожденном ребенке, пока мать не запомнила его индивидуальные особенности. В науке уголовного права нет конкретного понятия «новорождённый», но в медицине ребенок признается новорождённым только после изгнания из тела матери и проявления признаков жизни, т. е. самостоятельного дыхания, сердцебиения, сокращения мышц и т. д., а до этого момента он признается плодом. Согласно ст. 51 Кодекса о браке и семье, происхождение ребенка от матери устанавливается на основании факта рождения, удостоверенного медицинской справкой о рождении.

Преступление считается оконченным с момента подмены ребенка, т. е. это формальный состав преступления. Обнаружение и пресечение подмены в момент совершения такого преступления квалифицируется как покушение на подмену ребенка.

Объективная сторона по ч. 2 данной статьи образует подмену ребенка из корыстных или низменных побуждений. Под корыстными побуждениями понимают стремление извлечь лицом, совершающим данное преступление, материальную выгоду. К низменным побуждениям относят любые побуждения, которые связаны с мстью, ревностью, расовыми и другими признаками [1].

С субъективной стороны уголовная противоправность такого преступления выражается в умышленной форме в виде прямого умысла, т. е. совершающий данное деяние сознает, что его действия направлены на нарушение семейных связей и интересов ребенка, и желает его совершить [2].

Субъектом данного преступления может быть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, т. е. возраста 16 лет, которое по отношению к ребенку является чужим.

Таким образом, необходимо сказать, что данное преступление представляет опасность и заключается в том, что подменой ребенка насильственно разрываются кровные узы родства, нарушаются наполненные глубоким нравственным общечеловеческим содержанием отношения между родителями и детьми.

На наш взгляд, законодателю необходимо внести в данную статью дополнения, касающиеся субъекта такого преступления. Зачастую такие преступления могут совершаться медицинскими работниками по просьбе заинтересованных в этом лиц, поэтому следовало бы добавить дополнительную часть этой статьи, где будут указываться конкретные лица, совершившие такие преступления, а именно медицинские работники, которые будут считаться специальным субъектом такого состава преступления. Предлагаем добавить и изложить ч. 3 ст. 180 Уголовного кодекса Республики Беларусь в следующей редакции: «Действия, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи, совершенные медицинскими работниками, – наказываются лишением свободы на срок от шести до восьми лет со штрафом и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения».

Список использованной литературы

1. Круглов, В. А. Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2012. – 592 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

К содержанию

М. М. ПРОКОПУК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. И. Дудчик, преподаватель

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Одним из необходимых признаков состава административного правонарушения является субъект административного правонарушения. Такими субъектами в Республике Беларусь могут быть физические и юридические лица, а также индивидуальные предприниматели. Они, в свою очередь, подразделяются на две большие группы – общие и специальные субъекты административных правонарушений.

Общие субъекты обладают необходимыми для всех субъектов признаками, такими как возраст и вменяемость лица. Специальные субъекты обладают дополнительными признаками, которые свойственны только им (например, государственные служащие).

Такое разделение субъектов на группы в законодательстве не закрепляется и носит исключительно научный характер. Оно используется для обобщения целого ряда субъектов, при этом признаки специальных субъектов закреплены в диспозициях статей Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Специальные признаки используются наряду с общими, поскольку правовое положение различных индивидуальных субъектов отличается между собой. Предопределено это спецификой осуществляемой ими трудовой деятельности, занимаемыми должностями и иными критериями [2].

В соответствии с Кодексом об административных правонарушениях, специальными субъектами являются несовершеннолетние, наниматели, военнообязанные, государственные служащие, водители транспортных средств, плательщики, работники юридического лица и иные категории лиц, предусмотренные законодательством.

Рассмотрим некоторые категории подробнее. Административная ответственность несовершеннолетних регулируется гл. 9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Так, к несовершеннолетнему как к специальному субъекту не могут применяться общественные работы в качестве административного взыскания, а также установлены определенные размеры штрафов и сроки административных взысканий.

Государственные служащие являются представителями власти и в соответствии с занимаемой должностью обладают служебными полномочиями, а также выполняют обязанности организационно-распорядитель-

ного либо административно-хозяйственного характера. Государственный служащий, являясь специальным субъектом, имеет определенные права и признаки, которые неприменимы к другим субъектам административных правонарушений. К ним относятся управленческая деятельность, права и обязанности государственных служащих.

Военнослужащие также являются специальными субъектами, поскольку на них распространяется действие дисциплинарных уставов и положений о дисциплине. Они содержат в себе перечень деяний, за которые предусмотрена административная ответственность [1].

Кроме этого, специальными субъектами являются собственники транспортных средств. Административная ответственность собственников транспортных средств регламентируется ст. 4.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Согласно данной статьи, владелец транспортного средства подлежит административной ответственности в тех случаях, когда административное правонарушение против безопасности движения и эксплуатации транспорта было зафиксировано специальными техническими средствами. Он не подлежит административной ответственности, если в ходе административного процесса было установлено лицо, которое владело или пользовалось транспортным средством в момент фиксации правонарушения. Также водители транспортных средств являются субъектами правонарушений, предусмотренных Законом «О дорожном движении» и гл. 18 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Другие виды специальных субъектов обладают индивидуальными признаками, предусмотренными отдельными правовыми актами.

Таким образом, специальные субъекты административных правонарушений имеют собственные признаки: специальные субъекты являются отдельными группами граждан; наличие определенной специфики, которая отражает правовой статус специального субъекта; возникают на основании индивидуальных актов управления или других юридически значимых действий уполномоченных органов; более динамичны, чем общие признаки [2].

К специальным субъектам не применяются некоторые меры административного взыскания или же, наоборот, применяются специальные меры административного взыскания, установлена особая процедура рассмотрения дела для некоторых видов специальных субъектов.

Список использованной литературы

1. К вопросу об административной ответственности военнослужащих [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: [https:// elib.bsu.by/handle/123456789/34140](https://elib.bsu.by/handle/123456789/34140). – Дата доступа: 05.04.2022.

2. Специальные субъекты административной ответственности [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/226737/1/47-50.pdf>. – Дата доступа: 04.04.2022.

К содержанию

А. Ю. РЫЖАНКОВ

Могилев, Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – В. В. Лосев, канд. юрид. наук, доцент

ОСНОВАНИЯ ОТГРАНИЧЕНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ХАЛАТНОСТИ ОТ НЕВИНОВОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

Служебной халатностью, согласно ст. 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), признается неисполнение либо ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, повлекшее по неосторожности причинение ущерба государственному имуществу в особо крупном размере, смерть или иные тяжкие последствия.

Как отмечает И. Г. Минакова, в ходе производства по уголовному делу о служебной халатности часто проблематично определить, было ли поведение должностного лица по службе недобросовестным или небрежным или имело место невинное причинение вреда. Автор предлагает следующее правило отграничения халатности от невинного причинения вреда (случая): «При добросовестном отношении к обязанностям и возникновении ситуации их ненадлежащего исполнения налицо ошибка. Если же ненадлежащее исполнение обязанности сочетается с недобросовестным отношением к службе, деяние следует квалифицировать как халатность» [3, с. 132–133].

При отграничении служебной халатности и невинного причинения вреда необходимо исходить из законодательного определения последнего. Согласно ст. 26 УК, деяние признается совершенным невинно, если лицо, его совершившее, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

Как отмечает В. В. Лосев, необходимо разграничивать служебную халатность с неосторожной виной в виде преступной небрежности и невинное причинение вреда по субъективной стороне. И хотя в ст. 26 УК речь идет только о невинном деянии, однако и невинное причинение

последствий исключает уголовную ответственность независимо от тяжести последствий [2].

Небрежность при служебной халатности имеет место лишь в случаях, когда наличествует как объективный, так и субъективный критерии этой формы вины [4, с. 103]. В случае служебной халатности наличие объективного критерия небрежности заключается в непредвидении лицом последствий, которые в сложившихся обстоятельствах должен был предвидеть любой такой же служащий при необходимой внимательности и предусмотрительности, а субъективного – в способности виновного предвидеть наступление общественно опасных последствий.

Согласимся с И. О. Грунтовым, который предлагает способы отграничения случаев невинного причинения вреда не только от небрежности, но и от легкомыслия. По мнению автора, вести речь о невинном причинении вреда можно в случаях, когда субъект хоть и предвидел наступившие общественно опасные последствия своего поведения, однако имел достаточные основания рассчитывать на то, что эти последствия не наступят [1, с. 130–131].

Таким образом, если в ходе исследования обстоятельств уголовного дела не будет установлено наличие и объективного, и субъективного критериев вины, то должностное лицо не может быть признано виновным в служебной халатности. В этом случае совершенное должностным лицом деяние подлежит оценке как невинное причинение вреда (случай). Невинным причинением вреда можно признавать деяние, совершенное в условиях, когда должностное лицо не должно было или по обстоятельствам произошедшего не могло предвидеть общественно опасных последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения служебных обязанностей либо предвидело эти последствия, однако имело достаточные основания рассчитывать на их ненаступление.

Список использованной литературы

1. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 366 с.
2. Лосев, В. В. Характеристика субъективной стороны и субъекта служебной халатности [Электронный ресурс] : [по состоянию на 30.01.2019 г.] / В. В. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.
3. Минакова, И. Г. Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.01.08 / И. Г. Минакова. – Ростов н/Д, 2008. – 205 л.
4. Уголовное право. Общая часть : конспект лекций / Э. Ф. Мичулис [и др.] ; под общ. ред. Э. Ф. Мичулиса. – Минск : Изд-во МИУ, 2008. – 272 с.

К содержанию

О. Я. СЛИВКО

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ
К ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Впервые в современном административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь при освобождении лица от административной ответственности появилась возможность применения к нему профилактических мер воздействия. Основная цель таких мер – предупреждение совершения новых административных правонарушений.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ) установил несколько видов профилактических мер воздействия. При этом устное замечание и меры воспитательного воздействия могут быть применены только к физическим лицам. К юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям применяется предупреждение.

Индивидуальный предприниматель – особый субъект административной ответственности. Как участник гражданского оборота, он осуществляет предпринимательскую деятельность и несет полную ответственность за свои действия. Нормы ст. 4.6 КоАП устанавливают основы административной ответственности индивидуального предпринимателя и юридического лица. Следует отметить, что в ст. 4.1 КоАП в определении административной ответственности не упоминается индивидуальный предприниматель как субъект административной ответственности.

С одной стороны, индивидуальный предприниматель приравнен к юридическим лицам и в соответствии с ч. 1 ст. 4.6 КоАП несет административную ответственность в соответствии с санкцией, предусмотренной для индивидуального предпринимателя. При этом учитывается специальное условие ответственности, предусмотренное как для индивидуального предпринимателя, так и для юридического лица.

С другой стороны, он может нести ответственность и как физическое лицо, если индивидуальный предприниматель как субъект административной ответственности не указан в санкции либо не выполняется специальное условие.

Таким образом, остается дискуссионным вопрос об особенностях административной ответственности индивидуального предпринимателя.

Индивидуальный предприниматель может быть освобожден от административной ответственности при совершении административного проступка или значительного административного правонарушения.

КоАП устанавливает критерии относимости противоправного деяния к той или иной категории административных правонарушений. Административное правонарушение, совершенное индивидуальным предпринимателем, будет относиться к административным проступкам, если установленная в статье санкция в виде штрафа не превышает 25 базовых величин. К значительным административным правонарушениям будет относиться противоправное деяние, если санкция статьи устанавливает взыскание в виде штрафа, превышающем 25 базовых величин.

Как правило, если правонарушения совершены в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности, в области предпринимательской деятельности, порядка налогообложения и таможенного регулирования, они относятся к категории грубых административных правонарушений. Освобождение от административной ответственности и применения предупреждения в таких случаях невозможно.

В каждом отдельном случае вопрос об освобождении от административной ответственности будет решаться органом, ведущим административный процесс. В первую очередь учитывается степень общественной вредности противоправного деяния. И в случае административного проступка освободить лицо от ответственности – это обязанность должностного лица при соблюдении норм ч. 1 ст. 8.3 КоАП. Однако это не относится к правонарушению, предусмотренному ч. 4 ст. 18.19 КоАП «Эксплуатация в дорожном движении транспортного средства без договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств». В данном случае, если владельцем транспортного средства является индивидуальный предприниматель, применение предупреждения невозможно в соответствии с ч. 4 ст. 8.3 КоАП.

Если индивидуальным предпринимателем совершено значительное административное правонарушение, то применение предупреждения при освобождении от ответственности является правом, но не обязанностью должностного лица, ведущего административный процесс. Учитываются не только признание индивидуальным предпринимателем факта совершения им правонарушения, отсутствия в течение одного года до совершения правонарушения административного взыскания, но и конкретные обстоятельства совершения правонарушения, в том числе наступившие вредные последствия и личность правонарушителя.

Должны быть объективные обстоятельства, которые в совокупности могут быть учтены при освобождении индивидуального предпринимателя от административной ответственности и применения к нему предупреждения как профилактической меры воздействия.

Особенностью применения профилактических мер воздействия к индивидуальному предпринимателю является отсутствие негативных

правовых последствий привлечения к ответственности. Лицо не считается подвергнутым административному взысканию, не несет финансовое бремя и не имеет повторности административного правонарушения при совершении нового аналогичного правонарушения.

К содержанию

А. В. СОЛОНЕВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Я. Сливко, старший преподаватель

ВИДЫ НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ, ЗА СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Определение понятия «административное взыскание» и его цели приведены в ст. 6.1 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП). Административное взыскание является мерой административной ответственности, которая применяется к лицу, совершившему административное правонарушение. Административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо, применяется в целях предупреждения совершения новых административных правонарушений. Таким образом, с помощью административных взысканий осуществляется индивидуальное и общее предупреждение правонарушений.

Применение административного взыскания призвано способствовать восстановлению справедливости и является основанием для взыскания с физического или юридического лица возмещения вреда в порядке, предусмотренном законодательством.

За совершение административного правонарушения к юридическим лицам могут применяться как административные взыскания, так и меры профилактического воздействия. К мерам профилактического воздействия, которые применяются к юридическим лицам, относится предупреждение. Согласно ст. 5.3 КоАП, предупреждение состоит в письменном предостережении лица, совершившего административное правонарушение, о недопустимости противоправного поведения с его стороны и правовых последствиях повторного совершения данного административного правонарушения.

Также к юридическим лицам применяются меры административного взыскания. В соответствии со ст. 6.1 КоАП Республики Беларусь, административное взыскание является мерой административной ответственности, налагаемой на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, и (или) на юридическое лицо, подлежащее привлечению к административной ответственности.

Наложение административного взыскания допускается лишь при наличии состава административного правонарушения как совокупности предусмотренных нормами административного права признаков, при наличии которых деяние признается проступком, а виновный может быть привлечен к административной ответственности за его совершение.

Мерами административного взыскания, налагаемыми на юридическое лицо, являются:

1. Штраф. Денежное взыскание, размер которого определяется в белорусских рублях с учетом размера базовой величины, установленной на день вынесения постановления о наложении административного взыскания, а в случаях, предусмотренных в санкциях, – в процентном либо кратном отношении к стоимости предмета совершенного административного правонарушения, сумме ущерба, выручки, сделки, внешнеторговой операции или дохода, разнице между фактической выручкой, полученной от реализации товаров (работ, услуг), и расчетной величиной выручки от реализации товаров (работ, услуг).

2. Лишение права заниматься определенной деятельностью. Налагается с учетом характера совершенного административного правонарушения, связанного с занятием определенным видом деятельности, если будет признано невозможным сохранение за лицом права заниматься таким видом деятельности. Лишение права заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от трех месяцев до пяти лет, а лишение права заниматься видом деятельности, на осуществление которой требуется специальное разрешение (лицензия), – от трех месяцев до одного года.

3. Конфискация. Состоит в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства:

- дохода, выручки, полученных в результате противоправной деятельности;
- предмета административного правонарушения, орудий и средств его совершения, находящихся в собственности (т. е. на праве хозяйственного ведения, оперативного управления) лица, совершившего правонарушение.

Независимо от наложения административного взыскания либо освобождения лица от административной ответственности применяется специальная конфискация, которая состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства.

4. Взыскание стоимости. Взыскание стоимости состоит в принудительном изъятии и обращении в собственность государства денежной суммы, соответствующей стоимости предмета административного правонарушения, орудий и средств его совершения. Взыскание стоимости может

применяться, если в санкции предусмотрена конфискация предмета административного правонарушения, орудий и средств его совершения.

Таким образом, нами были рассмотрены административные правонарушения, за которые юридическое лицо привлекается к административной ответственности, а также меры административной ответственности, которые применяются к юридическому лицу, за совершение административного правонарушения.

К содержанию

Т. В. ТЕЛЯТИЦКАЯ

Минск, Белорусский государственный экономический университет

ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Принципы административной ответственности впервые получили легальное закрепление в КоАП БССР 1984 г., хотя сама история возникновения и становления института административной ответственности ведет отсчет с последней трети XIX в., поскольку именно в тот период «появились первые политико-правовые предпосылки для возможной идентификации административно-правовых деликтов и механизма ответственности за их совершение в качестве самостоятельного объекта правового регулирования» [1, с. 19].

Не отвлекаясь на подробные исторические экскурсы, в рамках предмета настоящего исследования рассмотрим лишь период кодифицированного отечественного законодательства Республики Беларусь, которое берет свое начало с Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (далее – Основы).

Статья 5 Основ провозгласила принцип социалистической законности при применении мер воздействия за административные правонарушения, закрепив, что «никто не может быть подвергнут мере воздействия в связи с административным правонарушением иначе, как на основаниях и в порядке, установленных законодательством». Принятый в 1984 г. в соответствии с Основами Кодекс БССР об административных правонарушениях в ст. 7 дословно воспроизвел данную норму.

Таким образом, принцип социалистической законности в административно-деликтном законодательстве оказался первым и долгое время оставался единственным принципом административной ответственности. И лишь в КоАП 2003 г. принципы административной ответственности заняли свое подобающее место. Так, ст. 4.2. КоАП закрепила, что админи-

стративная ответственность основывается на принципах законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма, раскрыв при этом суть данных понятий.

1 марта 2021 г. вступил в силу новый КоАП, в котором подверглись корректировке (на наш взгляд, не всегда удачной) многие положения, в том числе и принципы административной ответственности.

В КоАП 2003 г. ст. 4.2 называлась «Принципы административной ответственности», что вполне четко отражало ее содержание. В КоАП 2021 г. соответствующие принципы закреплены в разных статьях гл. 1, которая называется «Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Его задачи и *принципы*» (здесь и далее выделено мной. – *Т. Т.*). Если исходить из буквального толкования, речь идет о принципах Кодекса, а не принципах административной ответственности, что представляется не совсем верным.

Если же анализировать суть закрепленных формулировок, то можно заметить, что в ст. 4.2 КоАП 2003 г. содержались принципы административной ответственности, практически полностью совпадающие с принципами, изложенными в новом КоАП, хотя и расположенные в несколько иной последовательности. Исключение составил лишь принцип *неотвратимости ответственности*, который в новый кодекс по каким-то причинам включен не был. Этот факт представляется досадным упущением разработчиков кодекса.

Первым и основным принципом административной ответственности в обоих кодексах закреплен *принцип законности*. Важный шаг в укреплении законности содержит ч. 2 ст. 1.3 КоАП 2021 г., предусматривающая, что «положения настоящего Кодекса не подлежат расширительному толкованию. Их применение по аналогии не допускается», т. е. от структур государственной власти требуется руководствоваться «действительным смыслом» указанного правила.

Сразу несколько нововведений можно заметить в ст. 1.4. КоАП 2021 г. о *принципе справедливости*. В рамках ч. 1 рассматриваемой статьи в КоАП впервые был включен *принцип недопустимости повторного привлечения к административной ответственности за одно и то же правонарушение*. Также ч. 2 ст. 1.4. КоАП установила, что административное взыскание может налагаться при отсутствии достаточных оснований применения *профилактических мер воздействия*, но при этом оно должно быть *соразмерным тяжести совершенного административного правонарушения и соответствовать цели его наложения*. Более того, в данной статье более четко сформулирован подход в отношении административной ответственности юридических лиц.

Статья 1.5. КоАП 2021 г. развила содержание *принципа гуманизма*, который призван объединять правовые нормы, направленные, с одной стороны, на защиту граждан и общества от правонарушений, а с другой – на экономное расходование карательных средств.

Что касается *принципа равенства перед законом*, то в новом кодексе он был подвергнут лишь стилистической коррекции. Сущность осталась прежняя.

Относительно *принципа виновной ответственности* произошло сужение адресата путем исключения виновной ответственности юридических лиц, что представляется вполне оправданным, поскольку само понятие вины юридического лица неоднократно подвергалось справедливой критике.

Таким образом, можно констатировать, что принципы административной ответственности требуют дальнейшего внимания со стороны ученых и законодателей.

Список использованной литературы

1. Кирин, А. В. Административно-деликтное право: теория и законодательные основы : монография / А. В. Кирин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 464 с.

К содержанию

А. С. ФРОЛИКОВ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. М. Храмов, канд. юрид. наук, доцент

РОЛЬ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ

В ходе расследования уголовного дела версии выдвигаются не по одной, а всегда в виде совокупности взаимосвязанных между собой версий, представляющих версионную систему. Версионная система требует разработки специальных средств, позволяющих выдвигать версии, устанавливать логические связи между ними и обеспечивать одновременную проверку всех входящих в версионную систему версий. Указанная задача не может быть решена лишь с помощью простых методов, таких как анализ и синтез, абстрагирование, индукция и дедукция. Требуется применять более сложные методы рационального познания, в частности гипотетико-дедуктивный метод.

Основное значение версий состоит в том, что посредством их построения и проверки познаются и детализируются обстоятельства

исследуемого события. Расследование приобретает целеустремленный, всесторонний, объективный, последовательный и полный характер.

Отдельно охарактеризуем роль следственных версий на примере расследования дел о взяточничестве.

При выявлении и расследовании преступлений возникает множество различных ситуаций. Особое значение имеют ситуации, формирующиеся на первоначальном этапе расследования.

Наиболее сложными являются ситуации, складывающиеся в связи с латентными преступлениями, к числу которых относится и взяточничество. «В практике борьбы со взяточничеством имеют место случаи, когда недостаток в оценке и анализе сложившейся ситуации приводит к неверным тактическим решениям, в результате которых некачественно закрепляются фактические данные, что в итоге затрудняет процесс расследования и формирование доказательственной базы» [3, с. 742].

Рассматривая следственные ситуации, возникающие при расследовании взяточничества, можно заметить отсутствие их общего понятия, а также единого взгляда на классификацию.

Вопрос о необходимости формулирования общего понятия следственной ситуации взяточничества не однозначный. Дело в том, что общей следственной ситуации (нередко ее называют типичной следственной ситуацией) быть не может по причине индивидуальности каждого отдельного преступления данной группы и многокомпонентности самой следственной ситуации.

О компонентном составе следственной ситуации говорится в учебнике, написанном под редакцией Р. С. Белкина. Образует следственную ситуацию система условий, состоящая из четырех характерных компонентов: психологического, информационного, процессуального и тактического, материального и организационно-технического. Здесь же отрицается наличие типичных следственных ситуаций, которые всегда индивидуальны. «Типизировать следственные ситуации, как считают авторы учебника, можно лишь по одному из их компонентов, а если быть еще более точным, лишь по одному из образующих его элементов» [1, с. 503].

При взяточничестве наибольший интерес представляют компоненты информационного характера в части осведомленности следователя об обстоятельствах совершенного преступления, его структурных элементах.

Конечной целью расследования любого преступления, в том числе и взяточничества, является установление субъекта преступления и его изобличение в инкриминируемом деянии. В связи с этим одним из основных вопросов, возникающих на первоначальном этапе расследования взяточничества, является вопрос о личности преступника. Это позволяет говорить о выделении типичной следственной ситуации, отражающей

информацию о субъекте преступления. Объем этой информации определяет возможность принятия решения о возбуждении уголовного дела, производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Чем больше на первоначальном этапе информации о субъекте преступления, его поведении и действиях, тем определеннее выглядит следственная ситуация, и наоборот: ситуация неопределенная, если информации о нем недостаточно.

Что касается версий, то «процесс их формирования и проверки должен быть начат на этапе проверочных действий, т. е. до возбуждения уголовного дела. С таким мнением согласны не все ученые. Считается, что выдвижение и разработку версий следует начинать после осуществления проверочных действий» [2, с. 147]. Это можно признать верным при условии выдвижения версий следователем на первоначальном этапе расследования. Но особенность данного вида преступлений такова, что во многих случаях появления первичной информации о взяточничестве необходимо проведение проверки. Основной целью такой проверки является обнаружение признаков взяточничества либо подтверждение факта их наличия. В качестве наиболее общих версий, выдвигаемых на этапе проверки, следует рассматривать следующие:

- 1) взяточничество имело место или предполагается;
- 2) взяточничества не было.

В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществляется задержание должностного лица, подозреваемого в совершении коррупционных преступлений, в том числе и взяточничества. Осознавая всю тяжесть последствий совершенного деяния, должностное лицо инициирует явку с повинной и установление сотрудничества с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, с целью изобличения иных лиц, причастных к преступной деятельности.

Список использованной литературы

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2017. – 944 с.

2. Грабовский, В. Д. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики : учебник / В. Д. Грабовский, А. Ф. Лубин. – Н. Новгород, 2015. – 547 с.

3. Зеленский, В. Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений / В. Д. Зеленский // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 4. – С. 738–749.

К содержанию

Л. О. ШЕРАЙЗИНА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ДЕЯНИЙ,
ПОСЯГАЮЩИХ НА ЗАКОННЫЙ УЧЕТ И УСТРОЙСТВО
ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ
РОДИТЕЛЕЙ**

Государство предоставляет особую правовую защиту детям, как наиболее уязвимой части общества. Основное развитие и воспитание ребенка получает в семье. Если она не способна обеспечить ребенка базовыми потребностями, а также приложить все усилия для становления личности, то в такие отношения вмешивается государство в лице уполномоченных органов. Статья 32 Конституции устанавливает приоритет воспитания детей в семье. Процессуальный порядок отобрания детей и помещения их на семейные формы воспитания закреплен в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС).

В соответствии со ст. 118¹ КоБС Республики Беларусь, должностные лица органов опеки и попечительства, должностные лица иных организаций, уполномоченные законодательством Республики Беларусь осуществлять защиту прав и законных интересов детей, за невыполнение обязанностей, предусмотренных КоБС Республики Беларусь, предоставление заведомо недостоверных сведений о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, и детях, находящихся в социально опасном положении, а также за иные действия, направленные на сокрытие ребенка от устройства на воспитание в семью, несут ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Бланкетный характер указанной нормы не реализован в нормах Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и Уголовного кодекса. Субъекты могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. При наличии корыстной или личной заинтересованности виновные несут уголовную ответственность за преступления против интересов службы. Однако состав преступлений предусматривает специальный субъект – должностное лицо, под требования которого не подпадает большинство работников органов опеки и попечительства. Вышеизложенное указывает на то, что лицо, совершившее деяние, посягающее на законный учет и устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не привлекается к административной или уголовной ответственности, хотя объект такого деяния позволяет сделать вывод о необходимости их криминализации.

В зарубежных странах предусмотрена административная ответственность за нарушение порядка и сроков представления сведений о несовершеннолетних, нуждающихся в передаче на усыновление (удочерение), под опеку (попечительство), на воспитание в семье физических лиц. В ст. 135 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях закреплено наказание для руководителей организаций, в которых находятся дети, оставшиеся без попечения родителей, должностных лиц исполнительных органов Республики Казахстан, а также лиц, желающих принять детей на воспитание в свои семьи: 1) за несоблюдение сроков представления сведений о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, в Республиканский банк данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц, желающих принять детей на воспитание в свои семьи; 2) представление недостоверных сведений о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, сокрытие данных, подлежащих отражению в Республиканском банке данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц, желающих принять детей на воспитание в свои семьи; 3) незаконное разглашение данных о детях-сиротах, детях, оставшихся без попечения родителей, содержащихся в Республиканском банке данных детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц, желающих принять детей на воспитание в свои семьи.

Статья 5.36 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за нарушение руководителем учреждения, в котором находятся дети, оставшиеся без попечения родителей, либо должностным лицом органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления порядка или сроков предоставления сведений о несовершеннолетнем, нуждающемся в передаче на воспитание в семью (на усыновление (удочерение), под опеку (попечительство) или в приемную семью) либо в учреждение для детей-сирот или для детей, оставшихся без попечения родителей, а равно предоставление заведомо недостоверных сведений о таком несовершеннолетнем, а также совершение действий, направленных на укрытие несовершеннолетнего от передачи на воспитание в семью либо в учреждение для детей-сирот или для детей, оставшихся без попечения родителей.

В целях снижения нарушений законодательства и привлечения к ответственности виновных следует дополнить Уголовный кодекс Республики Беларусь ст. 177² «Незаконные действия по выявлению, учету, устройству детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся в социально опасном положении» следующего содержания: «Умышленное невыполнение обязанностей, предусмотренных законодательством, по выявлению, учету, устройству детей-сирот, детей,

оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся в социально опасном положении, либо предоставление заведомо недостоверных сведений о таких детях, либо совершение иных действий, направленных на сокрытие ребенка от устройства на воспитание в семью, лицом, уполномоченным законодательством осуществлять защиту прав и законных интересов детей, совершенные в течение года после наложения дисциплинарного взыскания за такое же нарушение».

В санкции за незаконные действия по выявлению, учету, устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 177²), закрепить наказание в виде общественных работ, или лишения права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью, или лишения свободы на срок до двух лет.

К содержанию

Н. Ю. ШКЛЁДА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. А. Заранка, старший преподаватель

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА: КВАЛИФИКАЦИЯ ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Особенности определенных видов преступлений подразумевают, что в каждом преступном случае субъект должен иметь дополняющие его признаки, свойства для того, чтобы сформировать полную структуру объективной стороны преступления. В качестве этих признаков могут выступать сведения об общественном или должностном положении лица, совершившего преступление, сведения о состоянии его здоровья, личности. Объективная сторона преступления связана с нарушением определенных правил, знать и соблюдать которые обязан узкий круг лиц, равно как и обеспечивать соблюдение таковых другими работниками. В то же время вне зависимости от того, о каких конкретных признаках идет речь, признаки специального субъекта преступления объединяет то, что они отражают особенные черты положения этого лица в механизме социального взаимодействия.

Одной из основных целей законодательного органа является определение связи, которая заключается в предопределении особенностей общественного устройства специальным признакам субъекта преступления, а также найти данному явлению выражение в уголовном законодательстве. В судебной практике часто допускаются ошибки при квалификации преступлений по признакам лиц, их совершивших. Это связано в том числе

с неполным или неверным установлением их специальных признаков. Случаи нарушения правил охраны труда не являются исключением [1, с. 43].

Ответственность, согласно ст. 306 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), несут должностные лица, на которых в силу их служебных полномочий или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил охраны труда на определенном участке работы, и индивидуальные предприниматели.

Руководители предприятий, учреждений и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты могут быть привлечены к ответственности по настоящей статье, если ими не были предприняты какие-либо действия по устранению заведомо нарушения правил охраны труда либо были даны или приняты указания, противоречащие этим правилам, а также если имели непосредственное руководство отдельными видами работ, при этом не обеспечивали соблюдения одних и тех же правил. В иных случаях должностные лица, виновные в ненадлежащем исполнении своих служебных обязанностей по обеспечению безопасной обстановки, могут быть привлечены к ответственности за преступления против интересов службы. Например, в непринятии мер по разработке соответствующих инструкций, в создании условий для выполнения правил охраны труда, в отсутствии должного контроля за их соблюдением.

В случае нарушения правил техники безопасности или иных правил охраны труда, повлекшего наступление последствий, предусмотренных ст. 306 УК Республики Беларусь, допущенного лицом, не являющимся должностным лицом или индивидуальным предпринимателем, его ответственность наступает за преступление против жизни и здоровья человека.

Так, судом Быховского района был осужден гражданин К. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК Республики Беларусь. Из материалов уголовного дела следует, что К. являлся заместителем директора общества с дополнительной ответственностью Б., выполняющим организационно-распорядительные обязанности, нес ответственность за организацию работы по охране труда. К., действуя небрежно, находясь на территории организации, допустил к выполнению работ на подающем транспорте рубильной машины не имеющего соответствующей квалификации К. В результате допущенных нарушений левая верхняя конечность К. попала между находившимися в движении нижней лентой и натяжным барабаном, что причинило К. тяжкие телесные повреждения.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь недвусмысленно разъяснил нам то, что субъектом нарушений правил охраны труда не может быть любой работник, а лишь тот, на кого были возложены полномочия по обеспечению правил и норм охраны труда на производстве, а равно

лицо, которое осуществляет управленческие обязанности, связанные с обеспечением организации рабочего процесса, который отвечает требованиям безопасности труда.

Таким образом, ответственность за нарушение правил охраны труда может быть возложена только на лицо, на которое возложена обязанность создавать и (или) поддерживать безопасные условия труда в обстановке определенного процесса производства.

Список использованной литературы

1. Вешняков, Д. Ю. Спорные вопросы квалификации нарушений правил охраны труда по признакам субъекта преступления / Д. Ю. Вешняков // Законодательство и экономика. – 2013. – № 3. – С. 42–45.

К содержанию

Д. Т. ШОСТАК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. Я. Сливко, старший преподаватель

ЗАПРЕТ НА ПОСЕЩЕНИЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫХ СООРУЖЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивно-массовых мероприятий и спортивных соревнований является одним из основных направлений государственной политики в сфере физической культуры и спорта. На современном этапе это направление приобретает особую актуальность в связи с проведением в Республике Беларусь большого количества спортивных мероприятий республиканского и международного уровней.

С 2018 г. в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) появился новый вид административного взыскания – запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений. Данный вид административного взыскания применяется в качестве дополнительного вида взыскания.

Сама суть взыскания состоит во временном запрете физическому лицу посещать физкультурно-спортивные сооружения во время проведения спортивно-массовых мероприятий, спортивных соревнований. Устанавливается на срок от трех месяцев до трех лет.

Запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений может применяться за совершение на территории физкультурно-спортивного сооружения во время проведения спортивно-массового мероприятия, спор-

тивного соревнования административных правонарушений, предусмотренных ст. 10.1, 17.6, 19.1, 19.3, 19.10-19.12, 24.3, 24.23, если за их совершение предусмотрен административный арест. В этот список попали правонарушения, которые чаще всего совершаются болельщиками во время проведения соревнований: умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания, незаконные действия с некурительными табачными изделиями, предназначенными для сосания и (или) жевания, мелкое хулиганство и др.

Постановление выносится судом, а приводится в исполнение органами внутренних дел (далее – ОВД) путем недопущения на территорию физкультурно-спортивных сооружений либо выдворения за пределы указанной территории во время проведения спортивно-массового мероприятия, спортивного соревнования согласно ст. 23.1 ПИК оАП Республики Беларусь.

В ноябре 2018 г. указанный вид административного взыскания был впервые применен по отношению к двум болельщикам футбольного клуба «Динамо-Брест» за устроенное во время игры пиротехническое шоу [1].

Одной из важнейшей составляющих надлежащего обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий является не только установление административной ответственности за совершение правонарушений на территории физкультурно-спортивных сооружений во время проведения спортивных мероприятий, но и исполнение постановлений суда о запрете на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

Первоначально при разработке нововведения планировалось, что Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) сформирует базу данных болельщиков, в отношении которых будет действовать административный запрет. Однако в последующем эта идея не была реализована. В настоящее время МВД, как и ранее, формирует единый государственный банк данных о правонарушениях. Учет тех, на кого наложен административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений, и их нарушений осуществляется в общем порядке [2].

В настоящий момент недопуск таких лиц производится через направление сведений сотрудникам органов внутренних дел, работающих на мероприятии. Продажа билетов и вход на стадион не требуют предъявления паспорта.

Считаем целесообразным внедрить в практику опыт Российской Федерации и создать базу данных лиц, на которых наложено такое взыскание. Это будет способствовать повышению эффективности поиска лиц, в отношении которых применяется запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

Кроме того, необходимо ввести обязательное предъявление документа, удостоверяющего личность, сотруднику ОВД при входе в сооружение, в котором проводится спортивно-массовое мероприятие. Это поможет предотвратить попадание лиц, подвергнутых запрету на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

Список использованной литературы

1. Иосько, Е. С. Проблемные аспекты применения административного запрета на посещение физкультурно-спортивных сооружений [Электронный ресурс] / Е. С. Иосько. – Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/80099/1/Iosko_E.S._158_159.pdf. – Дата доступа: 05.04.2022.

2. Никитин, Ю. А. Запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений как вид административного взыскания [Электронный ресурс] / Ю. А. Никитин. – Режим доступа: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/zapret-na-poseshchenie-fizkulturno-sportivnykh-sooruzheniy/>. – Дата доступа: 05.04.2022.

К содержанию

Д. Т. ШОСТАК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. И. Панин, старший преподаватель

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И СБОРОВ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ

В связи с тем что своевременность и полнота перечисления налогов и сборов в бюджетную систему страны является основой экономической безопасности и стабильности государства, во всем мире налоговые правонарушения и преступления являются наиболее общественно опасными деяниями.

Наиважнейшим условием для эффективного развития предпринимательства как одного из основных действенных рычагов стабильного развития экономики является внедрение и проведение такой налоговой политики, которая способна оказывать положительное воздействие на его развитие, а также на повышение деловой активности, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению налоговых поступлений в бюджет.

Проведя анализ большого количества литературы, посвященной данной теме, можно отметить, что вопросы налогообложения, а также

оптимизации налоговой нагрузки всегда привлекали к себе внимание многих специалистов. Однако такой области, как уклонение от уплаты налогов, а также схемам уклонения, описывающим данный процесс, уделялось не столь пристальное внимание, в связи с чем данная тема является особенно важной и актуальной [1].

Статья 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, а именно за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов путем сокрытия, умышленного занижения налоговой базы либо путем уклонения от представления налоговой декларации (расчета) или внесения в нее заведомо ложных сведений, повлекшее причинение ущерба в крупном размере.

Сложившаяся практика деятельности правоохранительных органов свидетельствует, что наибольшее распространение получили следующие способы уклонения от уплаты сумм налогов, сборов, которые и нашли свое закрепление в уголовном законе: сокрытие налоговой базы, занижение налоговой базы, уклонение от представления налоговой декларации, внесение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений [2].

В мировой практике существуют различные меры ответственности за уклонение от уплаты налогов. Так, например, в Соединенных Штатах Америки в 30–40-е гг. XX в. был принят ряд налоговых законов, согласно которым за многие нарушения налогового законодательства предусматривались уголовные санкции. В 1939 г. эти налоговые законы систематизировали во Внутреннем налоговом кодексе [3]. В настоящее время уклонение от уплаты налога или умышленное предоставление недостоверной декларации наказывается штрафом до \$100 тыс. или лишением свободы сроком до пяти лет. Во Франции искажение в декларации на 10 % суммы доходов, подлежащей налогообложению, наказывается штрафом или лишением свободы на срок от одного года до пяти лет.

В Российской Федерации неуплата или неполная уплата налоговых платежей в крупном или особо крупном размере наказывается штрафом в размере от 100 тыс. российских рублей или лишением свободы на срок до трех лет. Под крупным размером здесь понимается сумма налогов, превышающая 1 млн 500 тыс. российских рублей, под особо крупным – превышающая 7 млн 500 тыс. российских рублей.

В Украине умышленное уклонение от уплаты налогов в крупных размерах наказывается штрафом до 34 тыс. гривен или ограничением свободы до пяти лет, в особо крупных – лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества [2].

В Республике Беларусь уклонение от уплаты налогов, повлекшее причинение ущерба в крупном размере, наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятель-

ностью, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок. То же деяние, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что дальнейшее изучение и использование положительного опыта борьбы с уклонением от уплаты налогов в зарубежных странах, несомненно, будет способствовать выявлению и решению широкого круга проблем законодательного и правоприменительного уровня, возникающих в данной сфере в Республике Беларусь.

Список использованной литературы

1. Агузарова, Л. А. Уклонение от уплаты налогов [Электронный ресурс] / Л. А. Агузарова, Ф. С. Агузарова, О. О. Бурнацева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uklonenie-ot-uplaty-nalogov-1>. – Дата доступа: 15.04.2022.

2. Шмурадко, Ю. Н. Ответственность за уклонение от уплаты налогов: мировая практика и практика Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/51789/1/shmuradko_Sbornik9_tom1.pdf. – Дата доступа: 15.04.2022.

3. Серeda, И. М. Анализ зарубежного законодательства, регламентирующего ответственность за преступления против налоговой системы [Электронный ресурс] / И. М. Серeda. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnogo-zakonodatelstva-reglamentiruyuschego-otvetstvennost-za-prestupleniya-protiv-nalogovoy-sistemy>. – Дата доступа: 15.04.2022.

К содержанию

СЕКЦИЯ 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

П. А. АНДРЕЮК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, канд. юрид. наук, доцент

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Правовой основой европейского законодательства в области защиты прав потребителей является Договор о функционировании Европейского союза, являющийся актом первичного права данного интеграционного образования. Статья 169 вышеназванного Договора закрепляет положение о том, что, «стремясь продвигать интересы потребителей и обеспечивать высокий уровень защиты потребителей, Союз вносит вклад в защиту здоровья, безопасности и экономических интересов потребителей, а также в продвижение их права на информацию, образование и организацию по защите их интересов». Учет интересов потребителей во всех стратегиях ЕС в соответствии со ст. 12 Договора о функционировании Европейского союза является приоритетной задачей, поэтому потребительские интересы в полной мере учитывают все другие политики, что немаловажно для развития внутреннего рынка.

Кроме того, усиливает защиту потребителей ст. 38 Хартии основных прав Европейского союза, которая императивно закрепляет, что в политике Союза обеспечивается высокий уровень защиты потребителей.

Таким образом, акты первичного права ЕС определяют перечень основных прав потребителей (на безопасность товаров (работ, услуг), на информацию, на образование; обязанностей институтов ЕС по организации защиты прав потребителей и обеспечению высокого уровня их защиты).

В ЕС приняты и действуют ряд директив и регламентов в сфере защиты прав потребителей как актов вторичного права ЕС, призванных гармонизировать потребительское законодательство государств-членов. Так, Директива ЕС от 27.11.2019 определила, что не все государства обеспечивают возможность наложения эффективных и оказывающих сдерживающее воздействие мер на продавцов, ответственных за нарушения в масштабах всего ЕС. Таким образом, отмечается явная необходимость в усовершенствовании существующих санкционных правил, закрепленных в Директивах 98/6/ЕС, 2005/29/ЕС и 2011/83/ЕС [1].

Кризисные явления в экономике и пандемия обусловили в 2020 г. разработку новой потребительской программы, направленной на повышение устойчивости потребителей к потребностям постоянного восстановления. Программа охватывает пять приоритетных направлений в сфере защиты прав потребителей: экологическая трансформация; цифровая трансформация; возможность возмещения и защиты прав потребителей; удовлетворение особых потребностей конкретных групп потребителей и международное сотрудничество. Эта программа была разработана в результате тщательного планирования и интенсивных обсуждений с заинтересованными сторонами. Ее главные цели, в том числе необходимость реагирования на пандемию COVID-19, получили колоссальную поддержку в ходе общественных обсуждений [2]. Участники консультации поддержали комплексный подход как ключевой фактор устойчивого восстановления экономики и создания справедливого общества, опирающегося на цифровые технологии. Эффективная защита потребителей и обеспечение возмещения ущерба, а также помощь потребителям с особыми потребностями рассматриваются как важные вопросы. Потребитель должен быть уверен, что необходимые ему в период кризиса продукты и услуги будут всецело соответствовать основным правам, медицинской этике, праву на неприкосновенность частной жизни и праву на защиту персональных данных в соответствии с Общим регламентом защиты данных.

В связи с развитием новых технологий и глобализации торговли, в том числе через онлайн-платформы, возникает вопрос, обеспечивают ли существующие правила безопасности продукции достаточную защиту потребителей. В настоящее время комиссия Европейского парламента работает над рядом инициатив по обеспечению безопасности для новых технологий, таких как пересмотр директивы по машинному оборудованию, принятие делегированных актов в соответствии с Директивой по радиооборудованию и пересмотр Общей директивы по безопасности продукции.

Таким образом, кризис затронул многие сферы жизни потребителей, подчеркнув всю важность высокого уровня защиты прав потребителей и тесного сотрудничества между властями Европейского союза. На сегодняшний день в Европейском союзе существует сильная система защиты прав потребителей, включая ряд первичных и вторичных актов Европейского союза. Однако стоит отметить необходимость принятия новых программных документов, ориентированных на укрепление и расширение гарантий безопасности продуктов посредством эффективного контроля рынка, повышения уровня информированности потребителей о своих правах, а также усиления альтернативных механизмов разрешения споров между потребителем и продавцом.

Список использованной литературы

1. Directive (EU) 2019/2161 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 amending Council Directive 93/13/EEC and Directives 98/6/EC, 2005/29/EC and 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council as regards the better enforcement and modernisation of Union consumer protection rules (Text with EEA relevance) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32019L2161>. – Date of access: 15.04.2022.

2. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council New Consumer Agenda Strengthening consumer resilience for sustainable recovery [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0696> – Date of access: 15.04.2022.

К содержанию

А. Ю. БЫЛИНСКАЯ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. И. Панин, старший преподаватель

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Экономическая безопасность является основой эффективности любого современного экономического государства, в том числе и Республики Беларусь. Обязательное условие обеспечения экономической безопасности – полное и надлежащее исполнение республиканских и областных социально-экономических программ при помощи использования государственных финансов и материальных ресурсов [1].

Финансовый контроль – это основная форма государственного контроля, которая заключается в проверке законности и эффективности действий, связанных с образованием, распределением и использованием государственных денежных средств [2].

Сфере финансового контроля принадлежат практически все органы государственной власти и государственного управления, предприятия независимо от форм собственности и граждане, которые являются участниками финансовых отношений. Так как финансовый контроль рассматривается одновременно как механизм государственного управления и элемент обеспечения экономической безопасности, он представляет собой контроль, фиксирующий отклонения от установленных государством

предписаний в области финансов. Контроль за финансами и финансовой деятельностью реализуется всей системой органов государственной власти и органов местного самоуправления и осуществляется в первую очередь при рассмотрении и утверждении проектов республиканского и нижестоящих бюджетов, государственных и местных внебюджетных фондов, а также при утверждении отчетов об их исполнении.

Для проведения финансового контроля со стороны государственных органов и на местах в Республике Беларусь созданы специальные структуры с целью реализации системы внешнего и внутреннего финансового контроля в плане обеспечения экономической безопасности страны.

Высшим специализированным органом финансового контроля является Комитет государственного контроля, осуществляющий контроль за исполнением республиканского бюджета, использованием государственной собственности и денежных ресурсов, исполнением актов Президента, Парламента, Правительства и других государственных органов, регулирующих отношения государственной собственности, хозяйственные, финансовые и налоговые отношения [2].

Министерство финансов также наделено широкими полномочиями в области финансового контроля: соблюдение финансовых интересов государства в процессе интеграции Республики Беларусь в мировое хозяйство; исполнение республиканского бюджета; своевременное поступление доходов и эффективное расходование по целевому назначению средств республиканского бюджета и внебюджетных фондов; состояние контрольно-ревизионной работы в министерствах и ведомствах. В своей системе данное министерство имеет Главное контрольно-ревизионное управление со своими органами на местах [2].

Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь, как специализированный орган государственного финансового контроля, исполняет следующие задачи: осуществление в пределах своей компетенции контроля за соблюдением законодательства о налогах и предпринимательстве, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в бюджет налогов и других обязательных платежей. Для реализации своей работы Министерство по налогам и сборам имеет свои органы на областном, городском и районном уровнях [2].

Большой объем контрольных полномочий присутствует также в деятельности Национального банка, Департамента по ценным бумагам, министерств, исполнительных комитетов, предприятий, учреждений и др. В основном это контроль за деятельностью коммерческих банков и небанковских финансовых организаций, страховых компаний, профессиональных участников рынка ценных бумаг [2].

Для полного и точного исполнения, развития и совершенствования уполномоченными органами и их структурами своей деятельности в области государственного финансового контроля они обязаны проводить анализ по результатам проверок и ревизий, контрольные мероприятия, заниматься поиском причин выявленных отклонений и нарушений; оценивать эффективность использования бюджетных средств, государственной собственности и других ресурсов в целях обеспечения экономической безопасности.

Таким образом, государственный финансовый контроль необходим для повышения уровня экономической безопасности в области обеспечения стабильности развития и укрепления государственной экономики, эффективного исполнения бюджета и снижения социальной напряженности в обществе, укрепления авторитета государства и системы государственного управления в целом, регулирования денежных потоков. При этом экономическая безопасность через призму финансового контроля возможна только в тех границах, в каких находится и прогрессирует само государственное управление и в то же время формируется единое правовое и экономическое пространство на территории государства.

Список использованной литературы

1. Берлизев, Р. Н. Финансовый контроль как способ обеспечения экономической безопасности государства / Р. Н. Берлизев, А. А. Макарян, Л. В. Дробышева // StudNet. – 2020. – № 5. – С. 225–229.

2. Панин, О. И. Финансовое право : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение» / О. И. Панин. – Брест, 2020. – 201 с.

К содержанию

М. С. ДРАЦЕВИЧ, Д. А. ПЕТРУКОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

МОТИВАЦИЯ ПЕРСОНАЛА МАЛЫХ И МИКРООРГАНИЗАЦИЙ

Управление персоналом в малых и микроорганизациях имеет ряд особенностей и обладает определенной спецификой. Эти особенности присутствуют буквально в каждом направлении работы с персоналом. Особое место здесь занимает направление мотивации персонала. В небольших компаниях предприниматель часто имеет ограниченные возможности по найму большого количества сотрудников, поэтому уже имеющимся

приходится выполнять не только должностные обязанности в рамках своих должностей или профессий, но и другие дополнительные обязанности. Малый бизнес имеет ограниченные ресурсы, а соответственно, и малый запас прочности финансовой системы предприятия, что в совокупности с неопределенностью внешней среды порождает нестабильность и разномобразии уровня заработной платы работников, возможности адекватного материального стимулирования. Эти и другие факторы влияют на чувствительность к мотивированию сотрудников.

Мотивация сотрудников на сегодняшний день является одной из самых актуальных концепций, обсуждаемых применительно к управлению персоналом компании. По мере расширения технологических возможностей, трудовой миграции, образования людей мотивация становится ключевым фактором в привлечении и удержании качественной рабочей силы.

Исследователи отмечают важную роль наличия системы мотивации на небольших предприятиях. Так, в исследовании [1] выявлено, что руководители малых и микропредприятий г. Бреста считают наличие мотивации наиболее значимой характеристикой сотрудников для функционирования бизнеса: в 2007 г. 25 % опрошенных руководителей выбрали эту характеристику как наиболее значимую, в 2017 г. – 24,8 %. Следует отметить неизменность рассматриваемого уровня за время исследования [1, с. 42].

Предприниматели часто сосредотачиваются на привлечении внешних ресурсов, пренебрегая развитием потенциала внутренних ресурсов, включая потенциал своих сотрудников. Нередко собственник небольшого предприятия является также и менеджером компании, который управляет компанией с точки зрения стоимости своего имущества и ориентируется на управление материальными ресурсами. Следовательно, для небольших предприятий характерен подход частного собственника.

На организацию малого бизнеса существенное влияние оказывает уровень образования собственника или управляющего. В качестве еще одного важного критерия успешного развития организации исследователи выделяют наличие у руководителей навыков стратегического управления. Оно выступает важным мотиватором как для руководителя, так и для сотрудников, четко понимающих направление деятельности компании. Это дает сотрудникам желание развиваться для достижения целей предприятия.

Конкурентоспособности и инновационной деятельности малых компаний способствует образование и постоянное развитие руководителя и его сотрудников. Управление небольшой компанией отличается от управленческих процессов в крупных компаниях, где каждой из организационных единиц управляют квалифицированные сотрудники, а задача управления небольшой компании заключается в накоплении и развитии обширных знаний в конкретных сферах деятельности.

В процессе мотивации сотрудники выбирают один из вариантов действий для достижения личных целей. Цели, к которым стремятся люди, могут быть материальными (деньги, продвижение по службе), а также абстрактными (самооценка, удовлетворение от работы). Тем не менее многие исследователи приходят к выводу, что наиболее важным мотиватором сотрудников является заработная плата [2, с. 42]. Далее по значимости идут рабочее время и график работы. На 3-м месте предприниматели называют должностные обязанности и содержание работы. Социальные гарантии занимают 4-е место. На 5-е и 6-е место предприниматели поставили вопросы, связанные с коммуникацией, т. е. ролью команды и самого лидера (5-е и 6-е место соответственно). В результате 7-е, 8-е и 9-е места распределяются по стабильности, обучению и развитию карьеры. Малые предприятия часто подвергаются изменениям, приостановке деятельности или закрытию вообще в связи с изменением экономических и социальных обстоятельств, поэтому вопрос стабильности является достаточно чувствительным для малого бизнеса, хотя было показано, что именно малый бизнес обеспечивает наибольшее количество рабочих мест [2, с. 45]. Таким образом:

1) следует сделать вывод о важности наличия системы мотивации персонала в деятельности малых и микроорганизаций;

2) функционирование системы мотивации должно осуществляться при обязательном условии наличия элементов повышения квалификации как руководителя (в том числе по менеджменту, и в частности стратегическому управлению), так и сотрудников организации (по направлениям осуществляемой и перспективной деятельности);

3) построение системы мотивации малых и микроорганизаций должно включать разработку критериев определения, уточнения и ранжирования мотиваторов, а также конкретные мероприятия по реализации мотиваторов на практике с обоснованием их практической значимости и экономической эффективности.

Список использованной литературы

1. Ключня, В. Л. Формирование системы управления персоналом на предприятиях малого предпринимательства: организационный и функциональный аспекты / В. Л. Ключня, М. В. Варакулина // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. – 2018. – № 13. – С. 40–45.

2. Staff motivation problems in small enterprises / I. Arbidane [et al.] // Journal of Regional Economic and Social Development. – 2020. – № 1 (12). – С. 41–51.

К содержанию

С. Л. ЕРМАКОВИЧ

Минск, Белорусский государственный университет

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» И «НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ
КОНКУРЕНЦИЯ» В АНТИМОНОПОЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В условиях перехода Республики Беларусь к социально ориентированной рыночной экономике важнейшая роль принадлежит защите и развитию конкуренции на товарных рынках на основе антимонопольного законодательства. Его ядро составляет Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – антимонопольный Закон). В последней редакции он действует с 18 декабря 2019 г. В его преамбуле сказано, что он «определяет организационные и правовые основы противодействия монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции и направлен на обеспечение условий для развития конкуренции, создания и эффективного функционирования товарных рынков».

Из преамбулы следует, что главными средствами обеспечения развития конкуренции и эффективного функционирования товарных рынков является противодействие монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

Антимонопольный Закон содержит определения данных понятий. Согласно ему, «монополистическая деятельность – злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением, заключение соглашений или совершение согласованных действий, а также совершение иных действий (бездействие), направленных на недопущение, ограничение или устранение конкуренции и запрещенных настоящим Законом и иными актами антимонопольного законодательства» (п. 8 ст. 1).

В свою очередь, под недобросовестной конкуренцией понимаются «направленные на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности действия хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов, которые противоречат настоящему Закону, иным законодательным актам и актам антимонопольного законодательства или требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим конкурентам либо могут нанести или нанесли вред их деловой репутации» (п. 9 ст. 1).

Из содержания приведенных понятий следует, что общим для монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции является злоупотребление правом на свободу конкуренции. В этом своем качестве

они противоречат антимонопольному законодательству и являются правонарушениями. Общими для обоих видов правонарушений являются и другие признаки:

1. Субъектами монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции являются хозяйствующие субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность на одном и том же товарном рынке.

2. Для совершения правонарушений необходимо, чтобы хозяйствующие субъекты находились в состоянии конкуренции, т. е. совершали определенные действия по отношению друг к другу, направленные на достижение преимуществ в предпринимательской деятельности на соответствующем товарном рынке.

3. Противоправные действия могут совершаться в виде действий и (или) бездействия.

Вместе с тем понятия «монополистическая деятельность» и «недобросовестная конкуренция» содержат ряд несовпадающих признаков, которые характеризуют данные понятия как два самостоятельных вида злоупотребления правом на свободу конкуренции. Разграничивая данные понятия, следует указать, что сущность монополистической деятельности заключается в уничтожении и подавлении свободной конкуренции, в то время как сущность недобросовестной конкуренции состоит в ненадлежащих (нечестных) способах ведения конкурентной борьбы. В этой связи целью антимонопольных норм является предотвращение снижения уровня конкуренции, в том числе до ее полного устранения, и, соответственно, недопущение возникновения и функционирования монопольных рынков. В то же время целью норм, запрещающих недобросовестную конкуренцию, является не защита самого существования конкуренции, а обеспечение ее оптимального функционирования.

Иными словами, если защита от недобросовестной конкуренции осуществляется против нечестных действий хозяйствующих субъектов на товарном рынке в отношении их конкретных конкурентов, то антимонопольное законодательство направлено против ограничений конкуренции, которые в принципе касаются всех хозяйствующих субъектов, действующих на товарных рынках. Оно призвано защитить не столько интересы отдельных конкурентов, сколько конкуренцию в целом как предмет публичного интереса.

Защита от монополистической деятельности происходит в интересах всего общества, в то время как пресечение недобросовестной конкуренции выражается прежде всего в защите частных интересов субъектов конкурентных отношений [1, с. 51]. Поэтому защиту от монополистической деятельности условно называют макроуровнем регулирования конкурентных отношений, в то время как пресечение недобросовестной конкуренции –

ее микроуровнем [2, с. 30]. При этом в юридической литературе подчеркивается, что гораздо большую опасность для реализации права на свободу экономической деятельности представляет монополистическая деятельность в силу присущей ей тенденции к уничтожению конкуренции как таковой [3, с. 53].

Разграничивая понятия «монополистическая деятельность» и «недобросовестная конкуренция», следует указать еще на одно важное обстоятельство: монополистическая деятельность может осуществляться исключительно на основе злоупотребления рыночной властью хозяйствующими субъектами единолично или сообща, а недобросовестная конкуренция является результатом индивидуальных действий хозяйствующих субъектов, нарушающих общеправовые принципы добросовестности и разумности. Для того чтобы совершать акты недобросовестной конкуренции, хозяйствующим субъектам необязательно занимать доминирующие (господствующие) положения на товарном рынке. Для этого подходит любой рынок: монополизированный и немонополизированный, с развитой и неразвитой конкуренцией.

Поскольку для осуществления недобросовестной конкуренции не требуется наличие доминирующего положения, антимонопольный Закон не включает какие-либо формы недобросовестной конкуренции в состав правонарушений, совершаемых на основе использования рыночной власти. Таким образом, противодействие недобросовестной конкуренции в рамках антимонопольного законодательства должно быть сопряжено исключительно с возможностью монополизации товарных рынков.

В данном случае наблюдается расширение предметной области Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», регулирующего два различных по своей природе явления – монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию. Это объективно предполагает необходимость разграничения законодательства в сфере регулирования монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Полагаем, что именно по причине указанного обстоятельства в мировой практике редки случаи, когда в одном законе регулируются эти два явления, посягающие на добросовестную конкуренцию.

Список использованной литературы

1. Гукасян, Л. Е. Пути совершенствования отечественного законодательства о защите от недобросовестной конкуренции / Л. Е. Гукасян, А. В. Залесов, Д. И. Серегин // Законодательство и экономика. – 2004. – № 5. – С. 50–60.

2. Еременко, В. И. Теоретические аспекты российского конкурентного права / В. И. Еременко // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 28–35.

3. Устинов, В. С. Ответственность за монополистическую деятельность / В. С. Устинов, С. В. Устинова // Закон и право. – 2003. – № 1. – С. 53–57.

К содержанию

А. А. ЗАГОРНОВ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ В БССР

Экономическое правосудие Республики Беларусь следует рассматривать как продукт исторического развития. Существующий организационно-правовой механизм защиты прав и законных интересов участников экономических отношений представляет собой явление, основанное на богатом опыте собственной страны и обладающее потенциалом для будущего развития. В определении преемственности заключен смысл обращения к страницам прошлого.

После Октябрьской революции 1917 г. судебная сфера подверглась серьезной трансформации. Разрушив старую, достаточно стройную систему, новая власть стала постепенно создавать свою, базирующуюся на классовом и партийном принципах, что отразилось на практике разрешения хозяйственных споров. Например, в декрете ВЦИК № 2 «О суде» от 7 марта 1918 г. говорилось, что судебные иски между разными казенными учреждениями вообще не допускались. Таким образом, большинство конфликтов в экономической области решались административным путем с использованием в том числе партийных органов. Этот подход формировал модель, где неправовой порядок рассмотрения дел становился преобладающим.

Переход к нэпу потребовал утверждения нового способа разрешения хозяйственных споров вместо прежнего административного, неэффективного, громоздкого и практически не связанного процессуальным оформлением. Так, 21 сентября 1922 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР были созданы Арбитражная комиссия при СТО (Совет труда и обороны) и арбитражные комиссии при ЭКОСО (областных и губернских экономических совещаниях). Одновременно утверждалось Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями. Именно указанные арбитражные комиссии стали началом складывания системы органов Госарбитража, определившей развитие экономического правосудия в советский период.

Следует отметить, что вначале законодательство РСФСР, а после создания СССР союзное были определяющими для законодательного развития БССР.

29 октября 1924 г. ВЦИК утвердил Основы судоустройства Союза ССР и союзных республик. В ст. 22 Основ говорилось, что имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями рассматриваются:

а) Высшей арбитражной комиссией при СТО СССР;

б) высшими арбитражными комиссиями экономических совещаний союзных республик, местными (областными, губернскими) арбитражными комиссиями, организуемыми при исполкомах областей и губерний.

Правомочия органов Государственного арбитража были существенно расширены постановлением СНК СССР от 8 декабря 1931 г. «О мерах укрепления работы органов Государственного арбитража». Вскоре Госарбитраж при СНК СССР разработал и издал первые Правила рассмотрения и разрешения имущественных споров органами Государственного арбитража. Таким образом было завершено создание союзно-республиканской системы государственного арбитража, которая просуществовала весь советский период.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1959 г. на рассмотрение союзных и республиканских органов Госарбитража были переданы все споры между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями, предприятиями и учреждениями.

Постановление Совета Министров СССР от 7 августа 1970 г. «О повышении роли органов государственного арбитража и арбитражей министерств и ведомств в народном хозяйстве» стало следующим этапом в развитии хозяйственного правосудия. В нем решались общие вопросы государственного и ведомственных арбитражей.

В распоряжении Совета Министров БССР от 31 мая 1970 г. фиксировалось, что органы государственного арбитража и арбитражи министерств и ведомств БССР должны принять к руководству и исполнению постановление Совета Министров СССР от 7 августа 1970 г. № 646 «О повышении роли органов государственного арбитража и арбитражей министерств и ведомств в народном хозяйстве». В частности, Госарбитражу БССР поручалось изучить вопрос о разграничении подведомственности споров между Госарбитражем БССР и государственными арбитражами при облисполкомах, а в случае необходимости внести в Совет Министров БССР соответствующие предложения.

Сама система арбитража, в соответствии с Законом СССР о Государственном арбитраже в СССР от 30 ноября 1979 г., состояла из

Госарбитражей, образуемых при Совете Министров СССР, при Советах Министров союзных республик, при исполнительных комитетах областных Советов депутатов.

Основными ее задачами являлись: обеспечение защиты прав и охраняемых законом интересов предприятий, учреждений и организаций при разрешении хозяйственных споров; активное воздействие при разрешении хозяйственных споров на предприятия, учреждения и организации в целях обеспечения соблюдения ими социалистической законности, выполнения плановых заданий и договорных обязательств; борьба с ведомственностью в хозяйственной деятельности.

Завершился советский период развития экономического правосудия принятием 17 мая 1991 г. законов «О Высшем арбитражном суде СССР» и «О порядке разрешения хозяйственных споров Высшим арбитражным судом СССР», но с распадом Союза этот суд так и не заработал.

Таким образом, механизм экономического правосудия БССР складывался в непростых условиях, сопровождавшихся структурными преобразованиями, очерчиванием компетенции, разработкой процессуальной базы. Этот опыт лежит в основании современного организационно-правового механизма защиты прав и законных интересов участников экономических отношений.

К содержанию

И. Ю. КИРВЕЛЬ

Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

ОПЫТ СТРАН ЕАЭС ПО ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

В последние годы все государства, в том числе участники Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), столкнулись с необходимостью учитывать при организации судебной деятельности чрезвычайные ситуации, а также противоэпидемические мероприятия, введенные и реализуемые в связи с распространением пандемии COVID-19.

Некоторые из государств – участников ЕАЭС вынуждены были отреагировать на распространение пандемии введением чрезвычайного положения. В частности, для обеспечения безопасности населения в связи с распространением COVID-19 были введены чрезвычайные положения в Республике Казахстан (Указ Президента Республики Казахстан № 285 от 15 марта 2020 г.), в Республике Армения (постановление Правительства

Республики Армения № 298-N от 16 марта 2020 г.). Также на территории Кыргызской Республики распоряжением Правительства КР от 22.03.2020 № 93-р был введен режим чрезвычайной ситуации.

Распространение пандемии COVID-19, введение чрезвычайных положений оказали влияние не только на организацию работы в системе здравоохранения и других сферах жизнедеятельности государства, но и на процесс осуществления правосудия в государствах – участниках ЕАЭС. Так, в Российской Федерации постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 18.03.2020 № 808, от 08.04.2020 № 821 был приостановлен личный прием граждан в судах и рекомендовано обращение в суды только через электронные интернет-приемные или по почте. Также рассмотрению в обозначенный период подлежали только дела безотлагательного характера и приказного, упрощенного производства, а также дела, все участники которых заявили ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие.

В связи с пандемией коронавируса COVID-19 в Казахстане все судебные процессы были переведены в цифровой режим с удаленным участием всех субъектов судопроизводства. По делам, стороны которых не пожелали использовать электронные сервисы, рассмотрение было отложено на более поздние сроки либо приостановлено [1].

В октябре 2020 г. Высший судебный совет Армении разрешил проводить заседания судов в республике с согласия участников процессов удаленно, в онлайн-режиме, посредством внедрения систем аудио-, видеосвязи и применения всех необходимых электронных приложений в онлайн-режиме из-за роста числа выявленных случаев коронавируса [2].

В судах Кыргызской Республики был организован удаленный прием граждан и дистанционная работа сотрудников судов. Суды откладывали судебные процессы с учетом состояния здоровья лиц, участвующих в деле, и их возможности явиться в суд, проводили онлайн процессы по уголовным делам [3].

В Республике Беларусь реализация правосудия не претерпела существенных изменений в связи с распространением пандемии COVID-19, также в нашей стране не вводилось чрезвычайное положение. Однако хотелось бы обратить внимание на тот факт, что, помимо необходимости повышения уровня онлайн-взаимодействия судов и участников процесса в рамках белорусской судебной системы, некоторый опыт нормативного регулирования организации судебной деятельности в отдельных странах ЕАЭС может представлять интерес и быть полезным для Республики Беларусь. Так, анализ законодательства стран – участниц ЕАЭС показал, что во всех государствах действуют нормативные правовые акты, регламенти-

рующие чрезвычайные положения. Однако только в законодательстве Российской Федерации наибольшее внимание уделено деятельности судебной системы в условиях чрезвычайного положения.

Так, с учетом п. 2, 3 ст. 35 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» полагаем необходимым закрепить в ст. 30 Закона Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении» норму о запрете применения любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства. Также следует предусмотреть положение, согласно которому в случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено чрезвычайное положение, Верховный Суд Республики Беларусь вправе принять решение об изменении территориальной подсудности дел, рассматриваемых в таких судах. На наш взгляд, данные положения станут дополнительной гарантией обеспечения права на судебную защиту и доступности правосудия в случае введения чрезвычайного положения в нашей стране, а также будут способствовать гармонизации законодательства стран – участниц ЕАЭС.

Список использованной литературы

1. Нуров, С. М. О работе судов Республики Казахстан в условиях чрезвычайного положения ввиду пандемии [Электронный ресурс] / С. М. Нуров. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/5018529-o-rabote-sudov-respubliki-kazahstan-v.html>. – Дата доступа: 15.03.2022.

2. Суды в Армении могут работать в онлайн-режиме из-за COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/news/16774/sudy_v_armenii_mogut_rabotat_v_onlajn-rezhime_iz-za_covid-19. – Дата доступа: 15.03.2022.

3. Нуртегин, А. Правосудие в условиях пандемии (интервью с председателем Административного суда Исык-Кульской области М. Тагаевым) [Электронный ресурс] / А. Нуртегин // Информационно-аналитический портал «PR.kg». – Режим доступа: <http://pr.kg/gazeta/number/887/3841/>. – Дата доступа: 15.03.2022.

К содержанию

Ю. Н. КРУТЬКО, Д. А. ПЕТРУКОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

СТРАХОВАНИЕ ГРАЖДАН КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Страхование как вид экономической деятельности является одним из важнейших элементов системы социальной защиты населения. Для успешной ее реализации требуется качественная, стратегически спланированная работа системных учреждений. Финансовая политика страховой организации здесь – центральный элемент обеспечения защиты интересов всех задействованных сторон: граждан и юридических лиц страхователей, страховщиков, государства.

Финансовая политика является наиболее важным компонентом общей политики развития предприятия, которая включает политику инвестиций, инноваций, производства, персонала, маркетинга. Если рассматривать термин «политика» в более широком смысле, то «речь идет о действиях, направленных на достижение цели». Следовательно, достижение любой задачи, стоящей перед бизнесом, так или иначе обязательно связано с финансами: затраты, выручка, денежные потоки, а также внедрение любого решения в первую очередь требуют финансовой поддержки. Таким образом, финансовая политика не ограничивается решением локальных вопросов (анализ рынка, разработка процедуры прохождения и согласования договоров, организация контроля производственных процессов), а имеет безграничный характер [1].

Финансовая политика государства может преследовать политические, экономические и общественные цели. В то же время финансовая политика государства, будучи областью, отдельной от политики государства, постоянно является частью экономической политики государства. В ней указаны основные направления улучшения национальной экономики, определены обычный объем финансовых источников, их источники и направления применения, разработан механизм регулирования и стимулирования социально-экономических процессов финансовыми способами. В настоящее время во многих компаниях финансовые ресурсы расходуются на согласование конфликтующих задач и решений на разных уровнях управления, поэтому необходимо выбрать оптимальный механизм их достижения, а также максимально быстро и с наименьшими затратами поставить цели [2].

Финансовая политика компании состоит из комплекса мероприятий по целенаправленному созданию, организации и использованию средств для достижения целей компании. В основе – четкое определение единой

концепции долгосрочного и краткосрочного развития компании, выбор наиболее оптимальных механизмов достижения поставленных целей и разработка эффективных механизмов контроля [1].

Правильная оценка и эффективное использование экономических возможностей государства или региона, политической и экономической ситуации в стране и в мире имеют большое значение для разработки финансовой политики. Также следует учитывать передовой мировой опыт использования финансовых ресурсов.

Только при продуманной финансовой политике возможно достижение поставленных целей с минимальными затратами и в кратчайшие сроки. Именно поэтому «финансовая политика» все чаще применяется как алгоритм действий в практической сфере корпоративного управления [2].

Финансовая политика основана на стратегических направлениях, которые определяют долгосрочные и среднесрочные перспективы использования финансовых ресурсов и предусматривают решение основных задач, вытекающих из специфики функционирования экономики и социальной сферы страны. При этом государство выбирает текущие тактические цели и задачи использования финансовых отношений. Все эти виды деятельности тесно связаны и взаимозависимы.

Суть финансовой политики должна заключаться в создании условий и механизмов для наиболее свободной и заинтересованной самореализации личности, но с обязательной ответственностью за результаты своих решений [1].

Таким образом, финансовая политика компании – это комплекс мероприятий по целевому формированию, организации и использованию финансов для достижения целей компании. Суть финансовой политики должна заключаться в создании условий и механизмов для наиболее свободной и полной самореализации личности, но с обязательной ответственностью за результаты своих решений.

Финансовая политика организации определяется учредителями, собственниками и организуется финансовым менеджментом. Можно сказать, что финансовая политика играет важную роль в развитии государства. Она охватывает все сферы общества: политическую, экономическую, социальную. Финансовая политика способствует укреплению и развитию экономических связей со всеми странами мира, обеспечивая тем самым необходимые условия для совместного сотрудничества и решения многих проблем.

В таблице представлены размеры основных индикаторов страхового рынка Республики Беларусь за 2013–2020 гг. [4, с. 6].

Таблица – Основные индикаторы страхового рынка Республики Беларусь за 2013–2020 гг.

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Размер страховых взносов на душу населения, долл. США	77	75	54,5	52,3	58,3	63,5	71,3	66,3
Отношение страховых взносов к ВВП, %	1,02	0,93	0,95	1,05	1,02	1,01	1,06	1,03

За 8 лет, с 2013-го по 2020 г., наблюдается вариация рассматриваемых показателей. Так, за рассматриваемый период среднее значение страховых взносов к ВВП составило 1,01 %, среднее линейное отклонение размера страховых взносов на душу населения составляет 7,6 долл. США. При этом общая тенденция изменения этого показателя указывает на его уменьшение (рисунок) в среднем, что косвенно свидетельствует о необходимости совершенствования финансовой политики с целью достижения запланированных уровней развития страховой отрасли, сопоставимых с планами экономического роста Республики Беларусь (согласно Программе развития страховой деятельности на 2016–2020 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15.11.2016 № 922, к концу 2020 г. отношение страховых взносов к ВВП должно достичь 1,05 %).

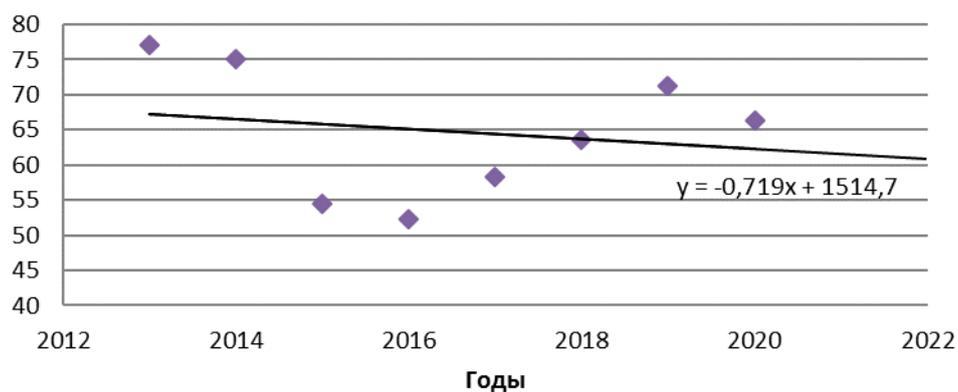

Рисунок – Размер страховых взносов (долл. США) на душу населения Республики Беларусь за 2013–2020 гг. и общая тенденция изменения

Таким образом, следует сделать вывод о важности рассмотрения финансовой политики страховой организации как части общей политики

развития, так и элемента системы социальной защиты Республики Беларусь. Актуальной научной задачей является поиск путей совершенствования финансовой политики страховых организаций Республики Беларусь с целью обеспечения устойчивого экономического роста и развития.

Список использованной литературы

1. Владимирова, О. Н. Финансовая политика в сфере инноваций : учеб. для студентов вузов / О. Н. Владимирова. – М. : Инфра-М, 2013. – 256 с.
2. Когденко, В. Г. Краткосрочная и долгосрочная финансовая политика : учеб. пособие / В. Г. Когденко. – М. : Юнити, 2016. – 471 с.
3. Лихачева, О. Н. Долгосрочная и краткосрочная финансовая политика предприятия : учеб. пособие / О. Н. Лихачева. – М. : Вуз. учеб., Инфра-М, 2011. – 288 с.
4. Страховой рынок Республики Беларусь, 2020 год : стат. сб. / Белорус. ассоц. страховщиков ; сост. Е. М. Шанина, Н. Г. Шавлюга. – Минск : ИВЦ, 2021. – 108 с.

К содержанию

И. П. КУЗЬМИЧ

Минск, Белорусский государственный университет

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Современное сельское хозяйство с точки зрения как продовольственной безопасности, так и производства сельскохозяйственной продукции, конкурентоспособной на международных рынках, испытывает очевидную потребность во внедрении новых технологий и переходе в целом на инновационный путь развития всей системы агропромышленного комплекса. Достижение указанной цели невозможно без соответствующего правового сопровождения и отражения данного процесса в нормах аграрного законодательства.

Одним из ключевых направлений, обеспечивающих переход аграрной сферы на инновационный путь развития и одновременно тесно связанных с наличием правовой основы, стал процесс распространения многочисленных информационных систем в сельском хозяйстве. Цифровая трансформация экономики – один из основных трендов современной социально-экономической политики государства, а формирование нормативной правовой основы – существенная часть процесса организации

цифровой информационной среды. В этой связи Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292, предусмотрено создание отраслевой цифровой платформы в сфере сельского хозяйства, частью которой должен стать информационно-справочный портал агропромышленного комплекса.

Уже в настоящее время в рамках аграрного законодательства правовое оформление в той или иной степени получили созданные и уже функционирующие информационные системы в сфере племенного дела в животноводстве, идентификации, регистрации, прослеживаемости животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения, семеноводства, осуществления ветеринарной деятельности. Однако анализ данного законодательства свидетельствует о различной степени правового обеспечения данного процесса, отсутствии терминологического единства понятийного аппарата и необходимой взаимосвязи нормативных правовых актов между собой.

Так, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 24-З (в ред. от 12.05.2020) «О племенном деле в животноводстве» под государственной информационной системой в области племенного дела в животноводстве понимается совокупность центрального банка данных, банков данных и баз данных в области племенного дела в животноводстве, а также информационных технологий и комплекса программно-технических средств. Законом определено, что она создана в целях государственного регулирования и управления в области племенного дела, получения достоверной информации о субъектах племенного животноводства, происхождении, продуктивности и племенной ценности племенных животных, племенных стад и включает в себя центральный банк данных, сформированный в установленном порядке, реестр субъектов племенного животноводства, государственный реестр, банки данных племенной продукции (материала) субъектов племенного животноводства, племенные книги. В названном Законе государственной информационной системе посвящена отдельная статья (ст. 21).

В Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 287-З (в ред. от 04.01.2021) «Об идентификации, регистрации, прослеживаемости животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения» также имеется схожее определение государственной информационной системы в обозначенной сфере, а правовая основа по ее созданию и функционированию систематизированна в отдельной главе (гл. 3).

В сфере ветеринарного законодательства, особо значимого для отрасли животноводства, речь идет об информационной системе в области ветеринарии как совокупности информационных ресурсов, а также

информационных технологий и программно-технических средств в области ветеринарной деятельности. Однако непосредственно в самом Законе Республики Беларусь «О ветеринарной деятельности» от 2 июля 2010 г. № 161-З (в ред. от 17.07.2020) специальные статьи, посвященные данной информационной системе, отсутствуют. Не определен на законодательном уровне и порядок ее создания и функционирования.

В отрасли растениеводства государственная информационная система до настоящего времени не получила надлежащего правового оформления, несмотря на наличие информационных ресурсов, аналогичных со сферой животноводства, и потребности в обеспечении такой же прослеживаемости в отношении продукции растениеводства. Так, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 102-З «О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений» предусмотрено ведение государственного реестра производителей семян сельскохозяйственных растений, государственного реестра сортов сельскохозяйственных растений, оформление документов на семена при их реализации (акта апробации, удостоверения качества и свидетельства на семена сельскохозяйственных растений). Закон Республики Беларусь «О карантине и защите растений» от 25 декабря 2005 г. № 77-З (в ред. от 18.07.2016) содержит обязательное требование о сопровождении подкарантинной продукции фитосанитарным сертификатом, а также ведении Государственного реестра средств защиты растений и удобрений, разрешенных к применению на территории Республики Беларусь.

Полагаем, что принятие единого нормативного правового акта о цифровой платформе сельского хозяйства позволит начать процесс по обеспечению правовой определенности в части используемого понятийного аппарата и наличия обязательных структурных элементов у схожих информационных систем и ресурсов, а также объединить правовое регулирование отношений по цифровизации сельского хозяйства в рамках всей отрасли, включая как растениеводство, так и животноводство, одновременно упрощая взаимосвязь и взаимодействие разнообразных участников аграрных отношений между собой.

К содержанию

М. А. ОМЕЛЬЯНЮК

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Т. А. Горупа, канд. юрид. наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Республика Беларусь и Российская Федерация являются членами нескольких интеграционных экономических союзов – СНГ, ЕАЭС, Союза России и Беларуси, поэтому для двух государств сфера перевозок выступает одним из ключевых элементов взаимоотношений.

Основным торговым партнером для Республики Беларусь является Российская Федерация, на долю которой в 2021 г. приходилось 49 % стоимостного объема внешней торговли товарами, 41 % экспорта, 57 % импорта [2].

Правовое регулирование транспортно-экспедиционной деятельности обеих стран может выступать в качестве инструмента, способного ускорять либо замедлять транспортные отношения между двумя странами.

На первый взгляд, Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и Закон Республики Беларусь «О транспортно-экспедиционной деятельности» практически совпадают (как и нормы Гражданских кодексов этих государств). Однако в белорусском и российском вариантах одноименных законов имеются принципиальные отличия в части размера ответственности экспедитора за несохранность груза:

– в размере стоимости утраченного или недостающего груза или в размере объявленной стоимости груза или части объявленной стоимости, пропорционально утраченной (недостающей) части груза, но не выше, чем его реальная стоимость (ст. 27) в Республике Беларусь;

– за утрату или недостачу груза, принятого экспедитором к перевозке с объявлением стоимости, в размере объявленной стоимости или части объявленной стоимости в пропорции недостающей части груза;

– за утрату или недостачу груза, принятого экспедитором к перевозке без объявления стоимости, в размере действительной (документально подтвержденной) стоимости груза или недостающей его части» (ст. 7) в Российской Федерации.

Схожие различия существуют и в случае с поврежденным грузом. В Законе Республики Беларусь «О транспортно-экспедиционной деятельности» о размере ответственности экспедитора фиксируется следующее: «...за повреждение (порчу) груза – в размере, на который уменьшилась стоимость груза, а при невозможности восстановления поврежденного груза – в размере его стоимости» (ст. 27).

В то же время российское законодательство предоставляет следующую формулировку: «за повреждение (порчу) груза, принятого экспедитором к перевозке с объявлением стоимости, в размере, на который уменьшилась объявленная стоимость, и при невозможности восстановления поврежденного груза – в размере объявленной стоимости. За повреждение (порчу) груза, принятого экспедитором к перевозке без объявления ценности, – в размере, на который уменьшилась действительная (документально подтвержденная) стоимость груза, а при невозможности восстановления поврежденного груза – в размере груза действительной (документально подтвержденной) стоимости» (ст. 7).

Белорусское законодательство о транспортно-экспедиционной деятельности, в свою очередь, не предусматривает каких-либо особенностей в вопросах приема груза от экспедитора и порядке уведомления о недостатке, порче, повреждении груза [1]. Однако Федеральный закон достаточно подробно освещает эти вопросы: «Приемка груза клиентом и по качеству, и по количеству осуществляется одновременно с его получением. При приемке груза получатель должен быть предельно точен и внимателен, так как именно при получении груза от экспедитора и обнаружении утраты, недостачи или повреждения (порчи) груза получатель/уполномоченное им лицо должен сразу же не только уведомить экспедитора о самом факте утраты, недостачи или повреждения (порчи) груза, но также и указать общий характер недостачи или повреждения (порчи) груза. Указанием на общий характер недостачи будет считаться, например, указание недостающего веса, если получатель осуществляет взвешивание при получении товара, указание на количество недостающих мест, на места со следами взлома, повреждения и т. п. Указанием на общий характер повреждения (порчи) груза будут считаться указания на все те недостатки груза, которые выявляются при внешнем осмотре, свидетельствующие о недостатках качества, то есть о повреждении, порче».

Таким образом, хотелось бы отметить, что Федеральный закон «Об экспедиторской деятельности» в большей степени, чем его белорусский аналог, призван защищать интересы экспедитора, что во многом отходит от принципов риска, на которых строится экспедиторская деятельность.

Список использованной литературы

1. Каменков, В. С. Ответственность по договору транспортной экспедиции [Электронный ресурс] / В. С. Каменков // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/export/foreign_trade/. – Дата доступа: 26.04.2022.

К содержанию

Д. А. ПЕТРУКОВИЧ, Н. Г. КОЛЯДИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

КЛАСТЕРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современном понимании кластер представляет собой сконцентрированную на некоторой территории группу взаимосвязанных предприятий и организаций, дополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом.

Начало работ по реализации политики кластерного развития экономики в регионах положено реализацией Стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций (утверждена в 2012 г.) и Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь (утверждена в 2014 г.). Вместе с тем с этого времени в регионах Республики Беларусь выявлены предпосылки к формированию инновационно-промышленных кластеров в большинстве видов деятельности обрабатывающей промышленности, исследователи указывают на необходимость разработки нормативов регламентации регионального аспекта кластеризации экономики, а также формирования региональной и межрегиональной кластерной политики в условиях открытой экономики и отражения ее в программах социально-экономического развития [1]. Немаловажным является рассмотрение кластеризации экономики регионов как элемента обеспечения его экономической безопасности.

Кластеры состоят из предприятий и организаций, производителей продукции и поставщиков услуг, а также государственных отраслевых органов, научных учреждений, обеспечивающих проведение исследований, подготовку специалистов, повышение квалификации, техническую поддержку региональной экономики. Можно сказать, что кластеры представляют собой сеть экономических отношений, которые создают конкурентные преимущества для связанных субъектов в конкретном регионе.

Кластерный подход начинается с отраслей, которые уже присутствуют в регионе, и региональные заинтересованные стороны реализуют инициативы по улучшению этих отраслей. Подход к созданию совершенно новых кластеров в регионе – это стратегия улучшения общих условий для ведения бизнеса за счет повышения квалификации, доступа к финансам и инфраструктуре, оптимизации государственных норм и правил, поддержки местного спроса и открытости для иностранных инвестиций и конкуренции. Кластеры, которые присутствуют в регионе, не обязательно нуждаются в государственной поддержке, чтобы существовать, тем не менее правильная государственная политика и стратегии могут помочь предприятиям в кластере стать более успешными и конкурентоспособными.

Развитие отраслевых кластеров стало ключевой целью регионального экономического развития в мире, поскольку было доказано, что кластеры укрепляют конкурентоспособность за счет повышения производительности, стимулирования инноваций и предоставления возможностей для предпринимательской деятельности. Это служит аналитической основой для стратегий экономического развития регионов на основе кластеризации, которые могут ориентироваться на определенные отрасли, размещаемые в регионе для укрепления кластера, или на региональные ресурсы для развития кластера. Стратегия кластерного экономического развития регионов может оказаться сложной или длительной в реализации, но аргументом в пользу этого является то, что она представляется более эффективной, чем разрозненный подход к обеспечению экономической безопасности, основанной на достижении отдельных показателей, например создании новых рабочих мест.

Для выявления кластеров и определения перспектив кластерного развития в регионе сейчас используются разнообразные методики. Существует методика соотношения удельного веса объема производства определенного вида в промышленности региона с долей этого же вида деятельности в промышленности страны в целом, использованная, например, в [1]. Также применяются индикаторы динамического и статического характера, свидетельствующие об изменениях в состоянии отрасли. Тем не менее современная сложность и многогранность экономических процессов, реализуемых в экономике региона, требует более широкого использования методик кластерного анализа. Так, решаемыми задачами по выявлению кластеров являются:

- разработка типологии или классификации субъектов региональной экономики;
- исследование схем группирования или территориального размещения субъектов;
- формулировка гипотез на основе исследования данных о принадлежности субъекта к определенному кластеру;
- проверка гипотезы на основе исследования массива статистических данных деятельности отрасли и конкретных экономических субъектов.

Этапами кластерного анализа являются: отбор выборки объектов для кластеризации; определение множества абсолютных и относительных показателей, по которым будут оцениваться объекты в выборке, т. е. признакового пространства; вычисление значений избранных показателей сходства (или различия) между объектами; применение метода кластерного анализа для создания групп сходных объектов; проверка достоверности результатов кластерного анализа.

Список использованной литературы

1. Клюня, В. Л. Направления кластерного развития региональной экономики Республики Беларусь / В. Л. Клюня, С. С. Балюк // Вестн. БГУ. Сер. 3. – 2015. – № 2. – С. 57–62.

К содержанию

Д. А. ПОЗДНЯКОВ, Д. А. ДВОРОНИНОВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Варакулина, канд. экон. наук, доцент

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

В свете последних событий острее встает вопрос об экономической безопасности стран – членов Союзного государства (далее – СГ). На данный момент речь идет о санкциях и частичных ограничениях на некоторые виды продукции и торговлю. И хоть речь не идет о полноценной блокаде, в лучшем случае о частичной, ибо иные страны не-Запада не поддержали антироссийские санкции, вопрос об экономической безопасности встал как никогда остро.

Цель – обозначить основные пути и методы достижения экономической безопасности, рассмотреть перспективы достижения экономической безопасности в разных отраслях.

Материалы и методы – рассмотрение финансовой-экономической сферы с целью выявления слабых мест экономической системы СГ, а также выделение основных целей для достижения экономической безопасности.

Экономическая безопасность может достигаться разными путями, основными из которых являются обеспечение безопасности основных экономических путей и замыкание всех экономических процессов внутри своей страны с минимальным внешним риском. На данный момент достижение экономической безопасности первым образом не реализуемо, а в случае реализации экономической безопасности этим образом может повлечь за собой зависимость от других крупных экономик, в частности Китая. Исходя из этого, наиболее предпочтительным методом достижения экономической безопасности является второй путь – автаркия.

Экономическая безопасность, помимо самой экономической сферы, включает в себя еще и технологическую безопасность, а именно создание собственных технологий, поддержание и совершенствование существующей экономической и производственной базы. На данный момент в России запущены большие госпрограммы по обеспечению технологической

безопасности, госкорпорации РосТех, РосАтом, РосКосмос и др. участвуют в создании отраслей, разрушенных во время распада СССР, таких как станкостроение, машиностроение, микроэлектроника и др.

Одной из важнейших частей обеспечения экономической безопасности является продовольственная безопасность. Основным направлением в данной отрасли выступает создание семенного и племенного хозяйства, для полного замыкания технологических цепочек. Заделы на создание собственного семенного и племенного хозяйства есть, и они будут разрабатываться.

Вопрос экономической безопасности в энергетической отрасли стоит не так остро, как в других отраслях. Связано это с тем, что основные месторождения и основные технологии по добыче, транспортировке и переработке в данной отрасли сосредоточены в СГ. Также в СГ существует полный цикл от добычи до получения конечного продукта.

Вопрос экономической безопасности в машиностроительной отрасли состоит в замыкании технологических цепочек по созданию оборудования, а также созданию, замыкании и (или) интеграции немногочисленных цепочек, отсутствующих в СГ. Основной спектр машиностроения в СГ существует, и замыкание технологических цепочек является не более чем стандартной инженерной задачей.

Тяжелая промышленность и металлургия – это те отрасли, которые нуждаются в минимальном количестве мер для улучшения экономической безопасности СГ. В частности, это переориентация товарных потоков на внутренний рынок.

Микроэлектроника – это отрасль, в которой наблюдается наибольшее количество слабых мест и которая требует наибольших финансовых вложений для достижения экономической безопасности. Несмотря на то что множество технологий и производства микроэлектроники есть в СГ, существуют части технологических цепочек, которые нельзя замкнуть быстро ввиду отсутствия нужных технологий. Множество из этих технологий придется разрабатывать с нуля. Тем не менее некоторый задел есть, есть специалисты и производства. Однако создание технологий данной отрасли потребует немало времени.

Заключение. При рассмотрении достижения экономической безопасности СГ нужно учитывать, что экономическая безопасность не подразумевает одномоментное создание производств последних поколений. Во многом основными целями является производство наибольшей номенклатуры товаров, что могут потребоваться в СГ. При этом первоначально цель построить производства последних поколений не стоит, цель – замыкание наибольшего количества технологических цепочек внутри СГ (ценой технологичности производимых товаров) и создание отсутствующих в СГ технологий.

Список использованной литературы

1. Официальный сайт госкомпании «РосТех» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rostec.ru>. – Дата доступа: 27.04.2022.
2. Официальный сайт госкомпании «РосАтом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosatom.ru>. – Дата доступа: 27.04.2022.
3. Портал «Геоэнергетика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rostec.ru>. – Дата доступа: 27.04.2022.

К содержанию

Т. З. ШАЛАЕВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В АКТАХ ВТОРИЧНОГО ПРАВА ЕАЭС

Раздел XII Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) закрепляет два важных принципа политики защиты прав потребителей: граждане государства-члена пользуются на территориях других государств-членов такой же правовой защитой, что и граждане этих других государств-членов (ст. 60); государства-члены проводят согласованную политику в сфере защиты прав потребителей, направленную на формирование равных условий для граждан государств-членов по защите их интересов от недобросовестной деятельности хозяйствующих субъектов (ст. 61).

Определение понятия «региональный стандарт» в качестве стандарта, принятого региональной организацией по стандартизации, установлено Приложением № 9 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. «Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза».

Несколько шире трактуется понятие «региональный стандарт» в ст. 1 Соглашения об основах гармонизации технических регламентов государств – членов Евразийского экономического сообщества от 24 марта 2005 г., где данный термин определяется как стандарт, принятый региональной организацией по стандартизации и доступный широкому кругу пользователей.

Статья 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации», с изменениями и дополнениями, внесенными Законом от 5 января 2022 г. № 148-З, закрепляет понятие «региональный стандарт» как стандарт, принятый региональной организацией по стандартизации.

Региональная организация по стандартизации представляет собой международную организацию, осуществляющую деятельность по стандартизации, членами (участниками) которой могут быть национальные органы по стандартизации государств, входящих в определенный географический либо иной регион мира или находящихся в соответствии с международными договорами в процессе экономической интеграции. В то же время Международная организация по стандартизации – международная организация, осуществляющая деятельность по стандартизации, членами (участниками) которой могут быть национальные органы по стандартизации любого государства.

Следует отметить, что определение понятия «национальный орган по стандартизации» представлено в ст. 2 Соглашения о распространении документов по межгосударственной стандартизации от 1 июня 2018 г., утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 сентября 2018 г. № 662 «Об утверждении Соглашения о распространении документов по межгосударственной стандартизации». Национальный орган по стандартизации является органом по стандартизации, признанным на национальном уровне, имеющим право представлять интересы государства в области стандартизации в соответствующей международной или региональной организации по стандартизации. В странах – членах ЕАЭС к таким органам относятся: Национальный институт стандартов и качества при Министерстве труда экономического развития Республики Армения, Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь, Комитет по техническому регулированию и метрологии Республики Казахстан, Национальный институт стандартизации и метрологии Кыргызской Республики, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Ростехрегулирование), подведомственное Министерству промышленности и энергетики Российской Федерации.

Регионального органа по стандартизации ЕАЭС в данное время не существует, однако создан Совет руководителей государственных органов по стандартизации Решением Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 г. как вспомогательный орган ЕАЭС с целью развития стандартизации в рамках развития Договора о Союзе.

Региональные стандарты в области защиты прав потребителей в прямом формальном понимании как нормативные документы (устанавливающие правила), отличающиеся особенностями разработки, утверждения, способов использования, а также направленностью на особую цель, фактически не нашли своего отражения в наднациональном регулировании отношений, возникающих при защите прав потребителей. В то же время следует признать, что отдельные требования, не носящие комплексного характера, присутствуют в актах как первичного, так и вторичного права Евразийского экономического союза.

Вторичное право ЕАЭС включает в себя юридические обязательные акты в форме решений и распоряжений органов ЕАЭС (Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия (главный исполнительный орган)).

Отметим, что решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета по защите прав потребителей должны приниматься консенсусом, исполняться государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством.

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) принимает в сфере защиты прав потребителей решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения комиссии, как известно, входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

Рекомендации ЕЭК по защите прав потребителей, в которых установлены принципы согласованной политики, заложены отдельные требования стандартизации и механизмы их реализации, являются наиболее многочисленными среди источников вторичного права ЕАЭС: Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 марта 2016 г. № 2 «О применении мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия уполномоченных органов в сфере защиты прав потребителей государств – членов Евразийского экономического союза»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 ноября 2017 г. № 27 «Об Общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 мая 2019 г. № 15 «Об Общих подходах к установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 15 сентября 2020 г. № 14 «Об осуществлении информационного взаимодействия между уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией по некоторым вопросам защиты прав потребителей»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 января 2021 г. № 1 «О принципах и критериях добросовестной деловой практики в отношении потребителей в сфере розничной торговли товарами»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 1 марта 2021 г. № 7 «О Методических рекомендациях по разработке программ государств – членов Евразийского

экономического союза в области защиты прав потребителей»; Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 27 апреля 2021 г. № 72 «О создании рабочей группы по подготовке проекта программы совместных действий государств – членов Евразийского экономического союза в сфере защиты прав потребителей и обеспечения качества товаров и услуг»; Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 февраля 2022 г. № 5 «О подходах к определению понятия “качество товаров (работ, услуг)” в сфере защиты прав потребителей.

На повестке дня достаточно остро определяется необходимость формирования действенных межгосударственных механизмов, направленных на защиту прав и интересов граждан-потребителей. И в этой связи просматривается недостаточность научных исследований в области формирования, развития и гармонизации региональных стандартов государств ЕАЭС, используемых в источниках вторичного права ЕАЭС.

Исходя из концепта, что первичное право ЕАЭС по аналогии с системой права ЕС состоит из учредительного Договора о ЕАЭС и соглашений, его дополняющих и развивающих, а во вторичное право ЕАЭС входят акты в форме решений и распоряжений руководящих органов ЕАЭС, важной представляется задача систематизации норм, отвечающих за стандартизацию требований, условий, оснований, особенностей защиты прав потребителей.

Разработка региональных стандартов в области защиты прав потребителей в ЕАЭС должна, по-видимому, начинаться с создания организационно-правовых основ региональной стандартизации в сфере защиты прав потребителей. Причем региональная стандартизация должна рассматриваться как деятельность по установлению правил, общих принципов, характеристик, рассчитанных для многократного использования на добровольной основе, направленная на достижение упорядоченности в области защиты прав потребителей государств-членов в целях обеспечения:

- безопасности продукции, работ и услуг для окружающей среды, жизни, здоровья и имущества;
- технической и информационной совместимости, а также взаимозаменяемости продукции;
- качества продукции, работ и услуг в соответствии с уровнем развития науки, техники и технологии;
- единства измерений;
- экономии всех видов ресурсов;
- безопасности хозяйственных объектов с учетом риска возникновения природных и техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций;
- обороноспособности и мобилизационной готовности государств-членов.

Представляется целесообразным создание регионального органа по стандартизации ЕАЭС, в котором будут предусмотрены департаменты отраслевой стандартизации с возможностью координации их деятельности в области защиты прав потребителей. Наличие специального органа ЕАЭС в сфере стандартизации, в том числе и по защите прав потребителей, активизирует деятельность ЕЭК по межгосударственной стандартизации на платформе Межгосударственного совета по стандартизации, метрологии и сертификации СНГ.

Обозначим мнение автора, что до формирования региональных стандартов по защите прав потребителей (судебно-правовой, государственно-правовой, общественно-правовой) требовалось бы провести инвентаризацию национальных норм, устанавливающих права потребителя с возможностью их гармонизации в рамках Союза и перспективой формирования на этой основе регламента (свода) региональных стандартов по эффективной реализации этих прав (право на просвещение и получение знаний о правах потребителя; право на достоверную информацию о товаре (работе, услуге), право на безопасный и качественный товар (работу, услугу), право на свободу выбора товара (работы, услуги)).

К содержанию

К. В. ШАХАЛЕВИЧ

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. В. Вашкевич, старший преподаватель

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО ЛИЦЕНЗИАТА НА РЕГИСТРАЦИЮ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Исключительные права на товарный знак и знак обслуживания (далее – товарный знак) включают право использовать товарный знак и распоряжаться им, а также право запрещать использование товарного знака другими лицами. Право распоряжения исключительными правами на товарный знак может быть реализовано путем передачи владельцем исключительных прав третьим лицам.

Распоряжение исключительным правом на товарный знак требует заключения специального договора (договора уступки, лицензионного договора, договора франчайзинга) либо включения условий такого договора в смешанный договор, а также регистрации такого договора в патентном органе [2].

Так, исключительные права на товарный знак могут быть переданы третьим лицам, в том числе на основании лицензионного договора.

Как закрепляет ст. 1 Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХП (далее – Закон о товарных знаках), право на использование товарного знака может быть предоставлено владельцем товарного знака (лицензиаром) другому лицу (лицензиату) по лицензионному договору в отношении всех или части товаров, для которых зарегистрирован товарный знак. При этом прекращение правовой охраны товарного знака, права на который были переданы по такому договору, влечет прекращение такого лицензионного договора.

Законодательно установлено, что правовая охрана товарного знака может быть прекращена в случае признания недействительным предоставления правовой охраны товарного знака, а также в случае письменного заявления об отказе от нее владельца товарного знака, прекращения деятельности организации или смерти физического лица – владельца товарного знака, если их исключительное право на товарный знак не перешло к правопреемникам, а также в иных законодательно установленных случаях.

Так, может возникнуть ситуация, когда лицензиат, используя товарный знак на законных основаниях, способствует приобретению узнаваемости товарного знака, что напрямую связано с эффективной реализацией функций товарного знака, производит финансовые вложения, связанные с перспективами использования товарного знака в будущем. При лишении права использования товарного знака в результате прекращения его правовой охраны по обстоятельствам, не зависящим от лицензиата, названные действия остаются неоправданными. Таким образом, проявляется некоторая уязвимость правового положения указанных субъектов [1, с. 10].

При этом, согласно положениям Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 12 декабря 2013 г. № 94-З и сложившейся правоприменительной практике, регистрация товарного знака, используемого ранее другим субъектом, может быть признана в качестве недобросовестной конкуренции. Так, ст. 25 Закона о товарных знаках предусмотрена возможность признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку, если связанные с регистрацией действия владельца товарного знака признаны антимонопольным органом или судом недобросовестной конкуренцией. Данная возможность может быть использована в качестве инструмента защиты прав лицензиата.

Тем не менее с целью укрепления правового положения и более эффективной защиты интересов лицензиата считаем возможным предоставление им преимущественного права подачи заявки на регистрацию товарного знака в случае прекращения правовой охраны товарного знака по основаниям, связанным с правообладателем.

При этом следует учитывать, что лицензия может быть как исключительной, так и простой. Так, передача исключительных прав на товарный знак возможна одновременно нескольким субъектам. Полагаем, целесообразным было бы предоставление права преимущественной регистрации товарного знака лицу, обладающему более ранним правом его использования и реализующему это право непосредственно перед прекращением правовой охраны товарного знака на законных основаниях.

При этом отметим, что в случае закрепления такого права некоторым корректировкам будет подлежать существующий механизм регистрации товарного знака. Так, полагаем, закрепление преимущественного права подачи заявки на регистрацию товарного знака должно повлечь расширение перечня оснований для отказа в регистрации товарного знака, а также советуемое расширение объема экспертизы обозначения.

Таким образом, отметим перспективы совершенствования законодательства путем наделения преимущественным правом на подачу заявки на регистрацию товарного знака лица, которому было передано право использования данного товарного знака и реализующему это право непосредственно перед прекращением правовой охраны товарного знака на законных основаниях. В случае передачи исключительных прав на товарный знак нескольким лицам целесообразным полагаем наделение преимущественным правом лица, обладающего более ранним правом использования товарного знака.

Список использованной литературы

1. Курлаев, О. А. Правовое регулирование использования исключительных прав на товарный знак и знак обслуживания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Курлаев. – М., 2007. – 29 с.

2. Лосев, С. С. Передача права на товарный знак без лицензионного договора / договора уступки [Электронный ресурс] / С. С. Лосев // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

К содержанию

А. С. ЯКИМОВА

Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. И. Панин, старший преподаватель

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Понятие финансового контроля является одной из наиболее важных и значимых категорий финансового права. Изучение данного правового и экономического явления обусловлено важностью финансового контроля

в сфере государственных финансов. Необходимость изучения данной правовой категории обусловлена важными задачами, решаемыми в процессе финансового контроля, в частности:

- целенаправленное и надлежащее использование государственных финансовых ресурсов и объектов государственной собственности;
- управление экономикой государства в строгом соответствии с законом;
- разработка и реализация мер по возмещению понесенных государством убытков.

Финансовый контроль можно определить как составную часть или особую отрасль государственного финансового контроля. Его существование объективно обусловлено тем, что финансы, главным образом как экономическая категория, выполняют не только распределительную, но и контрольную функцию. Поэтому использование государством финансовых ресурсов в процессе реализации своих задач подразумевает необходимость контроля на всех этапах их выполнения. Финансовый контроль осуществляется в порядке, установленном правовыми нормами. Согласно нормативным рекомендациям, в него входят органы государственной власти и местного самоуправления, включая специальные надзорные органы, а также общественные организации, трудовые коллективы и граждане [1, с. 35].

В настоящее время в правовой литературе представлен достаточно широкий спектр определений финансового контроля и его форм, что свидетельствует не только о наличии различных точек зрения на основы данного явления, но и об актуальности дальнейших исследований в этой области. Можно определить, что финансовый контроль – это целенаправленная деятельность уполномоченных органов по обеспечению выполнения субъектами хозяйствования установленных форм и методов реализации финансовых отношений, анализа их эффективности и разработки предложений по их совершенствованию. В широком смысле контроль является частью общегосударственного контроля и осуществляется всеми органами государственной власти:

- Президентом Республики Беларусь;
- Парламентом Республики Беларусь;
- Правительством Республики Беларусь.

Однако для этих органов власти полномочия по контролю не являются самым важным и основным видом деятельности. В собственном смысле слова финансовый контроль – это управленческая деятельность специальных контрольных органов в сфере бюджетной деятельности государства.

По мнению Н. И. Химичевой, в содержании финансового контроля один из основных его элементов – выявление внутренних резервов

производства, следствием чего является возможность повышения производительности труда, более экономного и эффективного использования материальных и денежных средств [2, с. 84].

Необходимость существования финансового контроля в сфере государственного финансово-кредитного управления обусловлена многими факторами, один из которых связан с функцией финансового контроля. Контроль проводится при осуществлении любой финансовой операции, которая должна быть одновременно экономически целесообразной и юридически законной. Финансовый контроль позволяет проверить выполнение финансовых планов субъектами хозяйствования и организацию финансово-хозяйственной деятельности в целом.

В частности, многие авторы, исследуя сущностные характеристики финансового контроля, отождествляют его с финансовым контролем государства, что при первичном экономико-правовом анализе данного финансово-правового института допустимо. Что касается сущности финансового контроля, то В. В. Бурцев формулирует ее через структурированную триаду, которая в большей степени раскрывает содержание финансового контроля: «Сущность государственного бюджетного контроля выражается следующей триадой:

- 1) выявление ошибок и злоупотреблений;
- 2) обеспечение их устранения, т. е. принятие корректирующих мер по результатам контроля;
- 3) анализ факторов их возникновения и разработка мер по их предотвращению в будущем» [3, с. 33].

Таким образом, согласно юридической литературе, финансовый контроль – это контроль законности и целесообразности деятельности по образованию, распределению и использованию государственных ресурсов. Только посредством контроля государство следит за правильным и своевременным выделением финансовых ресурсов из бюджета, государственного внебюджетного фонда и других централизованных денежных средств, а также за целевым и эффективным использованием государственных ресурсов.

Список использованной литературы

1. Вишневский, А. А. Финансовый контроль : учеб. пособие / А. А. Вишневский, В. С. Гальцов, И. В. Сауткин. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 92 с.
2. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. – М., 1995.
3. Бурцев, В. В. Государственный финансовый контроль: методология и организация / В. В. Бурцев. – М. : ИВЦ «Маркетинг», 2000. – 390 с.

К содержанию